

Викторьен Соссэ.
ДНЕВНИК КУШЕТКИ.

016-020 г.

(Глас А)

СОДЕРЖАНИЕ:

I-XXIII. 2-184

СНОСКИ: ...191

ОГЛАВЛЕНИЕ: ...191

oo oo

I.

Берусь за свои «Мемуары», побуждаемая не чувством голода, как это делают старая кокотка, генерал в отставке либо бывший министр империи; к числу подобных лиц я не принадлежу. Я всего лишь обыкновенная мебель. Не могу похвастаться своим происхождением, но, подобно любому солдату Бонапарта, носившему маршальский жезл в своем патронташе, я могла бы услугу государству снискать свой «жезл славы» и признательность потомства.

Я, кушетка, принимала участие в таком количестве состязаний, что никакая другая не осмелилась бы сравнить свои похождения с моими. Однако же ничто, казалось, не предрешало при моем рождении той ро-

ли, которую мне предстояло сыграть: ни одна гадалщица не открыла линий счастья ни в стежках вышитой обивки, ни в моем еловом остоле, ни в принадлежащих мне медных пружинах. В то же время нельзя сказать, чтобы я была настолько же счастлива, насколько прекрасна.

Мои воспоминания живы, несмотря на преклонные лета. Я родилась в один прекрасный день совершенно случайно в мастерской одного из магазинов, расположенных на площади Пигаль. Отец мой был рабочий, потративший на меня три дня; матери же я никогда и не знала. Тотчас же виновник моего появления на свет препроводил меня в магазин. Осмотрев, меня приняли, поместили в просторную комнату с неприятным ароматом и поставили рядом с другими сестрами, которые, подобно мне, были простыми заурядными кушетками. Расставленные таким образом, мы все ходили на маленьких бедненьких покинутых девушек.

Я пробыла там несколько месяцев. Ежедневно являлась публика для того, чтобы осмотреть каждого из нас. Уменьшалась ли от этого наша рать? Почти тотчас же свободные места замещались другими кушетками, подобными мне и другим: говорили, что они ждали своей очереди за дверью.

Сначала я думала, что удаление происходит потому, что мы должны выдержать испытание в течение определенного срока, прежде чем переместиться в другое место; но впоследствии я убедилась, что дело не в этом: исчезали некоторые из товаров, прибывшие значительно позже меня. Я даже оказалась самой старшей в магазине.

Покрытая пылью, заброшенная в угол, я стала размышлять о своей старости. Конечно, во мне не было больше блеска, пышности, свежести первого дня. На спинке, которая служила лицевой стороной, красовался ярлык с пометкой о моих качествах и цене. Когда являлась дама, меня расхваливали, но дама обыкновенно про-

ходила мимо, снисходительно останавливаясь на одной из моих соседок, а через несколько минут последняя увозилась, я же постоянно оставалась на одном и том же месте, в своем углу, в отвратительном расположении духа. Поразительно, как может с течением времени измениться характер!

Однажды, наконец, произошло то самое знаменательное событие, которое изменило дальнейшее существование.

Один, дотоле неизвестный мне субъект явился в зал; двое служащих, живших с нами, бросились со всех ног ему навстречу.

— Ну что же! — воскликнул незнакомец. — Где же «волк»?

При этих словах я затрепетала: волков ведь боятся во всяком возрасте. Но каков был мой ужас, когда двое служащих без колебаний протянули правые руки в мою сторону! Нечего было больше: я и была этот «волк».

Незнакомец окинул меня взглядом, который подтверждал мое предположение, сорвал ярлык и сказал:

— Она очень хороша... Для того, чтобы сбыть её с рук, следует выколотить и вычистить щеткой. Да, и перемените ярлык, вместо ста десяти франков наклейте на сто сорок. Я вам даю сроку сорок восемь часов, чтобы развязаться с этим «волком».

Он уехал.

Служащие, вероятно, из жалости ко мне или же, пожалуй, к себе, не вычистили и не выколотили меня, но в указанном месте прикололи ярлык с моей новой ценой. Вот так, состарившись под пылью, я повысилась в цене. Но я, старая дура, поняла это лишь так поздно.

Вскоре явилась элегантная дама среднего роста, красивая, надушенная, обладательница ласкающих карих глаз; голос её был сдержан, но звучал авторитетно:

— Соблаговолите показать ваши кушетки!

— С удовольствием, сударыня, — сказал служащий, — у нас, действительно, имеется богатый выбор кушеток.

А, эта фраза мне знакома. В течение нескольких месяцев я много раз её слышала; и произносится она всегда одним и тем же тоном, совершенно бездоказательно.

— В какую цену? — спросил он.

— О! Я плохо осведомлена о ценах, — ответила она. — Мне нужно что-либо основательное, комфортабельное, и в то же время не дорогое.

— Вы должны посмотреть, — возразил служащий, — этого товару у нас идет много. Соблаговолите подойти, сударыня!

Разговор велся при мне. Признаюсь, что волновалась я ужасно. О, Боже! Неужели меня выберут? Я этого желала всей душой! Когда посетительница села на меня, я по-

— старалась, конечно, передать рессорам всю нежность и гибкость, которыми была полна моя душа.

Она встала, наклонилась к моему ярлыку и заметила:

— Сто сорок.

— О, сударыня, это прямо даром! — воскликнул приказчик. — Эта мебель прочная, за неё можно поручиться.

Потом, повернувшись в сторону тех, которые были возле меня, он дерзнул без малейшего колебания в голосе произнести ту же ложь:

— А вот другие — эти в 110 франков, но я не осмелился бы предложить их вам и гарантировать их прочность.

Хорошенькая дамочка осмотрелась, сделала гримаску, и снова взор её остановился на мне. Как я благословляла эти прекрасные карие глаза!

— Впрочем, — сказала она, — сто сорок франков... Если она прочна...

— Я ручаюсь за её качество, сударыня; лучшего не бывает в этом жанре и по этой цене; и, как вам известно, мы никогда не обманываем своих клиентов.

— Я люблю сочетание красок различных оттенков, — прибавила дама.

— О, сударыня, здесь такое разнообразие цветов, которого вы нигде не найдете. Мы сами делаем обивку, и эти перемежающиеся цвета — одна из тайн нашего производства. Я вам даже скажу, что в этой гораздо больше вкуса, чем в той. Та несколько бьет в глаза.

Он указал на мою рыжую невзрачную соседку.

— Я думаю, она ужасна! — воскликнула дама.

— Не правда ли, сударыня? — поторопился заискивающе сказать другой приказчик.

— Можете ли вы доставить её сегодня же?

— спросила дама.

— В Париж?

— Да.

— Конечно, сударыня. Вы оставите адрес в кассе, а я позабочусь о немедленной отправке. Если подвода подрядчика уже уехала, я поспешу отправить специально заказанную.

И они отправились к кассе.

Дело было решено. Меня должны были убрать.

Через десять минут меня завернули в серую бумагу, перевязали бечевкой и так скоро вынесли, что у меня не было даже времени распрощаться со своими товарками и с магазином, где я провела первые месяцы жизни... Меня взвалили на телегу.

Телега покатилась, и я вскоре оказалась на месте назначения.

— На первый этаж, — сказала жена швейцара, к которой обратился возница, — на второй площадке.

Меня понесли, едва ли не с благоговением, возница и швейцар по узкой, темной, выкрашенной в серый цвет лестнице. У двери швейцар позвонил. К моему изумлению, появилась не та дама, которая приходила, чтобы меня приобрести. О, ужас! Это был мужчина.

Меня внесли. Я миновала переднюю, маленький зал, столовую и была поставлена в спальню, где мне суждено было пробыть впоследствии так долго, и, признаюсь, не проскучав ни единого дня.

Но прежде, чем дать вам возможность понять, насколько я могла быть счастлива в такой обстановке, я должна покончить с описанием, которое будет состоять, таким образом, из трех частей: необходимо ска-

зять как о моем новом хозяине, так и том месте, которое отныне стало для меня, как говорят, «домом». Хозяин квартиры не оказал мне достаточно радушного приема; он окинул меня сверху донизу недовольным взглядом, напрасно стараясь отыскать во мне что-либо изящное, скорчил гримасу, и я услышала процеженный сквозь зубы несправедливый упрек: «Фу!..»

Вот и все.

Он меня оставил в углу, и я не видела его в течение почти всего вечера, но зато мне представился случай осмотреться вокруг. Опечаленная, меланхоличная, готовая заплакать, я вступила в сношение с различными предметами, расположенными в спальне, в которой мне суждено было провести такие интересные минуты, о которых любая кушетка может только мечтать.

После внимательного осмотра всех предметов я, признаюсь, вновь почувствовала как рождается самоуверенность и невольно

подумала про себя: «Может быть, я и не очень хороша, я это знаю, так как была «волком» в магазине, но в общем, я думаю, вокруг меня такая же публика».

Я ухмыльнулась при этой мысли и поздравила сама себя с тонким развитым вкусом.

— Мы должно быть все одного поля ягоды,
— произнесла я совершенно тихо.

Как бы предугадав свои будущие обязанности, я остановила свой взор на кровати. Я, вероятно, должна быть для неё страшной соперницей. Так впоследствии и оказалось. При удобном случае я поведаю о наших бесполезных столкновениях, теперь же мне не хочется об этом распространяться.

Маленький стул, набитый шерстью, гордо расположился в середине комнаты и, приняв вид часового, готового во всякий момент с остервенением на меня наброситься, буркнул по моему адресу:

— Э! Пожалуйте... кушетка!

Я обошла молчанием его обращение.

Рядом с ним стояло широкое кресло, гордое своей бесполезностью. Оно, казалось, думало, осматривая кровать, маленькое кресло и меня: «Я не из таковских!»

Эта спесь мне была более несимпатична, чем дерзость маленького стула, так как тот по крайней мере назвал меня по имени.

Поэтому я обратилась к гравюрам и портретам, развешанным там и сям. Это были рисунки не весьма приличного свойства: полуодетые дамы на них целовались с такой страстностью, какую только можно передать на бумаге; здесь изображалась ласка такая сладострастная, что у меня от неё невольно пробежала дрожь по телу.

Но как описать мою радость, когда я заметила среди множества рам портрет, да, портрет молодой женщины с большими карими глазами, явившейся положить конец моему утомительному ожиданию, в котором

я пребывала так долго в этом ненавистном магазине. Это была она, улыбающаяся, элегантная и нежная! С какой любовью я её рассматривала! её прелестные глаза, казалось, были устремлены на меня, как будто она желала сказать, что я являюсь для неё желанной.

Итак, я не буду совершенно одинокой в моем новом жилище; я там тотчас же нашла себе друга.

С наступлением ночи мои мечты и размышления были прерваны шумом от поворота ключа в отдаленном замке; слышались тяжелые, уверенные шаги; явился действительный владелец квартиры и мой хозяин.

Меня бросило в дрожь. Зачем он пришел? Что он тут будет делать? О чем он будет говорить?

Я его осмотрела с большим вниманием. Мне больше всего хотелось ему понравиться, но пленить людей нельзя до тех пор,

6 пока их не узнаешь. К сожалению, у меня не было времени изучить своего нового хозяина, так как раздавшийся стук заставил его стремительно броситься к двери, чтобы принять посетителя. Впрочем, это была посетительница. Я тотчас же подумала о маленькой даме с карими глазами. Очевидно, это должна была бы быть именно она. Ведь она сказала, выбирая меня: «Я надеюсь, что эта кушетка будет доставлена сегодня же вечером».

Признаюсь, я была очень рада. Я уже любила её от всей души и была ей крайне признательна. Она, она-то меня не презирала! Я уже привыкла к её голосу и могла бы узнать его, если бы не говорили так тихо.

Мой хозяин говорил очень много, вероятно, желая скорее успокоить вошедшую.

Несколько мгновений спустя в комнату вошла совершенно незнакомая мне брюнет-

ка. Её манеры изобличали в ней постороннюю.

Я нахмурилась в своем углу, притихла, насколько это возможно для кушетки, и, сдерживая биение сердца, старалась оставаться незамеченной. Я как бы предчувствовала, что могу стать, против своего желания, соучастницей мерзкого поступка, может, даже предательства.

Увы, мои предчувствия оправдались! Очень скоро, несмотря на всю мою девичью невинность, я поняла многое, тем более что события следовали с головокружительной быстротой.

Это была милая, симпатичная борьба. В таких случаях мой хозяин бывал бесподобен. Что сказать? Его манера действовать хотя несколько и удивила меня, но все же пришлась по вкусу.

Первое, что я услышала — это звук поцелуев, вернее, поцелуя моего хозяина, так как гостя сначала очень неохотно отвеча-

ла на его ласки. Его голос, показавшийся мне вначале грубым и злым, становился все мягче и искреннее. Мне, никогда не бывавшей в театре, казалось, что артисты должны говорить именно так.

Высокая молодая брюнетка не могла отвечать на длинные монологи моего хозяина: он ей постоянно зажимал рот поцелуями.

Вдруг, как бы по мановению волшебной палочки, шляпа прекрасной дамы очутилась на кровати, а сама она испустила легкий крик, выражавший скорее испуг, чем изумление.

Но положение тотчас изменилось. От поцелуев мой хозяин очень скоро перешел к объятиям. Он обхватил её так сильно, что вырваться было совершенно невозможно. Заведя ей руки за спину, он бросил её на меня. Я слышала поцелуи, которые мало-помалу перешли в тихий и нежный шепот. Впервые в своей жизни я присутствовала при первых победах расцветающей любви,

хотя это, возможно, была только игра в любовь.

Без сомнения, я родилась кушеткой в высшей степени даровитой, поскольку так тонко и хорошо сумела разобраться в деталях той истории, которая разыгралась при моем благосклонном участии. Разговаривали они недолго. После последних поцелуев, затихших с последним легким шелестом уже смятого платья, воцарилась тишина.

Ясно, главное свершилось; но я, признаться, плохо поняла, что именно.

В обществе двух опьяненных существ, свершивших бесспорно греховное деяние, я ощущала всю наготу их чувств, и мои нервы, доселе спокойные, трепетали как маленькие свежие распутившиеся листочки молодого дерева при дуновении весеннего ветра.

Незаметно для самой себя я начинала смешивать их желания со своими. Они уже не были наедине: нас было трое.

Несмотря на мой стыд и наивность, невзирая на мою молодость и неопытность, я чувствовала себя вовлеченной ими в круговорот сладострастия; я хотела одновременно с ними достигнуть неизвестной мне цели, сулившей, казалось, столько неги, столько удовольствия!

События приближались к какому-то неиспытанному безумному моменту; все, что только способно в человеке выражать радость — все это запело, и песня поистине была восхитительна: прощение, крик скорби, мучительный призыв, торжественные возгласы; это было наслаждение во всю ширь со всеми неизбежными тревожностями.

С этого момента, помнится мне, я уже плохо разбиралась в том, что происходило. Я ужасно смутилась и сконфузилась. Это был дурман; но я была всего лишь кушеткой, опьяненной мучительным наслаждением, которое наложило неизгладимый отпечаток на мою сладострастную натуру. Это было

моим крещением. Доныне я как бы не существовала; у меня не было ни мнений, ни верований. «Крестины» же меня возродили и посвятили; я походила на весталку, онемевшую от сильных ощущений; не проявляя всей страстности моих чувств, я достаточно отведала тайн той неуловимой души, которая всегда скрывается в *meubles d'amour*.

Чем закончилось это первое приключение, я до сих пор не знаю. Но ведь и пожилые женщины помнят не лучше и не больше меня о своих первых похождениях! Да послужит хоть это мне оправданием, — все мемуары имеют свои слабые стороны.

Несколько времени спустя высокая брюнетка взяла свою шляпу, отделанную чёрными перьями; мой хозяин подобрал вокруг её головки фиолетового цвета вуаль: они быстро распрощались, казалось, немало смущенные, и прелестная дама покинула комнату.

Я насторожилась, стараясь узнать — во мне разгорелось любопытство, — назначила ли она ему в ближайшем свидание. Я услышала вполне внятно следующие слова:

— Я не знаю, сумею ли я на этой неделе... Мой муж ведь предоставляет мне так мало свободы!

Мой хозяин ответил:

— Все мое счастье в ваших руках. Я не предлагаю вам посвятить вашего мужа в нашу дружбу; не будем примешивать к нашему завтрашнему веселью так много комизма.

Сдержанный смех донесся до моего слуха и дверь захлопнулась. Все кончилось.

II.

Мое первое приключение повлекло за собою последствия, которые могут с первого взгляда показаться маловажными; для меня же они имели огромное значение. Впрочем, это легко будет понять.

Вернувшись в комнату, мой хозяин осмотрел меня с большим вниманием. Скрестив руки, нахмутив брови, он оглядел меня с ног до головы, как будто раздумывая: как быть?

Наконец, казалось, было принято определенное решение: он прошел в соседнюю комнату; я слышала, как там передвигались громоздкие вещи; несколько минут спустя он вернулся ко мне, неся в одной руке молоток, а в другой клещи.

Без всяких церемоний он опрокинул меня на бок и, ухватившись за верхние ножки, покатил на колесиках. Потом поставил меня на четыре ноги и оглядел довольным взглядом: непродолжительная операция была окончена.

С этого времени я являюсь специально приспособленной кушеткой; когда я хожу, я прихрамываю, потому что мои передние ножки короче моих задних. Впоследствии я догадалась, зачем это меня так изувечили; действительно, вид у меня был жалкий: одна часть стала ниже другой, так что если на мне растянуться, то вполне можно обойтись без подушки.

Мы должны предположить, что я была усовершенствованной кушеткой, потому что в течение многих лет, полных столь незабвенными прелестными вечерами и сумерками, я слышала, как прекраснейшие в мире уста с такой похвалой отзывались обо мне:

— Она восхитительна, эта кушетка!

Будучи таким образом преобразована, я вполне искренно, в продолжение нескольких часов жаждала с затаённым душевным беспокойством визита прелестной дамы с карими глазами, чтобы ей по-своему изъяс-

вить признательность за то, что она меня убрала из магазина, этого настоящего чистилища.

Она опять была надушена vervein'ом. С каким волнением я на неё смотрела, когда она, не сопротивляясь, отдавалась в объятия моего хозяина! её шелковистые волосы придавали её глазам нежный блеск, который видишь только в глазах влюбленных. Над зашнурованным, низко вырезанным корсажем вздымалась упругая, белая, как мрамор, грудь. Я любовалась её грациозной талией, поддерживающей изящный бюст, от которого так и веяло негой; он походил на великолепный храм, воздвигнутый на её прелестных и нежных ножках. Когда мой хозяин прекратил свои приветственные поцелуи, она вспомнила обо мне и, как будто уже зная предназначенное мне место, томно опустила на меня свои добрые глаза. Я приняла важную осанку и немного наклонилась, приветствуя её.

Почти тотчас же она опустилась на меня, заметив моему хозяину:

— Я думаю, что она прочна и удобна.

А потом добавила:

— Тебе не кажется, что она немного низковата?

— Ты полагаешь? — спросил мой хозяин и виду не подавая, что проверил меня два часа тому назад вместе с красивой брюнеткой и что нашел необходимым обломать два колесика из четырех, бывших у меня вначале.

— Мы испытаем её, — сказала кареглазая красавица.

Она погасила несколько свечей и лампу; комнату освещало только слабое мерцание потухающего огонька, распространявшего вокруг себя розоватый свет.

Еще несколько раз зашуршала материя, не знаю, батистовая ли, шелковая или сати-

новая, и я, не оправившись от прежнего волнения, с блаженством вновь приняла к себе даму и моего хозяина.

Я хотела бы проникнуть в детали и описать ту песню сладострастия, которая звучала в их нежных объятиях; я хотела бы для описания всей красоты нежной ласки повторить слова, которые вырывались из их слившихся уст, и дать верную картину мучительного наслаждения так, чтобы всякий, кто прочтет эти мемуары, стремился бы всегда любить, как они. Увы и ах! Поддаются ли чувства описанию? Возможно ли отыскать выражения, способные передать экстаз, доходящий до крайности; вообще можно ли когда-нибудь передать все изгибы, все интонации голоса, всю нежность, всю музыку, всю ласку слов, в таком обилии льющихся из уст при ворковании счастливых?!

Все это оставило во мне, страшно чувствительной кушетке, неизгладимые воспоминания.

В то время, когда я пишу эти строки, у меня содрогаются все пружины и, если бы я не старалась успокоить свои нервы, мне кажется, что мое перо выпало бы на бумагу, а я, закрыв свои тёмнобурые глаза, улетела бы в царство грез. Но я уже стара. Эти грезы ужасно утомительны, и я себе говорю: «Куда тебе, старая дура; слишком поздно, ты уже не дитя; это было позволено в пору твоих первых походов!»

Нет ничего вечного в этом мире: пришел конец и этой сцене, я услышала признательные поцелуи, меня покинули; снова зажгли лампу и свечи, огонь в камине под пеплом померк, я безучастно смотрела, как приводился в порядок туалет.

Я думала, что дело этим кончится, и так же, как удалилась красивая брюнетка, уйдет и милая дама с карими глазами. Я была так наивна в то время! Приведя в порядок туалет, она снова уселась на меня, между нею и моим хозяином произошел такой диалог:

— Эта кушетка мне внушает страх, — сказала она. — Я боюсь, что это единственная вещь, которая тебе неприятна. Я хотела бы, чтобы предметы, принадлежащие нам обоим, хранились и уважались тобою.

— Скажи, милая, откуда у тебя такие мысли? Разве ты не знаешь, что ты единственное в свете существо, которое я обожаю? С тех пор, как я тебе сказал впервые: «Я тебя люблю», я тебе никогда не лгал, и ты это хорошо знаешь; я тебя никогда не обманывал.

— О, люди так легкомысленны, и большие мастера на выдумки!

— Люди, моя милая, пусть делают то, что они хотят, но я ведь твой возлюбленный, я люблю маленькую хозяйшку, которая согласилась отдать все сокровища своего сердца и всю красоту тела бедному нищему, который умоляюще простирал к ней руки. Твое великодушие заполнило всю пустоту моей жизни. Нет, я тебя не обма-

нывал, я тебе не лгал. Мне кажется, что, если б я изменил женщине, подобной тебе, я был бы несчастен. Я на тебя смотрю, как на маленькую фею в моих радостях! Слушай, как только я заканчиваю проект, я его передаю на твое усмотрение. Когда я хочу предпринять какой-нибудь важный шаг, я смотрю на один из твоих портретов, все равно на какой, потому что всюду у тебя добрые глаза, и я спрашиваю у твоего изображения: должен ли я сделать то или другое? Я всегда отгадываю и повинуюсь.

С этими словами он наклонился к ней, и его уста коснулись прелестных карих глаз.

— Ты мне веришь, дорогая? Я хочу, чтобы ты мне верила.

— Да, я верю тебе, — сказала она просто.
— К тому же, если ты будешь себя дурно вести, не забудь, ты совершаешь ужасный поступок. Впрочем, я не хотела бы больше возвращаться в эту берлогу, в это убежище бедненького любимого мною медведя. Если

б у меня было малейшее подозрение, что другие женщины могут сюда проникнуть, я бы тебя презирала, и у нас никогда больше не было бы этих светлых, милых, спокойных часов, которые мы проводим вдвоем, далеко от всех, когда мы можем целоваться сколько и как угодно, когда никто не может нас ни видеть, ни слышать.

Еще долго доносились до меня полные страсти и нежности голоса, я была совершенно растрогана, я, бедная кушетка, никогда не слышала объясняющихся в любви.

Несколько времени спустя они встали и уже было попрощались, как вдруг мой хозяин тихонько сказал своей милой подруге:

— Ты хочешь уже уйти? Ты хочешь покинуть медвежью берлогу?.. Кушетка там... Ты с ней попрощалась, следует и попрощаться... я тебе буду очень признателен!

Держа её в объятиях, он, не дожидаясь ответа, притянул её вторично ко мне — снова заговорила страсть.

Движения были уже более грациозные, более внушительные.

Я удивилась, увидевши, что «песни любви» не походят одна на другую, и что игра страстей очень разнообразна.

Несколько минут спустя влюбленная пара, накинув пальто, покинула комнату; было слышно, как их шаги затихли в отдалении, как закрылась дверь. Воцарилась тишина.

Как бы очнувшись, я воскликнула:

— К кому же это я попала? Этот господин, мой хозяин, лгал своей прелестной хозяйке с карими глазами. Он ей клялся в верности! А мне известно... Неужели я навсегда осуждена быть невольной соучастницей его клятвопреступлений? Неужто мне никогда не удастся дать понять моей избавительнице, что её возлюбленный не сдерживает своих обещаний и пренебрегает своими уверениями?

И я долго думала, притихнув в своем углу, — о своей пассивной и гадкой роли: может быть, я даже испытывала муки совести — никто ведь не знает до чего чувствительны могут быть подобные мне рабыни.

Я считаю бесполезным запечатлевать в своих воспоминаниях все действия и жесты моего хозяина и его прелестной подруги, тем более, что я не старалась отмечать всех своих впечатлений, к тому же, я ведь была свидетельницей такого множества легких походов, что, если б пришлось добросовестно вести полный журнал, то в нём, пожалуй, и не было ничего скучного, но нужно было бы написать ещё множество томов.

Нужно ли говорить о том, что я полагала, что можно спокойным образом заснуть на своей кровати после трех таких походов, которые, чтобы быть более приятными, должны были быть менее утомительными? Впрочем, здесь нужно отметить, что мой хозяин принадлежал к числу людей,

которые не привыкли щадить себя. Даже теперь я недалеко от мысли, что он был скорее чрезвычайно любезен, чем безумно влюблен. Для него казалось невозможным пренебречь галантностью. Если ему на пути встречалась женщина, он тут же, часто без всякого энтузиазма, начинал играть свою роль.

Но вместе с легкомыслием этого человека, обо всех похождениях которого я не буду рассказывать, потому что они очень похожи друг на друга — с первого до последнего, сочеталась такая страстность, такая порочность, что во всех своих прихотях, непреодолимых и переменчивых, он являлся прямо-таки артистом, капризным, развратным, а временами настолько искренним, что заставлял обратить на себя внимание.

Ну и тип же был мой хозяин! Ах, как это ужасно растрчивать на такие вещи столько физических сил!

Например, однажды утром он пришел домой с опухшими глазами и в отвратительнейшем расположении духа.

Некоторое время он стоял посередине комнаты, любуясь собою издали в зеркале. Рассматривая самодовольно свою физиономию, он скривил гримасу и тихо, как бы по секрету, вымолвил:

— Ну и рыльце же у тебя сегодня. И никто не сказал бы, что тебе двадцать восемь лет!

Он недовольно замолчал; потом воодушевленно продолжил:

— Перед этим зеркалом, которое мне открывает так много неприятных истин; в этой странной комнате, куда наставлено так много излишней мебели; в этом маленьком уголке этого огромного несуразного дома, где я сосредотачиваю самое оригинальное веселье, куда приходили прелестьнейшие женщины Парижа и других мест, где раздавалось так много сладких поцелу-

ев, где смеялись над устами, слишком лънущими к шампанскому, где наворачивались слезы на глаза некоторых нервных женщин, где я любил, пел, смеялся, где я никогда не был несчастлив... Перед этой постелью, этим стулом, этим креслом, этой кушеткой, ещё новой, но уже ставшей старым другом, перед этими дорогими соучастниками наслаждений... О, кровать, одной своей формой достойная служить моделью для художника! О, маленький стульчик, на который я заманивал столько милых жертв! О, старое кресло, похожее на брюзгу, на котором было начато, но не доведено до конца столько приключений! О ты, кушетка, на которой отныне я буду проводить уже короткие сумерки! Перед всеми клянись, что я больше не буду ночевать в чужих местах, что я удовольствуюсь тем весельем и теми наслаждениями, которые можно себе представить в вашем обществе! После этого потешного, однако же утомительного монолога, мой хозяин сделал

энергичный жест и... скинул свой плащ, пиджак, жилет, свои штаны и остальные принадлежности костюма.

Несколько минут спустя он сделал укрепляющее омовение.

Всегда после усиленных трудов он старался пополнить запас энергии, полоскаясь в воде. Он появлялся потом, преобразившись — это была уже не тряпка; животное как бы вернуло себе нервы и мускулы. Затем он бросался быстро к прибору, прикрепленному к косяку двери, похожему на каучук, и в продолжение почти целого часа делал гимнастику, разнообразя свое занятие поднятием гирь, вес которых мог бы устроить специалистов.

Я долго следила за моим хозяином, предававшимся с такой настойчивостью и такой поразительной любовью своим гимнастическим упражнениям. Его мускулы напрягались под кожей, грудная клетка вздымалась под косматой грудью, и иногда слы-

шался сильный треск в плечах. Нечего говорить — это было внушительное зрелище.

На мой взгляд, для полного совершенства ему нужно было быть повыше. Действительно, мой хозяин быть среднего роста, и его могучее телосложение и сильно развитая мускулатура делали его несколько тяжеловатым и не особенно изящным. Тем не менее, надо отдать ему справедливость, если он, одетый, не мог претендовать на успех у женщин, то раздетый, бесспорно, их пленял. Достигал он этого без особых усилий. Он держался очень просто; его богатая шевелюра и очевидная сила придавали ему вид ярмарочного геркулеса, а что ещё нужно, чтобы обольстить, по крайней мере, большинство страстных женщин?

Мой хозяин обладал ещё одним даром, которым мастерски умел пользоваться. Он, как настоящий актер, с поразительным умением менял свой голос при произнесении длинных любовных монологов, кото-

рые ровно ничего не означая, ласкали, нравились, занимали и с неслыханной легкостью увлекали на кушетку бедненьких маленьких женщин. Ах, сколько их перебывало на мне!

Они упивались его комплиментами. Они все верили ему и в глубине своего сердца чувствовали ту сладостную удовлетворенность, которую испытывают женщины, сознающие, что они любимы.

Ах, прелестные, глупенькие женщины, если бы вы только знали, что все это лишь готовая комедия, что этот льстивый, страстный голос звучит почти каждый день в разговорах не с первой, конечно, встречной, но со всеми милыми, красивыми и привлекательными женщинами, волею случая попавшими сюда, к нам!

Особенно мне памятен один случай, который мне показался выдающимся: он произошел в первые дни моего поступления на службу. Под вечер, после обеда, моего хо-

зьяина посетила одна блондинка, приблизительно лет тридцати, по-видимому ужасная кокетка, очень красивая; её большие голубые глаза сверкали блеском драгоценных камней. Она была куртизанкой и звалась Манон. В комнату вошла, как к себе; впрочем, она была здесь не впервые.

— Я была одна, — сказала она, — и соскучилась. Вспомнив о тебе, я зашла по-соседски, чтобы поболтать немного. Что-то мне подсказало, что я застану тебя дома.

— Право, жизнь полна курьезов! — ответил мой хозяин. — Каждый день я думал о тебе; и, как ты видишь, я против обыкновения остался дома, словно предчувствуя приятный сюрприз. И, моя дорогая Манон, я очень рад, что предчувствие меня не обмануло, потому что в тот момент, когда я, было, начал уже упрекать себя в глупости, ты, как видение неба, спускаешься ко мне, прелестная, как ангел Божий, с твоими прекрасными золотистыми волосами. Зна-

ешь ли, Манон, что я тебя без памяти люблю?

Мой хозяин, изменник, сказал эти слова так, как будто бы они были сущей правдой.

Она же, привыкшая, чтобы её любили и чтобы за ней ухаживали все мужчины, не находила ничего удивительного в том, что мой хозяин походил на других. Однако из кокетства воскликнула:

— Ну тебя! Ты ведь любишь всех женщин!

На сцену сразу же выступил талантливый странствующий актер. Он взял Манон за талию и со сладострастной дрожью усадил её на меня рядом с собой; со своей стороны я приветствовала выпавшую на мою долю ласку, ласку, пропитанную духами, ласку сдержанную, ласку одной из прелестнейших из доселе знакомых мне фигур. И в то время, как я разбиралась в охвативших меня чувствах, мой хозяин уже начал свою тираду.

— Женщины! Женщины! Ты говоришь, Манон, что я люблю всех женщин! Почему ты сомневаешься во мне? Что другие ошибаются — это понятно, они меня не знают. Но ты? Имеешь ли ты право меня забывать? Я самый простой и искренний из всех в этом мире. Моя развращенность — фиктивная: у меня сердце дитяти, и самые легкие волнения заставляют его биться. Ах, Манон, если бы ты могла знать, какими светлыми мечтами полно мое сердце! Мы старые друзья, не правда ли?

И ты должна понять, что все, что я стараюсь скрыть от других, от тех, кого я не люблю и к кому я равнодушен, все — тебе. Вспомни... с того момента прошло уже несколько лет; это было зимою, почти в это время; я пошел к тебе в первый раз. Это было в отдаленном гнездышке. И мне казалось, что, направляясь туда, я приближался к чертогам языческого божества, к скинии незнакомого мне бога. И это я направлялся к тебе, Манон. Как только ты яви-

лась предо мною, мой бедный рассудок покинул меня; я превратился в бедное существо, неспособное рассуждать, и усилие, которое я хотел употребить над собою, чтобы спастись от твоего обаяния, было выше моих сил. Я преклонялся перед тобою, целуя твое платье, твои ноги; я тебя люблю, промолвил я. И с тех пор мне кажется что небо — цвета твоих глаз; в моих сновидениях мне постоянно мерещились поцелуи, которыми мы позже обменялись; я хранил всю свою жизнь в секрете тайну незабвенного веселья, те ощущения сильного сладострастия, при воспоминании о котором у меня и теперь дрожь пробегает по телу, и тот момент, когда ты дала возможность надеяться на то, что не извели величайшие короли этого мира... О, драгоценность моя, с тех пор для меня началось сплошное мучение: искушения всецело овладели моей душой. Я устал и преждевременно состарился; перед моими глазами проходят все безумные дела прошлого.

Скука и отвращение сочетались вместе, чтобы сильнее огорчить меня; мои насыщенные чувства мне опротивели, и очень часто, Манон, когда я падаю на грудь женщины, все равно какой, я это делаю только для того, чтобы унизить их перед собой, чтобы они, наконец, очнувшись, ещё с большим презрением отнеслись к самим себе. И однако же я не злой, я бы хотел быть хорошим и даже очень хорошим, я люблю слезы в глазах других, потому что и я плачу иногда; я бы хотел, чтобы моя печаль распространялась на всех, чтобы, наконец, и я не отчаивался больше...

С этими словами, высказанными с энтузиазмом задетого за живое человека, он обхватил обворожительный бюст Манон, наклонил её к себе так, что его губы могли касаться бледной розы растроганной куртизанки, и сказал ей нежным, чуть слышным, удивительно трогательным голосом:

— Я никогда не осмеливался тебе сказать, что ты мое будущее счастье, потому что я

боялся, что мне откажет единственная женщина, которую я мог бы обожать. Иногда, Манон, ты отдавалась так, как феи или королевы отдаются покорным. Это твоя привилегия ласкать, не унижая себя, слабым сердцем с такой искренностью, как будто эту ласку ты продаешь богатым и могущественным мира сего. Это милостыня с твоей стороны, и я жду её с той страстью, с какой неимущий надеется на выигрыш. Ты моя гордость; когда ты будешь принадлежать мне — о, как я сильно этого желаю! — я буду счастливым человеком. Проникнув в рай, я там поселюсь; моя душа не захочет больше покинуть его. О, целовать твою грудь, ощущать содрогания твоего трепещущего тела, испытывать очарование и приятное опьянение твоих жгучих уст; слушать вздохи, вылетающие из твоей груди, погружаться в золотистые волны твоих ослепительных волос и черпать в их благоухании вдохновение для прекраснейших мечтаний: вот, Манон, мое истинное желание, которое я испытываю

все время, и даже, клянусь тебе в этом, я испытываю это тогда, когда держу в объятиях какую-нибудь девушку; всегда, во всякий момент моей жизни, во всяком состоянии, спокойном или безумном, ты всегда там, в моем сердце, в моей душе, как неизменный идеал. В один прекрасный день, когда я почувствую особое отвращение, когда мне опротивеет жизнь; тогда я, потеряв надежды, пойду, быть может, пресмыкаясь, как бездомная собака, за тобой туда, куда ты последуешь, я явлюсь к порогу твоей запертой двери. Никто не откроет... если это будет не с целью меня прогнать... я покончу с собой на коврике, о который ты вытираешь ноги: на следующее утро ты найдешь мой труп, забрызганный кровью; ты сумеешь тогда сказать: «Это был несчастный сумасшедший, который меня обожал, я его оттолкнула, и он не захотел тогда больше жить!»

Во время речи моего хозяина белокурая куртизанка, совершенно растроганная его

любовью, которая, если судить по мучительному тону признания, не отличалась особенной страстностью, отдалась новым ощущениям: так с ней объяснялись впервые. Её боготворили! Ей казалось, что весь её блеск был причиной несчастья другого. Она олицетворяла собой печаль. Её большие глаза цвета морской волны становились то зелёными, то голубыми; в них, как в волнах, отражалось прекрасное небо, они казались заплаканными, полными наивных детских слез; нежно, как бы желая исправить зло, которое, ей казалось, она причинила, она кинулась в его объятия, готовая на все, и еле слышным, как бы умоляющим голосом пролепетала:

— Я тебя тоже люблю.

Воспользовавшись минутой, когда глаза прелестной женщины были закрыты, мой хозяин торжествующе улыбнулся. Да, комедия, которую он ломал, возымела свое действие.

Он овладел этой горделивой куртизанкой, которая до сих пор встречала подобные комплименты насмешливыми улыбками, похожими на презрение! Но для него было недостаточным только овладеть ею. Нужно было, чтобы она унесла неизгладимое воспоминание об этой любви. Воодушевленный, он решил употребить все свое могущество — о, он был по этой части виртуозом. И немного времени спустя признательная Манон, преисполненная радости, умоляюще воскликнула:

— Я тебя умоляю!.. Я тебя умоляю!.. Дай мне ещё жить... Не заставляй меня умирать!

Умирать! Нет, мой хозяин вовсе не хотел её смерти! Ему нужно было только, чтобы она превозносила до небес полученные наслаждения, для того, чтобы другие куртизанки пришли в берлогу этого чудовища, привлеченные приманкой необыкновенных удовольствий.

Я наблюдала за покрасневшей Манон. У неё уже не было привычного вида куртизанки; это была совершенно маленькая девочка, растроганная ложью, которой её захотели заманить. Вошла она сюда кокеткой; уходила же совсем другой. Когда она входила, сердце её было спокойно, теперь же оно было полно треволнений: без сомнения, она задалась вопросом, имеет ли право куртизанка любить так, как и другие женщины.

Слова опьянили её так же сильно, как опьяняют хорошие вина. Она не понимала, каким образом с ней произошла такая перемена; но эта перемена её обеспокоила, как обеспокоилась бы, пожалуй, собака, почувствовав у себя чужую душу...

Миновала эта ночь; я позволю себе высказать свое мнение о происшествии и событиях, тем более, что я тогда ещё была почти совершенным новичком. Все возможно в этом мире: я могла бы быть обыкновенной, безмятежной, мещанской кушеткой, слу-

жить старику, страдающему подагрой, или молодому повесе, но по случайному стечению обстоятельств я стала соучастницей одного из величайших современных развратов. Теперь я вам скажу свое мнение о той сложной роли, которую сыграл мой хозяин: нельзя было бы довести до такой степени раздражения куртизанку, подобную Манон, если бы в ход пускались средства, предназначенные для того, чтобы уговорить маленькую мещанку обмануть мужа. Я об этой истории не могу вспомнить без удивления: мой хозяин играл артистически; все же утверждаю, не боясь ошибиться, что если он и увлекался многими женщинами, то любил лишь одну: даму с карими глазами.

III.

Мало-помалу, по мере того, как я становилась взрослее в обществе моего хозяина и

его посетителей, несмотря на природную стыдливость, я приходила к убеждению, что вполне допустимо, в общем, чтобы мужчина обожал женщину и без зазрения совести её обманывал. Ясно, что подобные мысли не сразу приходят в голову. Необходимо некоторое время; однако чувства меняются, и, когда обширный труд окончен, не приходится удивляться высказанным соображениям...

Вскоре я оказалась пассивной зрительницей одной сцены, о которой следует рассказать несколько подробнее.

В комнате в течение дня никого не было; бедная мебель уже начинала дремать в ночной тишине, как вдруг послышался за дверьми ужасный шум. Мы затрепетали от ужаса; и прежде, чем комната осветилась, в неё вошли три женщины.

Они, должно быть, отлично знали, где находятся. Темень продолжалась всего несколько секунд: за ними следовал мой хо-

зяин, который, по своему обыкновению, зажег все лампы и все свечи в доме.

— А теперь, что вы хотите пить? — спросил он у своих подруг.

— Шампанское!!!

Далее все происходило, как по написанному: Лизетта, Мария и Марта, три куртизанки (все в высшей степени элегантные, одетые в кружева и лино¹), украшенные чудными драгоценностями, в больших шляпах, отделанных чёрными или белыми перьями, в шелковых чулках и перчатках из белой кожи), взяли каждая по подсвечнику и, следуя вереницей за моим хозяином, распевая во все горло застольную песню, направились к выходу, чтобы спуститься в погреб. Я себе ясно представляла эту ночную прогулку по лестницам, темным и влажным переходам подземного помещения, где в воздухе стоит запах вина, кото-

---

¹ Лино — тонкое полотно.

рое только и ждет того момента, когда его возьмут.

— Ну, в эту ночь мы уже не наскучим друг другу, — сказала высокомерная кровать.

— Я тоже полагаю, что он натворит много дел, — сказал маленький стул.

С их мнением вполне согласилось кресло: евнухи тоже иногда должны высказать свои соображения.

Что же касается меня, то я, ещё не познавшая всей прелести и безумства оргий, ничего не сказала, но втайне уже приготовилась ко всему.

В торжественно освещенной комнате мы все походили на солдат, готовых к решительному бою.

Мы не долго оставались одни: с песней, шаг за шагом, в определенном порядке, неся в руках дымившиеся, как факелы, подсвечники, каждая с бутылкой в руке,

женщины ввели моего хозяина в комнату. Потом все четверо остановились, чтобы пропеть последний припев:

C'est nous qui sommes les pomponnettes

C'est nous qui sommes les gigolettes

Si nous savons aimer,

Si nous savons b... laquer,

A boire! A boire! A boire! A boire!

Nous savons bien mieux boire.

Как только прозвучал последний стих, соседи, потревоженные несшейся через полуоткрытое окно песней, стали бросать нам несправедливые упреки.

— Это противно! — кричала старая женщина. — В этом шуме невозможно уснуть!

— Нужно будет завтра пожаловаться хозяину! — сказал сердито профессор университета, живший напротив.

— И это всю ночь они намерены развлекаться?.. — визжала маленькая проститутка с третьего этажа, прислонившись в одной рубашке к подоконнику и яростно жестикулируя. — Если бы это было со мной, меня бы давно за дверь вышвырнули! Но ему, этому господину, все можно!

— Вот пьяная компания! — закричала толстая дама, которая пользовалась во всем доме репутацией женщины, напивающейся для утешения два раза в день. Горе её состояло в том, что сын у неё был кюре.

— Все это так безвкусно! — застенчиво промолвила кокотка с четвертого этажа, которая время от времени угождала моему хозяину.

— Если бы я был владельцем, — хриплым голосом провозгласил отец известной оперной певицы, показавшись в свою оче-

редь с белым бумажным колпаком на голове, — то я бы показал этим мерзавцам, где раки зимуют.

— Бесспорно! — примкнув к этому хору, заметил возлюбленный кокотки с третьего этажа.

— Это поистине дом дебошей! — заметила одна старая дева, которая жила рентой, оставленной ей её бывшим патроном, при котором она исполняла роль компаньонки.

— Впрочем, здесь те ещё «штучки» живут, — буркнул профессор университета, панически боявшийся женщин легкого поведения и им подобных.

При слове «штучки» внезапно оскорбленные обитатели дома излили весь свой гнев на несчастного профессора.

— Вы им сами под пару, — сказала жилица с третьего этажа.

— Если вы выползете из своей конуры, то я уже вам кое-что покажу, — прибавил её возлюбленный.

Брань приняла совсем иное направление; забыли о моем хозяине и об его подругах, и жильцы начали ссориться между собой.

Тогда в четырёх окнах нашей квартиры поместились Лизетта, Мария, Марта и мой хозяин.

— Вы, рожи, ещё не кончили трещать? — воскликнула Мария.

— Если так будет продолжаться, — сказала в свою очередь Марта, — я пойду за полицейским комиссаром.

— Они все с ума сошли в этом домике, — заметила, покачиваясь, Лизетта.

Что же касается моего хозяина, то он вздумал произнести речь:

— Милостивые государыни и милостивые государи, если б моя квартира была доста-

точно вместительной, я, чтобы прекратить разговоры, пригласил бы вас всех собраться у меня; ведь, если все жильцы одного дома имеют право развлекаться в компании друзей в подобный час, как это мы делаем, то нужно подумать и о жильцах соседних домов, которым это ночное удовольствие может быть не по вкусу. Я должен, однако вам заметить, что вы себя неблагородно ведете; вы нарушаете общественное спокойствие, и эти дамы, почтившие меня своим приходом, после того, как я их уверил, что живу в порядочном доме, теперь должны особенно разочароваться при виде этого мерзкого зрелища. Чтобы забыть всю эту историю и чтобы покориться тому старому французскому обычаю, по которому все во Франции оканчивается шутками, я вам предлагаю спеть хором нашу прелестную песенку...

И прежде чем соседи пришли в себя от изумления, мой хозяин и его три дамы затянули свою застольную песню. А далее

произошло нечто невероятное: женщины в одних рубашках, мужчины в колпаках, старые дамы, молодые девушки — во всех окнах без исключения — все в один голос после куплета затянули припев!

Дело шло превосходно, как вдруг появились два дворника, вконец разбуженные и одуревшие. И как им было не одуреть, когда они увидели всех своих сорок или пятьдесят жильцов, поющих в два часа ночи, в одних рубашках, возбужденных, радостных, счастливых, похожих на помешанных!

В этот момент моего хозяина осенила поистине счастливая мысль; он вынул несколько су из своего кармана и по одной монете начал бросать во двор. А жильцы хлопали в ладоши и разражались безумным хохотом. И так как все люди ведут свое происхождение от обезьян, то им присущи раздражительные способности: отовсюду полетели к молодцеватым дворникам монеты; дворники, вероятно, полагали, что это сон.

Они смотрели безучастно на падающий дождь медных кружков, не думая даже их поднимать.

Веселье было в разгаре и прекращать его никто не думал; моему хозяину захотелось найти предлог, чтобы закончить разгул.

— Милостивые государи и милостивые государыни, — воскликнул он, — я предлагаю, чтобы каждый из нас, с того места, где он находится, пропел бы песню и сказал бы речь за здоровье дворника.

Со всех сторон раздались аплодисменты.

— И чтобы подать пример, я начну.

Он тотчас запел знаменитую «Песнь Горцев», хорошо зная, что все голоса сумеют поддержать его и получится ужасный содом. И как было велико всеобщее веселье, когда дворники, освещенные луной и звездами, присоединили свои голоса к их общему хору.

В доме напротив царило какое-то безумие. В подобной истории жильцы, насколько я понимаю, ещё никогда не участвовали. В соседнем особняке, принадлежащем богатому господину, публика высыпала к окнам. Я, в свою очередь, привлеченная всеобщим весельем, тоже горланила изо всех сил.

Понятно, не было никакого резона кончать этот неожиданный праздник; вдруг с шумом остановилась у ворот повозка. Пение внезапно стихло.

— Это полиция! — сказал кто-то.

При этих словах, напугавших всех, подоконники очистились, окна закрылись, свечи погасли, и во всем доме осталась освещенной только наша квартира. Мой хозяин и его подружки с затаенным дыханием ожидали, как дворники объяснятся с этим назойливым и несвоевременным посетителем.

Оказалось, что это не полиция, но просто запоздалый жилец, который в продолже-

ние битых трех четвертей часа звонил у ворот: его никто не слышал.

Наконец, боясь провести ночь на улице, он решился, вооружившись камнем, вышибить дверь. Но до этого дело, однако, не дошло, — дверь не была сломана: но как только она отворилась и жилец вошел во двор, он, раздраженный до последней степени, излил душу грубой бранью: пьяницы... сукины дети... Ах, эти несчастные дворники! Напрасно они старались объяснить ему, он и знать ничего не хотел.

— Уже два часа стою за дверью! Это отвратительно!.. Когда не могут исполнить своих обязанностей, то не берутся за них... Я об этом расскажу хозяину... Я заставлю дежурить у двери, и все жильцы подпишутся под моей жалобой... Это невозможно, вы напились допьяна... Впрочем, всем известно... Это безобразие...

И, продолжая орать, он взобрался по лестнице, стуча изо всех сил ногами, по всей вероятности в виде протеста.

Пробило половину четвертого. Марта, Мария, Лизетта и мой хозяин переглянулись. Никто из них и не думал, что так поздно, а пить ещё не начинали. Бутылки, которые они принесли с собой из погреба, ждали их на камине и одноэтажном столике; одна валялась на кресле, другая на кровати, и одну я держала сама на своей груди. Вид этих бутылок возбуждал жажду. Пробки выстрелили. Они пили жадно, большими глотками. Но этим был положен конец веселью. Они совершенно утомились. Теперь все четверо расселись или растянулись, кто где мог. Лизетта в кресле, Мария на мне, Марта и мой хозяин на кровати; они думали лишь о том, как бы заснуть. Но как спать? Несмотря на то, что кровать была широка, нечего было и думать о том, чтобы улечься на ней вчетвером.

Между тем необходимо было решить. Было уже не до смеха. Дремота овладела всеми. Марта лежала на постели полураздетой. Мария давно сняла корсет и ботинки, которые ей докрасна натерли ноги. Лизетта, согнувшись в кресле, расстегивала свои подвязки, которые жали ей колени.

Мой хозяин, собрав в охапку шляпы, пальто, как попало, не обращая внимания ни на перья, ни на кружева, понес их в столовую. Потом, вернувшись, он захватил корсажи, коробки, юбочки, упавшие одна на другую. Сам, войдя в комнату, оказался в одних кальсонах. Он прибег к удивительному способу раздевания — а я не думаю, что в мире существовал ещё хотя бы один человек, который так спокойно снимал бы свои кальсоны, как мой хозяин. Комната стала свободней, а её жильцы как будто стали меньше. Три женщины легли в постель. Мой хозяин растянулся на мне, укутавшись в одеяло, и в эту ночь, которая, по предсказанию кровати, маленького стуль-

чика и солидного кресла, должна была быть ночью оргий, воцарился тихий и спокойный сон. Все четверо спали как ангелы, под охраной ночника, который также спокойно дремал на своей железной подставке.

Я, сильно возбуждись, не могла заснуть. Было ли это потому, что я ещё надеялась на пробуждение той или другой, или от того, что я имела счастье обладать моим хозяином? Не были ли причиной моего нервного состояния легкие вздохи трех красивых девиц? Или, может быть, мои развратные инстинкты заставляли меня предчувствовать ещё незнакомые ласки? Любопытство? Беспокойство? Я не знаю...

Маленький стул, кресло, красавицы — все спало. Что же касается моего хозяина, то я всегда полагала, что он грезит. До каких безумств он доходит в своих сновидениях, я не осмеливаюсь сказать, пока не буду уверена... Кроме того, я очень дорожу своей репутацией и не хотела бы, чтобы меня

обвинили в особенном бесстыдстве. Очень возможно, что я на момент тоже уснула, и что это был мой собственный сон. Кто знает?

Присутствие трех куртизанок в постели, беспокойство, которое овладело моими пружинами, все время заставляли меня думать о прекрасной даме с карими глазами, которую я так любила!

Проснулись около полудня. Три хорошенькие кошечки вспомнили об очень важном свидании. Они скоро, без особенной тщательности совершили свой туалет; корсеты завернули в газетную бумагу, шляпы наскоро прикололи к растрепанным волосам — все это было похоже на бегство воробьев. Мой хозяин, плохо отдохнувший, во время этих сборов равнодушно поглядывал на кровать.

IV.

Если мой хозяин в то памятное утро, когда он явился совершенно разбитым, поклялся, что никогда не будет ночевать вне дома, то клятва его, надо понимать, заключала в себе обещание приводить к себе на ночь компанию чаще обычного.

Впрочем, насколько мне удалось подметить, мой хозяин принадлежал, по всей вероятности, к числу тех неуживчивых животных, которые страшно страдают, чувствуя возле себя присутствие посторонних.

Каждый раз после полудня кровать открывалась; все же были исключения, и мне представился случай стать свидетельницей одной страстной сцены, в которой я не имела удовольствия принимать участие. В тот день все почести выпали на долю кровати — моей соседки.

Она была блондинка, блондинка естественная, и все же её волосы по цвету похо-

Ш
Л

дили на некоторые модные краски. Говорили, что её волосы были смочены в ванне с жёлтой медью; их великолепный цвет делал неотразимой её чудную, вздымающуюся, как морские волны, пышную причёску. Она была высокого роста, хорошего телосложения, но принадлежала к числу тех изящных мещанок, которые из-за глупой стыдливости скрывают очертания своего тела.

Была ли она хороша? Пожалуй что нет. У неё были голубые глаза, бледное лицо, слегка напудренное; белые зубы и необыкновенно здоровый и свежий рот; её нос, правильно очерченный, говорил о страстности её натуры; её нижняя челюсть, слегка выдающаяся, говорила о чем-то зверином, несмотря на то, что в ней не было ничего безобразного. И все же её выразительное лицо, на котором отражались все переживания её страстной натуры, казалось очень привлекательным, и она, увлеченная первыми поцелуями, которые кос-

нулись её губ, походила на чертово искушение, спустившееся на землю, чтобы соблазнить людей.

Это была ужасная лакомка, поистине ненасытная, которая всевозможными средствами добивается желаемого.

Если я забыла большую часть имен наших метресс, то её имени я не забыла; её звали Жанной. Как только Жанна в первый раз вошла к нам, я сразу же поняла, что она хорошо знакома с моим хозяином. Скоро убедилась в этом, потому что почти тотчас же они стали с увлечением вспоминать о счастливых минутах, проведенных в кабинете в ресторане, недалеко от вокзала. Монпарнас. Запенилось шампанское, начались нежности, они пили из одного стакана, и часто пылкая подруга принуждала пить моего хозяина, вливая в рот ему шампанское из того же стакана, из которого и пила она.

Я настаиваю, что она как-то особенно умела целоваться; она владела всеми тайнами этого искусства. Природа её богато одарила. Её жесты, её ласки, её позы, её удальство мне были в высшей степени интересны. Она была очень забавна, и так резвилась, смеялась, развлекалась, как будто бы она пришла к нам с целью развеселить нас.

У неё не было того томного вида, который так присущ, по мнению многих, страстно влюбленным женщинам. Она, наоборот, олицетворяла собой само веселье, само воодушевление. Она была похожа на тех жеребят, которые с громким ржанием несутся по цветущему лугу, развивая по ветру гриву, и раздувая ноздри.

Жанна вовсе не заслужила с моей стороны этих комплиментов, так как её презрительное отношение ко мне как в тот день, так и в последующие, скорее должны были вызвать во мне злобу. Очевидно, я её очень мало интересовала. Её особой благосклонностью пользовалась кровать. Какой

странной и девственной была моя натура! Если я и не была сердита на Жанну за её равнодушие, то я никогда не могла простить кровати выпавшего на её долю счастья. И даже ещё теперь я ревную, но ревную не всех, а только Жанну.

Но довольно говорить о моем душевном состоянии и моих маленьких слабостях, я пишу не только для того, чтобы записывать мои чувства, но и с целью дать представление обо всем, происходившем вокруг меня. Итак, вернемся к нашим влюбленным.

Мой хозяин был прямо бесподобен. Он был поразительно терпелив и храбр. Ни разу на его лице я не заметила и тени утомления. Женщина овладела им, не будучи в состоянии вселить в него ту подлинную страстность, которой обладала. Казалось, они с одинаковой настойчивостью стремились к страстному апофеозу.

Ах! Как их песнь все же была хороша! Ах! Как велико было их безумие! Иногда во

время борьбы они бледнели, становясь похожими на смерть, но почти тотчас же обретали новые силы, чтобы прийти более изящным образом к победе.

И мне, бедной покинутой кушетке, прислушивающейся к их гимну и витающей в заоблачных высях, мне казалось, что я участвую в полете множества птиц, которые, направляясь ежегодно в теплые края, пролетают поле мира. Я слышала взмахи их бархатных крыльев, трение крыльев одно о другое. Я слышала их влюбленные страстные возгласы, выражавшие страх или подбадривание. Но по мере того, как они приближались к заветной цели, из их уст все чаще раздавалось веселое пение; этап был близок к концу, и там они обрели покой, веселье, счастье.

Каждый этап птиц — это рай, которых много посеяно на земле, на больших дорогах, по которым происходило переселение.

И я их увидела — усталых, утомленных, крылья их, пораненные во время борьбы, покоились...

Потом они полетели снова, и то же воркование раздавалось уже в царстве ветров, они летели, летели, летели, все выше, чтобы пробиться в новый рай, в небеса, откуда уже внизу ничего не видно, и они продолжали лететь туда, к веселью, к любви, к отдыху, и наконец они достигли обетованной земли!

У обоих на лицах горел лихорадочный румянец, а полузакрытые глаза блестели.

Мне казалось, что я буду иметь удовольствие постоянно их слышать и видеть...

К сожалению, все рано или поздно кончается. Страстная Жанна находилась под опекой своего мужа, без сомнения, ревнивого, и должна была заблаговременно вернуться домой.

Уверенная в красоте своего тела, она одевалась с изящным бесстыдством; я удивлялась нежности её кожи, которая распространяла вокруг себя пьянящий аромат чувственности.

— Довольны ли вы мной? — спросил мой хозяин.

— Вы мне доставили столько счастья, — ответила она, — что я не смогу не явиться ещё раз. Но я вас прошу никогда не говорить мне о своей любви. Не пытайтесь меня обмануть насчет ваших чувств, признаюсь вам, я уже много страдала, и мне не хотелось бы опять переживать таких потрясений. И потом, ведь так приятно любить друг друга без участия сердца. Это опьянение, которое заменяет грубое пьянство; после него остается только приятное воспоминание, которое возбуждает желание повторить все снова, не утомляя сердца муками страсти, омрачающими радость любви.

Сказав это суровым голосом, она опорожнила бокал шампанского, а затем, переменив тон, весело воскликнула:

— Нет больше забот!.. Мы так интересно проводим время, что никогда о нём не забудем!.. Мне очень нравится твой способ измены. И мне безразлично, кто у тебя будет завтра, блондинка или брюнетка.

Мой хозяин ответил:

— Завтра будет отдых! Сегодня же, моя дорогая, я не уверен, смогу ли я думать об этом ранее восьми дней. А ты?

— О, я, я... Но это не одно и то же!.. Ты меня проводишь?

— О, без сомнения, если ты находишь это удобным.

— В закрытой коляске со спущенными шторами нас никогда не увидят.

Одевшись, они уехали.

Воцарившаяся в комнате тишина навела меня на размышления. Кто была эта Жанна? Не чрезмерно ли она утомила моего хозяина? Будет ли она настолько благоразумна, чтобы не подорвать его сил? Мне бы очень не хотелось, чтобы посягали на его здоровье. Будучи ужасной эгоисткой, я подумала про себя:

— Мне здесь хорошо, не скучно, меня уважают, я здесь нечто вроде драгоценности, я вижу красивых женщин, я присутствую при интересных битвах; если мой хозяин умрёт, кто знает, не попаду ли я в руки паралитика?

Мое опасение, свидетельствовавшее о моей доброй натуре и искренней привязанности к моему хозяину, было вполне обоснованно. Действительно, я больше не сомневалась в тех особенных качествах, которыми обладал этот человек, волосатый, как медведь, и сильный, как бык. Я должна соз-

наться, что прежде редко чувствовала себя настолько усталой. Действительно, шёлковая тесьма моей обивки была местами разорвана и выдернута. Я походила на старую мебель, которой нужна неотложная починка.

Около одиннадцати часов вечера явился мой хозяин. У него был мутный взгляд; под глазами синие круги. Когда он поворачивался в профиль, огромный шрам красовался на его носу. Он был в прекрасном расположении духа и походил на гуляку, подготовившегося совершить дурной поступок. Что он ещё сделал? На какую ложь он ещё способен? Какая ещё жертва не устояла перед его обаянием?

Я так и не узнала этой тайны; он никогда не заговаривал об этом; но я готова биться об заклад двумя колесиками, которые у меня остались, что я не ошибаюсь, и что в тот вечер он нашел ещё одну впечатлительную девушку.

Он разделся, вытащил свой каучуковый прибор, о котором я вам говорила, и испытал силу своих мускулов посредством пружинного сантиметра.

Освежив себя одеколоном, он лег.

Мы все, и он в том числе, хорошо провели ночь, и, несмотря на начавшуюся по обыкновению около девяти часов утреннюю брань, никто не просыпался до полудня.

V.

Здесь мои мемуары прерываются. В середине зимы, в один прекрасный вечер, мой хозяин, набив сундук вещами, удалился, и я долго думала, что он больше не вернется.

В течение двух месяцев нас посещала только хозяйка дома, которая время от времени убирала комнаты.

Ах! Эти два месяца отчуждения и изолированности были поистине ужасны, и именно они-то и стали причиной моей хандры и переменой моего прекрасного настроения. Характер мой сделался невыносимым.

И тут одно нелепое происшествие позволило высокомерной кровати, маленькому стульчику и бесформенному креслу прогуляться на мой счет зло и саркастически; чтобы развлечься, они не нашли ничего лучшего, как счесть меня в этой глупой истории главной виновницей.

Действительно, я почти совсем не была виноватой, жертвами могли оказаться, подобно мне, и маленький стульчик, и кровать. Случайно я оказалась замешанной в эту историю; если бы у них было хоть немного жалости, они, вместо того, чтобы так зло смеяться, должны были пожалеть меня.

Вот что произошло.

Однажды, после полудня, в комнату явилась хозяйка, и принялась приводить меня в порядок; дворник через входную дверь, которая была открыта, заметил работавшую хозяйку.

— Почтеннейшая сударыня нарочно не закрыла двери?

Он подошел к ней сзади, неслышно ступая по мягкому ковру, и, не говоря ни слова, бросил её на меня.

Может, вы вообразите, что она сопротивлялась? Напротив. На то была её добрая воля, и при этом она проявила такой пыл, которого я и не подозревала у пятидесятилетней женщины, утомившейся достаточно в молодости и народившей целую дюжину детей.

Я опускаю грязные подробности. Несчастные беспечно пользовались мной, как будто имели на то право, и употребили во зло

остаток этого скучного свободного времени. Ах! Никто никогда не узнает той тоски и отвращения, которые овладели моим сердцем. Кто мог предположить, что я буду настолько чувствительной и нежной? Я ведь успела полюбить приятный аромат и всей душой возненавидела дурной запах!

К этому, как я уже говорила, присоединилось ещё мученье слышать днем и ночью насмешки моих соседей по комнате, а эти ничтожества ещё и угрожали донести моему патрону!

Я дала себе слово во что бы то ни стало отомстить им, и думаю, что навеки сохраню неприятное воспоминание об их неприятной дружбе.

Начиная с этого времени, я стала совсем одинокой, так как поклялась воздерживаться, насколько возможно, от разговоров с ними.

Тогда-то у меня и возникла идея писать свои мемуары. Теперь я начну каждый

день писать дневник, из которого будущее потомство сможет почерпнуть полезные сведения.

Благодаря мне узнают, какие необыкновенные кутилы, не знавшие никаких препятствий, жили в наше время. Итак, я продолжаю.

В пятницу, в день Венеры, ранним утром хозяйка с помощью дворника — как я задрожала, когда увидела их вместе! — стала убирать сверху донизу квартиру. Какой хаос образовался, мои друзья! Какой шум! Какая пыль! Я получила пинка, какого во всю свою жизнь не имела, но я испытала при этом тайное удовольствие, потому что мне казалось, что это меня очистило от грубой и вульгарной комедии любви, в которой чистильщики заставили меня принять участие. К вечеру помещение было уже убрано, они окурили все комнаты каким-то благовонием, и, когда дверь за ними закрылась — оба себя вели с примерной корректностью, — я на минуту подумала,

что пришла весна; так как скоро должен был вернуться хозяин, я постаралась выйти из состояния оцепенения, чтобы встретить его в надлежащем виде.

К полуночи, когда я была погружена в глубокий сон, меня разбудил поворот ключа в замке: это был мой хозяин. По шелесту шёлковой юбки в темноте я догадалась о присутствии женщины; как только зажглась свеча, я тотчас же узнала, что спутница моего хозяина — грациозная дама с карими глазами, которую я так любила.

— Наконец, — сказал мой хозяин, — поездка окончена! Как хорошо в своем гнездышке! Как хорошо, моя милая, вернуться оттуда с подругой и хозяйюшкой, подобной тебе! И можно ли сказать, что хоть одну минуту я тебя не обожал!

С этими словами он обнял её, прижал к своему сердцу и их уста слились в одном настолько долгом поцелуе, что мне каза-

лось ему не будет конца. Когда они наконец оторвались друг от друга и обвели взором комнату, с которой у них было связано так много прекрасных воспоминаний, вид у них был возбужденный.

— Посмотри, — сказал мой хозяин, — все вещи как бы смеются над нами; они хорошо знают как меня, так и тебя, кроме нас двоих они больше никого не видели; эта кровать, которая должна теперь быть холодной, приводилась в движение только тобой, и она, мне кажется, зовет тебя, желая тебе доставить то же удовольствие, что ты на ней некогда уже испытала.

Само собой разумеется, что они пришли вдвоем не только для того, чтобы осмотреть мебель, которая, по правде сказать, не стоила того внимания. Усталые от долгого пребывания в пути, утомленные непрерывной тряской при езде по железной дороге, они нуждались скорее в отдыхе, чем в шалостях.

Понятно, там произошла маленькая сценка любви, но сыграна она была тихо, без эксцессов.

Их возвращение не взбудоражило нашей застывшей жизни и того спокойствия, к которому мы уже привыкли.

С рассветом прелестная дама поднялась, оделась, не обращая внимания на детали туалета, и совершенно одна удалилась: понятно, что её уход должен был совпасть с прибытием утреннего поезда, к которому она, по всей вероятности, хотела поспеть.

Зима была на исходе; чувствовалось приближение весны. Хотя каштаны ещё не покрылись листьями, но почки их уж распустились. Несмотря на то, что мне, кушетке, не представлялось случая посмотреть в окно на деревья, я всегда угадывала времена года...

На этом оканчиваются мои воспоминания и начинаются Мемуары.

VI.

День после приезда прошел спокойно. Мой хозяин долго разбирал свой большой чемодан. У него был вид потрясенного человека. Я полагаю даже, что у него не могло быть хорошего расположения духа, впрочем, ему не представился случай проявить свое настроение. В продолжение долгого времени он сидел за маленьким столиком и читал письма, в большом количестве полученные в его отсутствие. Я не знаю содержание этих писем, но, вероятно, некоторые из них сильно взволновали его. Он не только завтракал дома, но отказался выйти пообедать. Швейцар отправился в соседний ресторан сделать заказ для моего хозяина. Напрасно я старалась угадать, что с ним происходило; я ещё не знала всей

правды, когда он нетерпеливо и раздражительно воскликнул:

— Итак, начать сначала!.. И у меня не было мужества разделаться с этой безалаберной жизнью, в которой приходится делать столько гадостей по утрам и вечерам и лгать в течение всего дня!.. Я не могу быть человеком! Сколько лет мне ещё придется быть машиной в любви, готовой к услугам славных вдовушек, любознательных девиц, замужних женщин, изнуренных страстью кокоток, которым наскучили их глупые любовники, слушать их пошлые, глупые сентиментальности о снах, маленьких птицах, о голубом небе? Нет! Нет! Это кончено! Я больше не хочу! Я хочу жизни здоровой, я не хочу тратить силы, чтобы удовлетворять этих женщин, удовлетворять без всякого желания!

Тогда он обернулся к портрету своего истинного друга, которого он уважал, и который стоял на маленьком комодике из красного дерева, обитого сатином; взял в свои

руки портрет, долго смотрел на него, потом поставил на маленький столик, где было разбросано много надушенных карточек, и погрузился в созерцание его.

Потом он с отчаянной храбростью в голосе обратился к нему с такими словами:

— Сегодня ещё, моя милая, мы с тобой вдвоем. Мы с тобой только вдвоем. Твоя душа повсюду, она носится везде, она порхает как бабочка вокруг моего лба, как порхают ангелы вокруг детских головок, ангелы-хранители Всемогущего Бога. Ты лучшая. Ты одна добрая. Я у тебя прошу прощения за все огорчения, которые я тебе причинил; я не могу себя поздравить с тем, что избавил тебя от огорчений; это единственный случай, когда мне хочется, чтобы ты плакала. Итак, сегодня совершенно иной день, который будет первым днем моей новой жизни. Я прекращаю мое скотское поведение. Я твой: я не буду рассыпать вокруг себя ложную любовь, я не буду во все окна развеивать мое сердце. По-

смотри, моя милая хозяйюшка, что я делаю со всеми этими письмами, из которых лишь некоторые удостоились моего взгляда. Я не помню ни одного слова, я даже не видел ни одной подписи, есть несколько писем, которые я даже не открывал... Ну! Смотри, — я все бросаю в огонь.

Мой хозяин смял в один ком надушенные листки и бросил их в огонь; вспыхнуло сильное яркое пламя, державшееся только одно мгновение и почти тотчас же превратившее все письма в серый и чёрный пепел, как будто они не хотели даже и теперь смешаться между собой.

Я полагаю, что действуя таким образом, мой хозяин решился на очень храбрый шаг.

Почувствовала ли я себя при этом более счастливой? Скорее нет. Действительно, то, что я увидела и узнала в этом доме, пришлось мне по вкусу и возбуждало во мне любопытство и желание узнать по-

больше. Я себя с тоской спрашивала, правда ли это, что мы уже не будем после полудня принимать красавиц и у нас не будет больше этих безумных ночей?

Уже давно наступила ночь, а мой хозяин неподвижно сидел на стуле, положив локти на стол и сжав руками голову, сливаясь в темноте с другими предметами.

Вдруг раздался звонок. Мой хозяин с трудом поднялся и тихо прошептал:

— Разве позвонили?

Действительно, с момента его возвращения это был первый звонок. Он прислушался. Несколько секунд спустя позвонили во второй раз.

— Это глупо, — сказал он после некоторого колебания. — Может быть, это письмо или телеграмма...

Он пошел открывать.

Тотчас же со своего места я услышала, как чей-то голос воскликнул:

— Это неприлично! Ты заставляешь людей ждать у двери! И огня у тебя нет! Ну, если тебя сделало таким путешествие, то это нужно исправить, мой старичок.

— Извини меня, моя дорогая, — ответил мой хозяин. — Я очень устал и задумался в ожидании обеда; я даже не заметил, как стемнело.

— Я и говорю, что нужно позаботится об этом. Вот спички, зажги лампу. Мне очень любопытно рассмотреть тебя в таком грустном настроении.

— Кто тебе сказал, что я вернулся? — спросил он.

— Как кто? Разве ты не помнишь, что ты мне написал?..

— Я?..

— Да, ты. «Я возвращусь во вторник вечером в Париж; но так как я боюсь, что буду очень занят, я тебе был бы очень благодарен, если бы ты согласилась прийти со мной пообедать на следующий день вечером». Вот я и пришла. Мой друг, я тебя так хорошо знаю, что прощаю твою ветренность.

— Но?..

— Как мне смешно всё это после того, что было!.. Когда, скажи, здесь кушают?

— Когда ты захочешь, — ответил мой хозяин.

— Итак, я остаюсь.

Она сняла свою шляпу, пальто, перчатки и уселась неподалеку от камина.

— Ты сжег письма! — воскликнула она.

— Да, все письма, которые мною тут получены... Я их даже и не читал.

— И почему?

— Я решил изменить свой образ жизни. Я устал от этого безумного праздника, совершенно безнадежного, который меня утомил и опустошил мой мозг!

— Ах! Я понимаю! Я падаю... Знаешь ли ты, что твое путешествие решительно ничего тебе не принесло с...

— О, я тебя прошу! — воскликнул мой хозяин. — Не говори больше ни слова, молчи! Я боюсь, что ты причинишь мне огорчение... Да, путешествие бы ничего не принесло, если бы я хотел продолжать оставаться не более как животным, готовым броситься на первого пришедшего; но если я могу быть просто человеком, тогда — о как благотворно действуют на меня путешествия! Я вернулся, воодушевленный прекрасными мыслями; я слышал любящий голос, который мне говорил о жизни среди природы, и со времени моего возвращения я испытываю, в самые возвышенные мо-

менты, желание не осквернять моих лучезарных воспоминаний всей этой пошлой ложью, этими мерзкими поступками, всеми этими мелкими подлостями, которые меня стерегут и пугают.

— Тогда почему ты не просишь меня уйти?

— Без сомнения! Если бы не мой стыд, который обязывает меня быть учтивым.

— Только это тебя и останавливает? — спросила молодая дама.

— Может быть!

Прошла минута молчания, в продолжение которой они не сводили глаз с углей в камине, уже покрывшихся пеплом.

— Я остаюсь к обеду, — сказала она. — Тем хуже!.. Но я забыла тебе сказать, что сюда за мной около десяти часов должна зайти моя знакомая дама.

Швейцар накрыл на стол. Они прошли в столовую. Из комнаты я не могла следить за разговором.

Но в течение этого времени я думала об услышанном.

Я ещё продолжала размышлять, когда мой хозяин открыл дверь одной иностранке.

После приветствий, произнесенных вполне равнодушно, все они вошли в комнату.

— Я тебе очень благодарен, Шарлотта, — сказал мой хозяин, — что ты дала мне возможность познакомиться с одной из прелестнейших дам этого мира.

— Та-ра-та-та! Мой миленький, графиня де Сенегитика есть и будет для тебя запрещённым плодом. Впрочем, я сведу вас с тем условием, что ты предварительно уберёшь все «остатки».

И, обратившись к графине де Сенегитик, Шарлотта сказала ей следующее:

— Я тебя познакомила с таким типом, которому не следует верить и придавать значение даже тем его словам, которые покажутся тебе наиболее искренними. Раза два или три я, как и другие женщины, была его любовницей; если бы у меня хватило смелости говорить о том, что я думаю, я бы созналась в том, что его жалею... Впрочем, у него есть подруга, которую он обожает. Всё, что он делает и говорит с нами, это только по привычке так проводить время.

— О! — прервал мой хозяин.

— Безусловно. Эта болтовня ровно ничего не стоит: не пасть в его объятия — вот единственное средство для того, чтобы он хоть немного любил тебя и уважал; он чувствует признательность за удовольствие. Это прямо чудовище!

Мой хозяин с суровым видом разливал ликер.

— Почему вы не отвечаете? — спросила у него графиня.

— Шарлотта не поняла того краткого временного воодушевления, которое у меня перешло потом в грусть; она употребила очень много усилий для того, чтобы задеть меня своим несправедливым осуждением, которого я вовсе не заслуживаю. Иногда я страдаю меланхолией...

— Я знаю, что это такое, — сказала графиня.

— Ещё нужно верить некоторым чувствам, чтобы выбросить из головы скотскую страсть. Я очень сентиментален, прекрасная графиня. Иногда у меня без всякой на то причины является желание плакать. Я не знаю, понимаете ли вы меня...

— О, сударь, я сама очень сентиментальна.

— Тогда вы должны были испытать это внезапное умиление, овладевающее вами, когда вы хотите любить, делать добро, когда вы хотите быть таким непорочным...

— Эх, — прервала Шарлотта, — есть у тебя в кабинете огонь?

— Да, моя дорогая, — ответил хозяин.

Шарлотта пошла туда... Мой хозяин, усаживаясь около графини, воскликнул:

— В вашем взгляде светит тот огонек, который я так люблю: этот огонек томной грусти имеет такой бархатный оттенок. Ваше вдохновенное лицо так нежно и так мечтательно... Вы должны меня понять... Возможно ли, по вашему мнению, полюбив женщину, подобную вам, любить женщину, подобную Шарлотте?

— Она очень мила! — запротестовала графиня.

— О, я её очень люблю! — воскликнул мой хозяин. — Но у неё своя натура, а у вас своя.

— Между тем вы меня не знаете!

— Я вас угадываю, а это ещё лучше, чем знать вас. Разве я видел вашу шею? Ведь нет. Почему же я уверен, что она обворожительна? Разве я видел вашу ножку? Нет. Но я знаю, что она стройна и изящна. Имею ли я представление о вашем темпераменте? Нет, но я дал бы руку на отсечение, если у вас не оказалась бы страстная натура. Об этом мне говорят ваши глаза и ваш ротик.

— Все ваши чувства отражаются на вашем лице... Я никогда не в состоянии буду отблагодарить Шарлотту за то, что она меня познакомила с вами. Одно ваше присутствие вселило в меня такие чувства, о которых я никогда не подозревала...

Она провела рукой, полной колец, по волосам моего хозяина.

Шарлотта не возвращалась. Они были одни... Я не знаю, как это вышло, но быстро, как молодые люди, которые желают воспользоваться коротким перерывом, они

предались игре, которая мне не понравилась...

Это было, как одно дуновение страсти, мгновенное опьянение... Потом они вспомнили о Шарлотте.

— Что же она делает, наконец? — сказал мой хозяин.

Он вышел из комнаты и стал по всей квартире искать Шарлотту. Но её нигде не было. В гостиной на одном из столов лежала записка, где ясно были начертаны карандашом следующие слова: «Вы мне противны, я доложу. Если вам захочется меня видеть по окончании ваших историй, приходите ко мне, я вас буду ждать. Шарлотта».

Мой хозяин преподнес графине этот листок. Она прочитала и сказала:

— Это смешно! Все женщины ревнивы.

Десять минут были употреблены на туалет; затем, назначив на следующий день свидания,

они отправились к этой Шарлотте, которая, по мнению графини, имела единственный недостаток, свойственный большинству француженок: она была ревнива.

VII.

Нас посетил сегодня феномен. Вообразите себе две огромных груди, похожие на воздушные шары, прицепленные впереди весьма обыкновенной дамы как бы для того, чтобы двигать её вперед.

Когда я увидела эту потешную женщину, которая, представившись, сказала голосом куклы шестидесяти лет: «Это я, Лиция», — я не могла не разразиться громким смехом и не подпрыгнуть, на всех своих четырёх ножках.

Действительно можно было умереть со смеху! Вы только вообразите себе фигуру с двумя дынями ценою в шесть франков вместо груди. И она ещё несла свое бремя с намеренной развязностью!

Стянутая в талии, над которой вздымался грандиозный бюст, она, по моему мнению, походила на тех хорошеньких цыплят, которые в курятнике топорщатся, чтобы не отставать от настоящих петухов.

Очень светлая блондинка с молочным цветом лица, наводящим на мысль о цветах — не то осенних, не то весенних, из тех, что цветут тогда, когда открываются первые лилии. Рот у неё был розовый, как у анемичной собачки, глаза голубые, напоминающие своим блеском дорогие стаканы.

И эта тоже была незнакомкой!

Что за дьявольщина, отчего к нам приходит ежеминутно так много незнакомок? У нас же не магазин! Мы ведь не торгуем ни черносливом, ни колбасой!

Знакомство с этой феноменальной блондинкой началось с привычных уже мне мотивов: говорили о сердце. Этой женщине с замечательными глазами жилось не очень счастливо. Она замужем; её супруг, без сомнения, груб, как денщик, и ужасно нечист по части выражений.

— О господи! Как редко слышишь от дам, даже знатных, чтобы они хорошо отзывались о своих мужьях! Казалось, они говорят это лишь для того, чтобы не изменить своего взгляда по этому вопросу. Несчастливая женщина, решившись на бунт, объяснила моему хозяину, что она потеряла всякий стыд, и, если бы не городские, она отдавалась бы на улице всем прохожим.

Мой хозяин выслушал её внимательно, не выражая совершенно удивления тому, что женщина, имени которой он совсем не знает, которой он никогда не встречал, вздумала довериться ему. Напротив, он во всем согласился с ней; он нашел это вполне в порядке вещей, очень естественным, очень

логичным и подчеркнул свое доверие двумя словами: «Вы правы».

— Впрочем, — сказал он, — такой красивой женщине, как вы, вовсе не трудно найти себе поклонников. В моей жизни ни одна женщина не возбуждала во мне такого любопытства!

— Это мой бюст! Не правда ли?

— Да, ваш бюст, — ответил он, — ваш чудный бюст, который должен быть... Но, прошу прощения, если вы намерены позволить мне его увидеть, то излишне останавливаться так долго на описаниях, я могу ошибиться и вас сконфузить...

— Так вы полагаете, что у меня не прекрасный бюст?

— Боже меня сохрани от подобной мысли!

— Он может быть велик, но зато он упруг...

— Я в этом убежден.

— Многие поразились бы, увидав мой бюст.

— Верно!

Тьфу, пропасть! Это нечто фатальное! Как же вы хотите, чтобы он противился подобному обязательству!..

— Я хочу вас поцеловать, — воскликнул мой хозяин.

Он обхватил даму; она не сопротивлялась. С тою осторожностью, с какой люди расстегивают пуговицы ботинок, она стала расстегивать свой корсет. Ей, видно, очень не хотелось, чтобы отскочил крючок.

Я могла рассмотреть красавицу в профиль и анфас. Она не хотела, подобно большинству посетительниц, чтобы занавески были спущены; ей хотелось поразить моего хозяина своей наготой при ярком освещении.

Она ловко скинула рубашку.

А я думала:

— Кто она такая, эта женщина? Кокотка не показывала бы себя так бесцеремонно.

В глазах моего хозяина выразилось изумление, которое он и не пытался скрыть.

Блондинка была бесспорно хороша. Красота у неё была необыкновенная, поистине чудесная. Стройная, пухленькая, с округлыми нежными формами; у неё была очень привлекательная фигура и прелестный вид сзади. Но, ангелы небесные, спереди — это была настоящая поэма! её груди, её очаровательные груди вздымались, как две огромные груши, удивительно чистые груши, на которых с удовольствием останавливался глаз. И, что замечательно, левая грудь, казалось, вздымалась больше правой.

Понятно, чтобы уместить в корсете и чтобы вместе с тем придать грудям ту форму дынь, ценою в 6 франков, о которых уже упоминалось, наиболее удаленное от груди место должно было войти внутрь самой груди, подобно тому, как различные тру-

бочки телескопа ввинчиваются одна в другую.

При виде этою причудливого создания мой хозяин улыбнулся. И он признался:

— Это впервые.

— Не правда ли, это редкость! Все, кому приходилось их видеть, мне об этом уже говорили.

— Вы должны были бы выставить себя на показ.

— На ярмарке! — прервала она.

— О! Простите! — возразил мой хозяин. — Я этого не хотел сказать; я хотел сказать — на несколько сеансов в медицинском факультете, который наверняка найдет в ваших солидных «грушах» интересный объект для наблюдения.

— Все мне об этом говорят, — прибавила она.

— Во всяком случае я не понимаю вашего супруга. Когда имеется существо, подобное вам, его любят, за ним ухаживают, его окружают заботливостью...

— Ах! Как бы не так! Сударь, это по всей вероятности из-за груди мой муж ведет со мной ужасную войну и делает для меня не-носной всю жизнь.

— Великий Боже! И за что же?

— Он мне говорит, что я его делаю посмешищем, что все на улице оборачиваются, когда мы проходим, что все смотрят на меня в упор, что все мужья сердиты на него, что все жёны на меня указывают своим мужьям; и повсюду он меня упрекает в моей развязности. Мой муж хотел бы, чтобы у меня был более сдержанный, более скромный, более простой вид и чтобы я ушла в самое себя; ему желательно, чтобы я выходила только ночью. Не правда ли, сударь, такая жизнь не может прийтись по

вкусу? И я забыла вам сказать, что мне только двадцать три года...

Двадцать три года! Ей было двадцать три года!

Несчастливая! Если её бьют в двадцать три года сделавшимся таким, то что будет, о, Великий Боже, когда ей будет сорок шесть лет? Очевидно, что у сорокалетней женщины бьют гораздо более развит, чем у двадцатилетней.

Я уже тогда привыкла анализировать чувство желания и даже капризы; не нужно было употребить много усилий для того, чтобы предвидеть, что мой хозяин захочет заплатить этой даме. Не каждый день выпадают случаи встретить феномена в таком роде. Но, мне кажется, мой хозяин не знал, как это сделать.

Знаменитая Люси (так она называлась) принимала тем временем более или менее классические позы. Наконец она решилась сесть на меня, и тогда-то я ясно поняла,

что под предлогом посоветоваться с моим хозяином относительно своей семейной жизни, она пришла совсем по другому делу.

— Я бы хотела одеться, — сказала она, — я чувствую, что вы мной не интересуетесь.

Это было уже слишком. Он начал энергично протестовать, заключил её с некоторыми предосторожностями в объятия и, когда солнечный луч, пробиваясь играючи через окно, осветил группу, состоящую из нас троих, сияющим ореолом, хозяин начал напевать пошлую песенку с соответствующими жестами. Это была самая обыкновенная любовная история (я спешу оговориться); между тем она была не лишена своего интереса.

Под вечер дама в сопровождении моего хозяина ушла; я не знаю, назначили ли они ещё свидание. Но что-то мне говорило, что я не увижу больше прекрасной Люси, этой бледной блондинки с анемичным ртом, с

большими светло-голубыми, похожими на стеклянные бокалы, глазами.

Вечером пришли некоторые друзья; когда есть друзья, то есть и подруги. Несмотря на всё свое благоразумие, мой хозяин не мог себе отказать в удовольствии принять гостей. Большая часть дома высказалась с поразительным единодушием.

Неужели мужчины настолько слабосильны! Если им что-то доставляет удовольствие, то они нас будут мучить.

Я не намерена тут воспроизводить длинную защитительную речь, которую произнес мой хозяин против того обвинения, которое утром было выставлено ему; её можно резюмировать в следующих нескольких словах: я никогда и не думал сказать что-либо дурное о той женщине, которой я обладаю; я уважаю всех тех, которые удостоили меня поцелуем; я навсегда сохраню к ним признательность, а описание прелестных грудей женщины не может опозорить ни её

имени, ни имени её мужа, тем более, если оно неизвестно.

Разговор о грудях привлек молодых женщин.

Вы догадываетесь уже, что произошло потом. Их было пятеро, и так как все были красивы, с прелестными грудями, они не заставили себя долго ждать и скоро начался конкурс, к которому приступили все с большим желанием.

Как только опустились корсажи, по комнате разнесся приятный запах. Какие дорогие духи! Какие превосходные комбинации запахов! Говаривали, впрочем, что от всех пяти полуоткрытых грудей пахло, как от идеального букета. Потом из кружевных оборок, из тонких рубашек, расстегнутых корсетов, свесившихся над талиями, выглянуло десять грудей, округленных, белых, плотных и юных, как бы пробудившихся от сна, чтобы показаться во всей прелести их молодости. О! какое чудное

зрелище! Одни из них были совершенно белые, другие по цвету походили на слоновую кость, а ещё одни были почти совершенно смуглыми; и у всех была своеобразная красота.

На этом конкурсе не раздавались призы. Каждая из участниц имела пальму первенства. Но тотчас же, как только были сказаны все комплименты, любовники захватили в объятия своих дам, и на мою долю выпало счастье чувствовать на своих пружинах две самые прекрасные пары, которые совершенно не скрывались, чтобы удовлетворить свою страсть к неге.

Остальные разбрелись понемногу по всей квартире.

Один только мой хозяин, стоя в гордом одиночестве, наблюдал за тем, как его друзья и их подруги возились и целовались.

Я же в свою очередь наблюдала за ним. О чем это он мог думать? Какие мысли долж-

ны были промелькнуть в его голове? Он был одинок, и я перед ним преклонялась.

Несколько секунд спустя я заметила бросаемые им украдкой красноречивые взгляды; этого мне было достаточно, чтобы увериться в том, что из пяти друзей моего хозяина четверо, по крайней мере, были рогоносцами.

VIII.

В это утро, в час, когда у нас все по привычке спали, мы были разбужены внезапно раздавшимся робким звонком. Мой хозяин в чрезвычайно легком одеянии отправился к двери медленно и с недовольным видом. Тотчас же раздался крик изумления, сменившийся хохотом женщины, вызванным, без сомнения, одеянием моего хозяина.

— Как я счастлив, что вижу тебя, — сказал мой хозяин, возвращаясь в кровать. — Но что за блажь приходить к людям в девять часов утра?

— Ты спишь ещё! Ну и лентяй!

— Ещё бы! Если бы я спал! Но разве ты не знаешь, что в Париже не встают раньше одиннадцати часов утра? Ах, милая Нинетта, в это утро ты мне причинила некоторую неприятность.

— Почему же? — спросила вновь пришедшая встревоженным голосом, склонившись над кроватью.

— Я так хорошо спал!

— И поэтому-то ты меня не поцеловал? — сказала Нинетта опечаленным тоном, который звучал несколько смущенно.

Мой хозяин не отвечал и, положив голову на подушку, казалось, думал ещё заснуть.

Я из своего угла наблюдала за этой душе-раздирающей сценой. Кто была эта женщина? Откуда она пришла? Что она будет у нас делать? Она сказала:

— Может быть, ты слишком утомляешься теперь?.. Тебе не нужно столько работать... или столько развлекаться. Тебе нужно больше беречь себя... Это очень плохой признак, эти печальные пробуждения.

Последние слова произвели на моего хозяина огромное впечатление. Он и сам боялся этих невеселых пробуждений: они указывали на упадок сил, а ему так хотелось жить.

— Это не так, — сказал он. — Я тебе объясню...

И я услышала тогда эту необыкновенную, ужасную речь, вызвавшую в глазах Нинетты крупные слезы.

Даже я в тот момент спросила себя; действительно ли он такой злой, мой хозяин.

— Но, — сказал он, — я лучше встану. Есть такие вещи, о которых не говорят в постели.

Он встал, облачился в халат и сел на меня, бедную кушетку; молодая женщина усе-лась против него на стул.

— У меня какое-то предчувствие, что ты мне сообщишь грустные вещи, — сказала она.

— Нет, это тебя не огорчит: я тебе хочу сказать только правду. Затем, ты ведь уже не дитя...

— Я уже сделалась старухой, да, я это знаю...

— Ты глупа! Разве я могу тебе сказать подобную вещь? Тебе не восемнадцать лет, но и не шестьдесят... Слушай, дорогая Нинетта, я тебя умоляю, когда ты узнаешь то, о чем я хочу тебе рассказать, обещаю тебе, что ты больше не будешь меня расспрашивать.

— Я попытаюсь, — сказала Нинетта. — Но ты постарайся щадить меня.

Мой хозяин собрался с силами или, по крайней мере, принял такой вид; вот, что он сказал:

— Вот уже семь лет, как случай свел нас с тобой и в продолжение которых я тебя любил всей душой. Ты была, ты это знаешь, моей наставницей; я ещё тогда не знал всех тайн любви, и это тебе я обязан всеми открытиями в этой области. В то время я тебе был почти благодарен, теперь же мне бы хотелось осыпать тебя жесточайшими укорами. Действительно, Нинетта, я тебя обвиняю в той жизни, которую веду; жизнь, полная дебошей и глупостей, — это твоя работа! Я был как ребенок при встрече с тобой, и моя натура вовсе не имела таких потребностей.

Мои увлечения тогда были сплошной мечтой, и они почти всегда расцветали сами собой, похожие на те маленькие невинные

цветочки, которые вставляют в волосы детей в день праздника тела Господня, когда они кидают лепестки к уличному алтарю... Я обожал свой идеал, и все скотские чувства, которые я прежде испытывал, мне скоро внушили отвращение. И вот после стольких проституток с бесчувственным сердцем я узнал тебя. Закрой глаза, Нинетта, и вспомни всю историю нашего романа: это было лучезарное летнее утро; листья ещё не утратили своей свежей молодой зелени; всё пело: птицы, насекомые; я одиноко бродил по большому Люксембургскому саду; я не знаю, о ком я думал, и вот ты предстала предо мной. Не я тебя покорил, Нинетта, ты овладела мной. Я помню, какой восторг ты возбудила. Я ещё и теперь ясно вижу комнату в отеле, с большой кроватью под балдахином, столиком посередине, с широкими диванами вдоль стен, портреты военных в рамках со стершейся позолотой, большой ковер на полу... Ты меня схватила в объятия, ты приблизила ко мне свое тело, ты меня раздела, и, когда

мы очутились в кровати, мне показалось, что должно произойти событие, исключительное по своей важности... Я тебе признаюсь, с этого времени мной овладела тоска. Действительно, ты была первая из тех женщин, которых я знал, такая сладострастная и такая порочная; ты мной овладела, как дикарь маленьким животным, чтобы насытиться по своему вкусу. Конечно, я ушел восхищенный. Ты мне показала земной рай, о котором я только подозревал; ты предо мной раскрыла небеса; и в чрезвычайном экстазе, преисполненный блаженства, я в первый раз в жизни обратился с горячей молитвой к Богу: я молил его о смерти.

В продолжение почти целого месяца, заключенный в этой комнате, опьяненный и безумный, как и ты, мучимый любопытством, жаждущий ещё новых открытий, которые ты ловко приберегала, чтобы каждый день подарить каким-нибудь новым сюрпризом; в продолжение целого месяца ты

отравляла меня порочным ядом. Я был уверен, что ко времени твоего близкого отъезда я потеряю свою детскую думу и взамен её получу мою теперешнюю... До конца своей жизни я не забуду нашей последней ночи. И я, и ты как будто бы боялись оставаться вечером в этой комнате. Долго мы бродили по аллеям бульвара, не решаясь вернуться. Эта последняя ночь действительно должна была представить собой нечто невероятное.

Нужно было, чтобы грех был непременно совершен. Вся моя натура, взвинченная твоими безумными капризами, рыдала и вздрагивала. Ах! есть удовольствия, которые так мучительны! Итак, когда ступень, к которой ты стремилась, была достигнута, я тебя застал в таком нервном состоянии, что я было подумал, что ты не выдержишь и умрешь. Ах! такие ночи не забываются! В течение двух часов ты безумно бредила; ты билась в истерике; ты ногами стучала в стены; ты руками раздирала свои груди;

твои прелестные чёрные волосы, растрепавшись, цеплялись за выступы мебели; ноздри и рот побагровели от прилива крови. И ты не сказала ничего; ни единого звука; ни одного вздоха, ни единой слезинки! Ты не слушала меня! И я, униженный, одуревший, бессильный, с расслабленными коленями, с ощущением пустоты в голове, я смотрел, как ты каталась по комнате, превратившейся в крошечный ад, не думая уже о том, как бы помочь тебе, как бы защитить тебя от твоих же безумств. На следующий день я должен был встретиться с твоим мужем...

С тех пор прошло семь лет. И в течение этих семи лет я нахожусь на торной дорожке порока, на которую меня вывели первые шаги, сделанные с тобой; я на ней остался. Я жаждал той пищи, к которой ты меня приучила. Я пресытился с разного рода существами, подобными тебе. Число тех, которые соединяли свою похоть с моей, было несметно. Я видел среди них некото-

рых грязнее тебя. Я же преследовал лишь одну цель — удовлетворить свою вечно возрождающуюся страсть. Я находился на наклонной плоскости; я на ней оставался. А! Если бы я пожелал, я мог бы с неё удалиться! Но я не хочу делать над собой этого усилия: удовольствия здесь стоят тех... По крайней мере, я так полагаю. С тех пор, как твой взор возбудил во мне какую-то тоску, ненависть к живому телу, я вспоминаю, что это ты мне внушила...

Один вопрос: так как ты должна была снова вернуться ко мне, так как мы должны были ещё встретиться, то скажи, почему ты уехала; вот уже семь лет прошло с тех пор...

— Милый ты мой, мой муж... — заикнулась было она.

Мой хозяин, остановившись глазами на ней, сказал шипящим голосом:

— Посмотри на мое лицо, Нинетта, посмотри на мои недостатки: мой лоб испещрен

неприятными морщинами. Мои глаза померкли, углы моего рта сморщились. На мне лежит печать старости и порока. И в твоих глазах, в твоих губах, в общем виде твоей физиономии я вижу свое отражение. Мы похожи друг на друга, как будто я был твоим братом. И даже сейчас, в этот гадкий момент, я чувствую между нами сходство, я чувствую в себе душу, имеющую так много общего с твоею, я настолько чувствую себя твоим братом, что у меня является желание сорвать у тебя поцелуй, сжать тебя в своих объятиях, прижать к груди, сдавить тебя, вызвать у тебя страстные рыдания даже ценою зверского изнасилования. Это похоже на желание произвести кровосмешение — почти единственное преступление, которое ещё не совершено мною.

Но я тебе объясню: если б я тебя и взял, то только исключительно для того, чтобы вырвать это незнакомое ощущение... У тебя в волосах уже показалась седина... Смотри, у меня уже тоже седые волосы, мы с тобой

одного возраста... Кто знает? Если б мы были близнецами?..

— Ты безумец! — воскликнула Нинетта.

— Да, да, я безумец... И это очень хорошо! Но почему ты плачешь? Не жалеешь ли ты о том, что пришла сегодня утром ко мне? А между тем я уверен, что ты совершила это путешествие из провинции в Париж нарочно для того, чтобы меня видеть! У тебя было желание посетить своего ученика. И кто знает, может быть, тебе захотелось в это возбуждающее время года утолить некоторые желания?.. Не забудь, что теперь такое же время года, как и семь лет тому назад... Или, может быть, твои фантазии возвращаются периодически каждые семь лет? Как это смешно, Нинетта! В первый раз сегодня после семи лет я в себе чувствую детскую душу. Может быть, ты унесла тогда мою юношескую душу, а теперь ты её принесла?

Как безжалостно звучал голос моего хозяина! Я никогда ещё не видела его таким жестоким. Он играл роль как плохой актер в драме, нарочно пренебрегая естественностью; он говорил напыщенно, с пафосом.

Нинетта рыдала. Наконец она воскликнула:

— Великий Боже! Зачем я пришла?

Она, казалось, оцепенела от этой речи. Он взглянул на неё... Встряхнулся... Казалось, ему был неприятен её плач. Что он хотел сказать? Что она отвечала? Не запутался ли он сам в этой своей лжи? Не был ли он сам удивлен своей речью? Возможно, он сам не знал, что хотел.

Мой хозяин взял её за руки и посадил на меня рядом с собой. Он близко склонился к ней и прикоснулся губами к её волосам: долго они оставались неподвижны.

Я себя с беспокойством спрашивала, чем могла закончиться эта история. Что он хотел

достигнуть этой насмешкой? Я вся обратилась в слух для того, чтобы понять причину их молчания. Я осматривала вещи и предметы вокруг себя, которые долгие меня находились в этом доме и, быть может, уже присутствовали при таких сценах; я хотела в их возражении найти объяснение. Они мне ничего не открыли. В комнате, казалось, всё мало-помалу засыпало. Мой хозяин и брюнетка сидели обнявшись; она ещё теснее прижалась к нему.

Она уже больше не плакала.

Казалось, что глубокое спокойствие до забвения охватило их. Я и сама после напряженного внимания предалась отдыху вместе со всеми, из-за чего пропустила начало прерванного и возобновившегося разговора.

Внезапно очнувшись, я услышала, как мой хозяин говорит:

— Ну скажи мне, так это правда, что твой сын красив? Он взрослый?

— Да, — ответила она тихо, — он большой, сильный, ему шестнадцать лет.

— И что ты с ним будешь делать?

— Он хочет быть солдатом, как его отец.

— Солдатом! — сказал мой хозяин. — Почему он не хочет быть человеком?

Последние слова застигли её врасплох, и в глазах её выразилось такое удивление, что мой хозяин тотчас же поправился:

— Я хочу сказать, совершенно простым, обыкновенным, без мечтаний, далеким от каких-либо мыслей, убийственных идей и скотских желаний. Люди, которые являются настоящими людьми, это те, которые по крайней мере хоть раз в день задаются вопросом: каким образом посеять зерна любви и добра среди человечества.

Потом мой хозяин снова справился о муже. Женщина охотно отвечала на все его во-

просы и даже с удивительным душевным волнением.

— И теперь что ты будешь делать? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила она. — Я не могла предвидеть, что это путешествие будет иметь своим последствием только этот визит. Я ещё останусь несколько дней в Париже, а потом вернусь к себе в провинцию.

— Нет, нет! — вскрикнул мой хозяин, — ты уедешь сейчас же! Я тебя знаю, прелестная Нинетта! Одна в Париже ты не будешь воздержанна. И если я более не хочу быть твоим любовником, то я тем более не хотел бы встретить тебя завтра под руку с другим любовником, которого ты приставишь к себе сегодня же вечером. Я ужасно ревнив. И готов даже, чтобы ты принесла мне эту жертву, притвориться влюбленным в тебя на эти несколько минут...

— Ты! — вскричала она. — После всего, что ты мне сказал?

— Что же я тебе сказал? Я не могу припомнить...

Неожиданно он притянул ротик Нинетты к своим губам и сладко и страстно укусил её. Была ли она не способна сопротивляться соприкосновению его жгучих уст? Разве женщины не надменны? Она не отказалась...

Нечего было сомневаться: это была любовь, которую сопровождал свой кортеж веселья... дорога была усыпана цветами... всё пело...

Внезапно мой хозяин подскочил, вскрикнув:

— Нет, нет, нет! Кончено... кончено... решительно, я тебя ненавижу! Ты будишь во мне слишком печальные воспоминания. Ах! Зачем ты пришла и разбудила меня в девять часов утра?

Он выпустил из объятий Нинетту, которая, казалось, очень страдала.

Когда он остался один, он посмотрел на себя в зеркало.

— Есть ли у меня голова на плечах? Нет, что за мысль будить людей в такое время... У меня уже болит голова. Я не утренняя пташка; нет... Бедная Нинетта! Разве она не подурнела за эти семь лет? Как женщины глупы! Они не замечают, что семь лет жизни кладут неприятный и грубый отпечаток на их облик...

Потом он сурово произнес:

— Если женщина была искренне любима, она не должна являться к своему бывшему любовнику. Эта церемония всегда сопровождается множеством обманов для неё. Мужчина в глубине своей души смеется. Это моя вина...

И он пошел принимать ванну, полную свежей воды.

В течение нескольких дней, последовавших за историей с Нинеттой, мой хозяин был печален, молчалив и угрюм. Он, похоже, испытывал угрызения совести за свое поведение, это удивительное и непонятное ему самому поведение, которое имело своим последствием слезы женщины, приходившей к нему с надеждой положить на память на склоне своих дней светлый букет, составленный из блестящих цветов сладострастия и жгучих поцелуев.

Меня не удивило то, что мой хозяин попытался найти Нинетту в Париже, где она, без сомнения, старалась забыть свою тоску и страдание.

Во всяком случае, в течение почти целой недели нас посещали только старые подружки, с которыми мой хозяин обращался учтиво, не доходя, однако, до той виртуозно-

сти, которая меня так поражала. Это была учтивая любовь, нежности светского человека. Впрочем, я всегда говорила, что у моего хозяина руки так же «болтливы», как и рот. Он делал наиболее дерзкие жесты с непринужденностью тех людей, которым всё позволено. Вполне понятно, что женщины, приходившие к нам, должны были быть готовы ко всяким неожиданностям, и что они, переступив порог нашей квартиры, должны были совершенно отказаться от чувства стыдливости.

До сих пор я останавливалась очень мало на его похождениях; я довольствовалась только тем, что указывала на них, точно так же, как и мой хозяин мало останавливался на том свое внимание. Два или три раза нас посетила красивая дама с карими глазами, которая, может быть случайно, а может быть по особому чутью, всегда приходила в нашу берлогу в тот момент, когда у нас реял призрак скуки; она, как божественная инокиня, которая, сея вокруг себя

благоденствия, утешение, надежду, радость, являлась в горькие минуты, чтобы вызвать на скорбных лицах улыбку счастья и новых надежд.

Однажды вечером, когда на наших часах пробило девять, она пришла к нам; это было совершенно неожиданно. Мой хозяин совсем её не ждал.

— Я беспокоилась о тебе, — сказала она, — и мне не хотелось лечь спать, не проведав тебя. Вот уже несколько дней ты мне кажешься таким нервным и несчастным, как будто бы у тебя на сердце глубокое горе или важные заботы. Я тебе приведу друга, который, я надеюсь, отгонит в эту ночь мучительные пустые мысли, так угнетающие тебя. Я бы хотела, как маленького ребенка, усыпить тебя прелестными историями; хоть немного развлечь тебя.

Он привлек её к себе, обнял и с чувством прошептал:

— Ты ангел. Ты, моя дорогая, всегда являешься утешительницей, пускающей в ход всю свою нежность и деликатность, для того, чтобы, подобно феям, обратить чёрное в голубое, серое в розовое; ты родишь надежду и забвение.

— Я у тебя не спрашиваю, мой друг, что причина твоего горя. Может, ты потому и не поверил мне его, что не хотел, чтобы я знала об этом... Смотри, на дворе май; листья, распускаясь, как бы кружевом покрывают ветви. В садах расцветают первые розы; цветочницы разносят корзинки с фиалками. В лесах, покрытых молодой листвой, благоухает золотистый мох, который ты так любишь, потому что, говоришь ты, все блондинки похожи на золотистый мох; всё радуется; весна поет песню вместе с птицами, которые вьют гнезда; пронесся свежий ветерок; вечно юное солнце посылает свои лучи, которые так же очаровывают, как прекрасные глаза молодой девушки... Вот почему я и пришла; я не хочу,

чтобы в это время ты горевал, ты должен смеяться; я хочу слышать твой радостный голос; лги мне, и в угоду тебе я буду верить, что ты говоришь искренно.

— О, Боже! Я болею душой, потому что совершил дурной поступок.

— Ты! — вскричала она.

— Да, я. На днях у меня была здесь женщина.

— Здесь! — сказала она.

— Здесь! — подтвердил он. — Я не знаю, каким образом она узнала мой адрес и кто ей указал сюда дорогу. Она никогда не бывала в этом доме. Это первая иностранка, которая переступила порог моей квартиры, и вообще первая женщина, потому что ни одна особа женского пола, кроме тебя, не проникала сюда. Я был возмущен, как будто в моем жилище произошло святотатство. Я клялся тебе, обожаемая маленькая царица моего сердца, что двери будут закрыты

даже перед самыми прекрасными женщинами! Золото ты мое, приход этой иностранки — это моя первая ложь перед тобой.

— Но кто была эта женщина? — спросила с душевным беспокойством прелестная подруга моего хозяина.

— Семь лет прошло с тех пор, как случай свел нас; я был знаком с ней, и в течение двух месяцев мы были влюблены друг в друга. С тех пор я её больше никогда не видел. Ты, вероятно, поймешь те желания, которые могут появиться в душе прежней любовницы? Ей захотелось со мной увидеться. И издалека, из своей далекой провинции, она совершила эту длинную поездку в Париж. Она меня нашла. Это была она. Ну, а я её выгнал, как только она мне сказала, что любит меня по-прежнему. Ты слушаешь? После того, как она облегчила свою душу, после того, как она высказала свои желания, когда она выказала свою развратность, я её оттолкнул от себя; я

стал жестокосердным; я выдумывал для неё слова, которые, когда я их произносил, вызвали на её лице страдальческое выражение; её большие чёрные глаза наполнялись слезами, которые тихо струились по её бледным щекам. Эти страдания не только не смягчили меня, я не только не почувствовал угрызения совести, но, наоборот, её жалкий вид меня ещё более раздражил; я изобретал ещё более жестокие слова, более язвительные выражения, чтобы увеличить её страдания и ещё более унижить. Я находился в каком-то непонятном бешеном состоянии. Это было безумием. И если бы я не предполагал, что более грубое обращение может её осчастливить, я бы бросился на неё, я бы осквернил её, чтобы очернить её честь и потом оскорбить. Но я боялся, что и этот поцелуй может ей доставить удовольствие, и я удовлетворился тем, что сказал ей, из сожаления, прости. Поступив так, я совершил дурной поступок. Я испытываю мучительное сожаление, которое меня гложет тем сильнее, чем ярче я себе

представляю те страдания, которые я причинил этой женщине. Да, есть где-то женщина, я не знаю, где, которая страдает и которая вечно скрывает свои страдания; никому она не может их поверить; ни от кого она не услышит сочувственного слова. Она походила на дикое животное, у которого вонзилась под ноготь заноза; её нельзя вытащить; из-за занозы начнет гнить ступня, гангрена охватит всю ногу, язвы покроют всё тело, и в один прекрасный день, после медленной агонии, оно околеет где-нибудь. Ну да, она как это животное, и я глубоко вонзил в её сердце этот шип. Это плохо! Его уже оттуда не вытащить. Эти раны сердца уже никто сам не излечит. Начиная с этого дня я несчастен; я не видел, как весна сменилась летом; моя душа представляет собой пустыню, по которой гуляет самум.

После этих слов дама с карими глазами прижалась к груди моего хозяина; в продолжение нескольких минут она покрывала

поцелуями его глаза, лоб, губы, а затем очень мило сказала:

— Позволь мне разделить с тобой пополам твое горе; это по моей вине ты был злым; я теперь знаю причину твоей суровости. Наше счастье принадлежит только нам двоим. Мы должны быть соучастниками всего того, что мы делаем. Ты защищал свою женщину. В сражениях нет великодушия. Мы связаны ещё более сильной, новой связью... Я хочу внести рай в твою душу...

Они были на мне. Только одна лампа светила на маленьком столике. Её ровный свет под розовым абажуром образовал над их головами нечто похожее на сияние зари-утешительницы. Медленно звучал над этой группой гимн любви. Их натуры слились с каким-то ненасытным наслаждением. Волосы нашей прелестной подруги сами распустились, как бы для того, чтобы тенью окутать их слившиеся в поцелуе уста; эти обворожительные волосы с различными оттенками, то белокурые, то каштановые, то

серебристые, при свете лампы образовали какой-то сияющий ореол. И внезапно вокруг них возникла радость опьянения и наслаждения, зажигая их глаза тем божественным сиянием, тем непостижимым огнем, который светится в глазах всех влюбленных. Безумие достигло крайнего напряжения, перешло в забвение, образовав как бы непроницаемую вуаль, которая может прикрыть все плохие воспоминания. Их голоса, полные счастья, походили на голоса ангелов. Сладострастие имеет свою святость; они любили с той же торжественностью, с какой священник служит мессу; унесенные волшебным и таинственным полетом, который увлекает падшие духом тела на ужасающую высоту, где любовь становится так неограниченна, что уже невозможно отличить жизнь от мечтаний, истину от сказок.

И я за ними следовала какая-то подавленная: я слышала их лепет, я восхищалась и вся содрогалась, я приводила в порядок

свои чувства, разбредшиеся неизвестно куда.

Я точно знаю, что произошло в эту ночь; я присутствовала при душевном перевороте, при сделке с совестью, при прелестнейшем концерте, который может разыграть только страсть, — и это всё было делом одного поцелуя, одного очень томного поцелуя, которым ротик моей милой подруги, прелестной дамы с карими глазами, которую так любил мой хозяин и которая, несмотря на все его предательства, не переставала его любить, по крайней мере она его любила тем более, чем более он её обманывал.

Х.

Наконец мы стали свидетелями оргии!

Долго я её ждала, мне ужасно хотелось знать, как я перенесу зрелище этого грандиозного состязания безумств, того, что составляет суть оргий. Часто мои соседи по комнате, наблюдавшие за подобным весельем, расхваливали мне те из ряда вон выходящие дни.

Эта глава моих мемуаров немного пугает меня; я боюсь писать дальше. Я бы хотела остаться благовоспитанной и, соответственно моему стилю, сдержанной кушеткой. Я не должна забывать о корректности по отношению к тем, которые меня прочтут: кушетка, которая пишет, должна честно относиться к своему делу и не подражать тому старому простаку романского происхождения, о котором я слыхала что он осмелился себя вести как грубый, необразованный человек.

Если римские историки были слишком смелы в описаниях оргий времен падения империи, то нас законы приличия заставляют быть более стыдливыми. Нужно щадить чи-

тателя. Грубые выражения, которые его обязывают читать, оскорбляют его эстетическое чувство. Ни в какой стране для выражения низких поступков нельзя употреблять грубых выражений, вызывающих ощущение тошноты и отвращения. Я здесь хочу попытаться описать современную оргию «fin de siècle», как говорил мой хозяин; и если мне не удастся представить яркую картину того, что я сама видела, я умоляю меня простить; я сделала то, что было в моих силах.

Их пришло семеро: четверо женщин и трое мужчин. Мой хозяин их сопровождал. Он был под хмельком. Женщины были сильно одурманены; они пели. Мужчины находились в каком-то невменяемом состоянии, и в их глазах светились огоньки, напоминающие блеск в глазах голодных волков. Несмотря на свое нетрезвое состояние, которое, казалось, уже близилось к концу, мой хозяин закрыл окна и спустил занавеси на ночь, которая глядела в открытые

окна миллионами звезд, как бы желая скрыть ту мерзость, которая должна была свершиться. Свечи мерцали, лампы горели ярким светом, как бы вдохновляемые дыханием предстоящей оргии. В соседней столовой, в отдаленной гостиной было море света, так как для всех этих безумных празднеств необходимо, чтобы всё сверкало.

Но кто эти женщины, тела которых были такими прелестными цветниками грации? Наиболее грациозная из них называлась Жанной; это была блондинка с широкой грудью, стянутой низко вырезанным корсажем, как будто её груди состояли из ресор, похожих на те, которые мне придают эту изящную гибкость и вызывают у всех знающих меня восклицание: «Какая превосходная кушетка!» У неё были темные глаза, но я не могла разглядеть точно цвета: зелёные или чёрные; при свете в них горел какой-то огонек. Другая, Марго, была темной, высокой, элегантной, с тем

ухарским видом, который является отличительным признаком женщин, которые над всем насмеваются, ничего не уважают, не думают о высоких материях, живут минутой, не задумываясь о будущем, не жалея о том, что делала в прошедшем её маленькая грудь — почти смуглая, с какими-то странными переливами; говорили, что какая-то ядовитая кисть окрасила их, право, не разберу, кажется, в синий цвет, или что она перенесла всякого рода побои.

Третья, Сусанна, была также блондинкой; её лицо и шея были свежи, как белые розы; она выглядела очень молодой, и её нежный взгляд под длинными чёрными ресницами был томен и меланхоличен; как будто в нём отражались непрерывно следующая одна за другой мечты; несмотря на её молодость, голос её звучал устало, а её изящно очерченный бюст, покрытый бесчисленным множеством безумных поцелуев, был довольно велик. Четвертая называлась Люсетта. Люсетта была также блон-

динкой, но её волнистые, удивительно красивые волосы отливали то пепельным оттенком, то золотистым; огромные голубые глаза с тёмными кругами под ними лихорадочно сверкали на её бледном страдающем лице истерички, которое носило следы непрерывно повторяющихся пороков, от которых так быстро увядает тело; у неё был серебристый музыкальный голос, напоминающий гармоничный, нежный и чистый звук колокольчиков. Её гибкие пальцы скользили с бархатной лаской, как будто бы она хотела всеми своими жестами возбудить жажду наслаждения.

Эти четыре женщины были прекрасны, молоды, и каждая из них могла удовлетворить самый избалованный вкус. Однако два друга моего хозяина не были достойны того, и я бы о них не говорила, если бы они не играли такой смешной роли, которая высоко подняла над ними хозяина этого помещения. Один из них, уже старик, так как ему было не менее сорока лет,

принадлежал к тем людям, которые воображают себя окруженными со всех сторон поклонницами; его звали Дакост; он был одет по-английски, потому что его бабушка некогда побывала в Америке.

Другой, помоложе, назывался Андре; это был славный малый, парижанин в полном смысле слова, очень элегантный, но не обладавший качествами, необходимыми для оргий, так как его слабое здоровье не могло долго выносить их.

О моем хозяине бесполезно говорить; в тот вечер он был удивительно расположен к веселью, готов на всякое безумство, и с кубком в руках подавал пример и пил, как сам Бахус.

Шампанское лилось из бутылок и кубков подобно тому, как струятся ручейки на поляне, стремительно вырвавшиеся из источника; запах духов смешивался с легким запахом табака.

Жанна и Марго, две старые подруги, томно пели возмутительные песни, составленные, без сомнения, какой-нибудь безумной жрицей из Астарты. Из полурасстегнутых платьев виднелись тела, покрасневшие от разыгравшейся страсти; вскоре видны стали все прелести, скрытые до того момента, и гордо обнажились прекрасные формы.

Пирогов и конфет, расставленных на столе, было так много уничтожено, что от поцелуев несло особым запахом и они стали какими-то сахарными, внушая лакомкам всё больше и больше дерзости.

Сусанна, которая в одурманенном виде была сентиментальнее, чем обыкновенно, сняла с крючка мандолину и, сев на ковер, легким ударом пальцев по струнам извлекла из неё прелестные звуки; она играла сладострастный романс, пропетый ослабленным протяжным голосом мандолины; казалось, инструмент реагировал на опьянение Сусанны; не отдавая себе, мо-

жет быть, отчета, она придавала музыке оттенок мучительной страсти.

Но двое друзей моего хозяина с каким-то глупым выражением лиц смотрели на прелестных девочек, которые похотливо танцевали, не смея взять их в свои объятия и бросить туда или сюда на *meuble d'amour*, чтобы удовлетворить свои страстные желания, которые как бы захватили их в плен.

Тогда, возбужденные барышни бросились на расслабленных мужчин, облили их вином, осыпая ударами и, черт возьми, выгнали их из квартиры с оскорблениями, бешенством и презрением. Их крики долго раздавались в квартире.

Но так же внезапно, как и разгорячились, они вдруг успокоились и с возобновившейся нежностью и желанием любить, снова начали свой танец под аккомпанемент музыки Сусанны.

Вот тогда, признаюсь в этом, я пришла в недоумение. Как мне рассказать о тех со-

бытиях, которые произошли несколько часов спустя в этой комнате, освещенной как бы для какого-то необыкновенного ночного праздника? Как описать этот обмен поцелуев? Как описать эту манеру ласкаться?

Я вспоминаю эти вздохи, которые наводнили всё пространство вокруг меня, подобно тому, как дым ладана охватывает часовню.

Возможно ли вообразить себе роль такого человека, как мой хозяин, в присутствии таких четырех женщин как Жанна, Марго, Сусанна и Люсетта?

Потому что оргия — это безумство; а разве безумство можно изобразить? Развешанные по стенам, портреты склонились над любовниками, как будто бы и они хотели принять участие в этих чувственных наслаждениях. Мраморные и гипсовые статуэтки дрожали на своих пьедесталах. Пламя свечей колебалось под дуновением этой внезапной бури, а их воск быстро таял...

Я уже не знала счет времени. Больная, расслабленная, я уже не могла различать предметы и вещи, окружавшие меня. Голоса смешались, и мои уши уже не различали, из чьих уст раздавалось хрипение. Их опьянение было заразительно: я сама была едва жива. Я уснула на своих четырех ножках в углу, как рыбачка, почти в тот же момент, как уснули эти изнуренные вакханки, растянувшись где попало. Я не могла даже послать моему хозяину взгляда удивления и благодарности, может быть, потому, что мои глаза уже ничего не видели, или потому, что он спал.

Спустя очень долгое время, уже глубокой ночью, я внезапно проснулась. Кругом царил тишина, которую прерывали только вздохи спящих, свечи догорели, лампы сами потухли, всё было погружено в глубокий сон...

На другое утро, уже после полудня, все стали медленно просыпаться. Помятые физиономии; у вчерашних красавиц поблек-

шие лица; лихорадочно горящий румянец на щеках; синяки под глазами, как будто бы по ним колотили кулаками; они потягивались своими усталыми членами, и их первые слова выражали сожаление.

Мой хозяин поднялся и с насмешливой улыбкой на губах созерцал четырех девиц, разбитых, помятых, обезображенных; я услышала, как он тихо сказал:

— Каковы бы ни были по качеству курицы, петухи всегда лучше.

Но он забыл прибавить, что у него хватило благоразумия не напиваться так, как эти безумцы, и если он был опьянен, то вино к этому опьянению не имело никакого отношения.

На самом деле мой хозяин никогда не напивался до зелёных чертиков, несмотря на то, что был большим любителем выпивок. Умел ли он воздерживаться? Было ли у него достаточно сил, чтобы отказаться от двух или трех лишних бокалов, с которыми

— теряешь рассудок? Обладал ли он желудком, способным переварить в себе всё, что угодно? Я не знаю, но я не видела его никогда в пьяном виде, его капризный характер объяснил мне, каким образом он мог постоянно совершать свои физические упражнения, владеть собою во всех обстоятельствах.

XI.

Птички упорхнули одна за другой; мой хозяин привел свой туалет в полный порядок до мелочей, и я его увидела садящимся за стол; он держался прямо, взор его сиял; усы закручены, шапка была слегка надвинута на ухо.

Я не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть:

— В императорском табуне нет ничего подобного! Это животное переносит всё!

Возможно ли, по вашему мнению, чтобы такая кушетка, как я, не обожала хозяина, подобного моему? Я влюблена, говорю чистосердечно. Мне бы хотелось, чтобы мой каркас, мои пружины и моя вышивка превратились сейчас в прекрасную сильную девушку с янтарного цвета кожей, как у моего милого, нежного друга, красивой дамы с карими глазами, которая, смотря в зеркало на свои плечи и ноги, говорит с довольным видом: «Решительно, у меня кожа первого сорта!»

Но моя самая обыкновенная, утомившая даже меня вышивка никогда не будет стоить кожи не только первого, но и второго сорта; как бы чувствительны ни были мои пружины, они никогда не испытают того, что испытывают женские нервы, и я слишком хорошо знаю изящество моей еловой арматуры, чтобы быть уверенной, что она

всегда уступит гибкой и нежной структуре прекрасного женского тела.

Почему это сегодня я мечтаю о своем хозяине? Почему я возбуждена в такой степени, и почему я трясусь в своем углу, как безумная, желающая пирога, пирога её хозяина?

Очевидно, что это нелепо с моей стороны! Но с тех пор, как я начала писать свои мемуары, мне кажется, я очутилась в таком положении, в каком не была ни одна кушетка. Не придает ли занятие литературой известного рода очарования?

Увы, зачем мне разбираться в своих нравственных качествах? Я недостаточно храбра с физической стороны. Я только бедный инструмент для наслаждений, и если в тайниках своего механизма я чувствую биение чувствительного и великодушного сердца, то об этом никогда не узнает мой хозяин.

Ах, сколько горя доставляет он мне! Мне, которая его так любит!.. Иногда моя печаль не представляется мне несправедливой; я хочу подняться над мелким злопамятством и прославить, как и должна, величайшую любовь, служить которой привел меня случай.

Я никогда не перестану хвалить его ловкость и смелость, и я признаюсь, что он — животное столь же высокомерное, сколь же доблестное; не единожды он хвастался, что бронзовый слепок с него, выставленный на публичной площади в Париже, доказывал бы всем слабым, хилым, утратившим способность веселиться, каким замечательным телосложением, какой физической силой, какой прелестной глоткой обладает этот выдающийся феномен, то есть он сам, и я не могу с этим не согласиться.

Сегодня мы зарегистрировали номер 923. Да, девятьсот двадцать три женщины побывали в объятиях моего хозяина; эта цифра поистине значительная, тем более,

что большинство из них приходило к нему неоднократно. Нужно признаться, что для тридцати лет это недурной итог. Правда, я беспокоюсь и задаюсь вопросом: если так будет дальше продолжаться, если мы пойдем по этой дорожке, до какого же это числа мы дойдем? Но я уклоняюсь от темы, я хочу поскорее рассказать о сегодняшней истории, которая, право, заслуживает того, чтобы быть переданной потомству.

В этот день, после полудня, мой хозяин сидел за столом, он писал письма, преимущественно любовные; это уже наша особенность: когда бы у нас ни писали — всегда любовные письма; как вдруг раздался знакомый звон колокольчика.

— Опять! — вскричал мой хозяин. — Это кто ещё намерен мне надоедать!

Так как он был почти совершенно голым — дело было в середине лета, — им внезапно овладела стыдливость, и как бы желая что-то спрятать, это чудище прикрылось хала-

том, подпоясалось витым поясом и медленно направилось к двери.

— Сударь, тут проживает m-me Жозанна Бармен? — спросил женский голос, один из тех голосов, которые так богаты оттенками и силой.

Я думала, что произойдет заминка, но мой хозяин ответил, совершенно не смутясь:

— Да, да, сударыня, тут. Если вы хотите войти, будьте любезны.

Дама вошла.

— M-me Жозанна в соседней комнате. И так как она одна... Потрудитесь, сударыня, последовать за мной.

Прекрасная незнакомка вошла в нашу комнату и, разумеется, немедленно оказалась на мне.

— Но... — попыталась было дама.

— Вы не любите ждать, — вставил мой хозяин. — Я пойду её предупредить.

Он удалился на несколько секунд и вернулся с бутылкой шампанского и двумя бокалами.

— В ожидании её прихода позвольте мне предложить вам немного этого замороженного вина... сегодня так жарко...

Она, растерявшись, уверяла, что ей не жарко, что ей не хочется пить, и в этот момент она весьма походила на обезумевшую.

Я должна вам сказать, что м-ме Жозанна Бармен — кокотка, проживающая над нами, на втором этаже.

— Вы подруга Жозанны? — спросил мой хозяин.

— Да... мы были представлены друг другу в этом году зимою, в Монте-Карло. Я её

очень люблю. Я в отчаянии, что мы так редко видимся...

— Она так занята! — сказал мой хозяин.

— Я пришла для того, чтобы обнять её и расцеловать.

— Вы обворожительны! Жозанна будет, без сомнения, очень рада... За ваше здоровье, сударыня, — сказал мой хозяин, предлагая ей бокал, в котором кокетливо колыхалось вино.

— С удовольствием! — сдавшись, сказала она. — Мне хотелось пить.

— Я догадался, сударыня, — ответил он, осматривая её внимательным взглядом.

— Отчего вы так смотрите на меня? — спросила она.

— Я стараюсь вспомнить... мне кажется, что я вас знаю... У! черт! видел ли я вас?.. Ваши русые волосы... ваши глаза фиолетового цвета... Ваша исключительная талия... Но

больше всего ваши волосы, ваши русые прелестные волосы...

— Вы очень любезны, сударь...

— Нет, я не любезен... Где я вас видел?

И он сделал вид, как будто старался что-то вспомнить.

— Бесспорно, это было в Париже, — сказал он. — Потому что вы парижанка.

— Я не родилась в Париже, но...

— Без сомнения, парижанкой не рождаются, парижанкой становятся. О! я вас хорошо знаю...

Она, польщенная, поспешила сказать:

— А!.. на самом деле...

— Видите ли, сударыня, в Париже все прелестные женщины всегда известны.

— Да, но я не хороша...

— Простите, но вы прекрасны. Есть около ста женщин, с которыми я никогда не говорил, которые меня никогда не видели и которых я очень хорошо знаю. Минуту тому назад вы были в их числе.

Он остановился:

— Но я ещё не дал вам возможности удовлетворить жажду.

Они опорожнили кубки.

— Вы уже давно в Париже?

— С шести лет...

— Следовательно, с детства...

— О! — воскликнула она. — Я настоящая женщина, и я...

— Двадцать три года, я знаю, — прервал мой хозяин.

— Кто вам сказал об этом?

— Это видно. Я точно узнаю возраст всех женщин...

— А каким образом?

— Мне достаточно посмотреть на одну маленькую вещь, и я узнаю...

— О, научите меня! — просительным тоном сказала незнакомка.

— Это фамильная тайна.

— А! — озадаченно протянула она.

— Я узнаю также, когда я хочу, будущее всякой женщины, её судьбу, её счастье и все случайности её жизни. Прошлое в особенности не представляет для меня никакой тайны. Но прошлое не интересно.

— Вы замечательный человек, — сказала она с такой интонацией в голосе, которая обнаруживала сильную страсть.

Она больше не думала о Жозанне Бармен. Заинтригованная, она уже думала искать

повод спросить о своем будущем, когда мой хозяин прервал её размышления.

— Вас очень любят, — сказал он.

— О, люди!

— Это не люди, сударыня, это один человек. Он брюнет. Он также добр. Он не особенно богат, но он вас сделает счастливейшей женщиной; он будет в стороне от вас, в скучные моменты жизни... Это любопытно...

Он замолчал.

— О! говорите ещё, ещё, — воскликнула она.

Он наклонился к молодой даме, взял её голову в свои руки; уставил её глаза против своих глаз. Их уста разделяло очень незначительное пространство.

— Очень скоро вы его узнаете. Он перед вами явится самым необыкновенным образом. Ничто вам не предскажет, что это он.

Он вас застигает врасплох. Он вас возьмет и унесет; его первый жест будет жестом... Поцелуй в рот, как этот...

И он поцеловал в рот прелестную женщину, со сладкой и неопределенной страстью, которая уже довела до обморока такое множество его возлюбленных. Она не чувствовала поцелуя, очарованная, глядя на него глазами, помутневшими от страсти, она подчинялась ему, ничего не понимая, ничего не предвидя.

— И у вас будут величайшие радости любви. Это будет идеальной любовью, которая на всем своем пути будет устлана экстазами вашей расцветающей любви, которая наполнит прелестными мечтами ваши воспоминания. Бойтесь его прогнать: он принесет с собой счастье. И когда он вас приласкает, чтобы увлечь на постель сладострастия, вы позволите уломать себя без лишней мольбы...

И чудовище наклоняется всё ближе и ближе к ней.

— Вы чувствуете, как его руки обхватывают ваш дрожащий бюст. Вы начинаете ощущать его дыхание. Поцелуи жгут ваши глаза, ваши губы... Безумная от желания, вы отдаетесь, не думая о последствиях вашего беспомощного состояния... Вы допускаете опьяняющие ласки... Вы благословляете руку, которая вас не щадит... Вы закрываете ваши удивительные глаза, которые в тот момент принимают оттенок фиалок. И мало-помалу у вас дух захватывает от счастья. В экстазе вы обращаетесь к небу... Вы в восхищении... Видишь ли ты? Вот это и есть рай... Ты ангел, и я твой ангел... Твои уста горят... Твои глаза отуманены... Твое тело дрожит страстью, и сладострастие проникает до мозга костей... Вот наслаждение! Твои глаза глядят, глядят... О, что видишь ты? Что предвидишь ты? Я тебя люблю!.. Я тебя люблю!.. Я тебя люблю!..

Тогда она, ослабев, прошептала задыхающимся голосом:

— О! люби... люби меня... Я тебя люблю!

Ах, нет, знаете, когда человек позволяет себе увлечь женщину подобной музыкой, то это действительно прекрасно!

После победы мой хозяин, обнимая её, просил:

— О! Моя дорогая, моя дорогая! У меня только одно желание: увидеть тебя опять... Но, по крайней мере, не скажешь ли ты мне своего имени?

— Ивонна де Ланцели.

— О! Ивонна, я тебя обожаю!

— Поцелуй меня! — сказала она.

Он не заставил себя просить ещё раз исполнить эту приятную работу.

— Но! — воскликнула Ивонна. — А Жозанна? Что же она делает?

— Жозанна! — протянул мой хозяин.

— Жозанна Бармен, — повторила опять Ивонна.

— А! да... Но, крошка моя, это наверху...

— Наверху?

— Ну да! Это первый этаж. Жозанна живет на втором... Ты ошиблась этажом.

— Ах!

Я никогда не предполагала, чтобы женщина могла настолько оцепенеть.

И действительно, было от чего.

— Нет, — сказала она. — Нет! Это невозможно!

— Я тебе говорю, — подтвердил мой хозяин.

— Ну и дура же я! У меня странная манера подниматься по лестнице! Я бы всё-таки

побилась об заклад, что всё, о чем вы здесь мне говорили, — ложь!

— Нет, не говори таким образом, Ивонна; это есть любовь.

— А Жозанна, которая меня ждет?

— О! дорогая, дорогая, ещё нет и четверти часа, как вы переступили порог этого дома.

Она ушла.

— Прощайте, прощайте!

— Вы вернетесь?

— Завтра!

И дверь захлопнулась за ней.

Тогда мой хозяин взял памятную книжку возлюбленных и записал: «924, Ивонна де Ланцели». Но около цифры поставил крест.

— Эту следует выделить, — сказал он, улыбаясь.

Действительно, это было непреднамеренно; это особенный номер.

XII.

Воскресенья наши можно по справедливости назвать днями отдыха. Я полагаю, что только случайно воскресенье пользуется у нас таким уважением. Но по воскресеньям женщины, должно быть, не так свободны, и этим объясняется наш еженедельный день отдыха. Таким образом, как у сапожников понедельник, так у нас — воскресенье.

Однако сегодня моим хозяином было допущено исключение из этого правила, которое мало-помалу превратилось в одну из дорогих нам привычек.

Если посмотреть на эту историю со стороны, то она довольно невинна, но, тем не менее, она очень характерна.

Наша героиня была совсем молоденькая. Я даже не знаю, было ли ей шестнадцать лет. Теперь есть барышни, долго сохраняющие мальчишеский вид, несмотря на свои настоящие года...

Если вам уже очень хочется, мы ей прибавим ещё шесть месяцев и не будем больше говорить об этом.

Она была хороша, как херувим! Брюнетка, розовенькая, как те головки на конфетных коробках, слабенькая, нежная, с маленькими грудями, сама величиной с куклу, очень мило одетая; она походила на тех девочек, которых мужья хотели иметь скорее своими сестрами для того, чтобы их нежно любить, чтобы их баловать, смеяться с ними и рассказывать страшные истории жизни, которые служат наставлением и

одновременно предостерегают против некоторых важных поступков.

Как она к нам попала? Мой хозяин настаивал на том, чтобы она объяснила это, но она ничего не хотела знать.

— Я поклялась, что я ей не скажу! — возразила она.

— Пусть так, — сказал мой хозяин. — По крайней мере, что ты хочешь от меня?

Как вызубренный урок, она промолвила:

— Вот! Я хочу быть кокоткой!

— Ты?

— Я! Я слышала, как одна женщина, очень интересующая меня, говорила, что вы единственный человек в Париже, способный вывести меня на истинный путь. Я пришла для того, чтобы отдаться под ваше покровительство.

— Но... — прервал мой хозяин.

— Дайте мне говорить, — сказала она. — Я вас познакомлю со всеми обстоятельствами, о которых мне хочется, чтобы вы знали. Я девушка, я получила первоначальное образование, достаточное для той роли, которую я хочу играть; я благовоспитанна; я пою как соловей, но если какой-нибудь друг потрудится дать мне несколько уроков, то в один прекрасный день я смогу пропеть оперетту не хуже, чем Мариетта Силлу; я не глупа, хотя игнорирую дух моды; и у меня есть воспоминания.

Мои родители передали мне чувства, которые я, однако, по моему положению удовлетворить не могла; должна же я в таком случае сама отведать сладостей; я часто слышала, что бывают люди со вкусом, которые согласятся дать мне много золота в обмен на те ласки, которыми я сумею их наградить в определенные часы; я не труслива, хотя не обладаю легендарной храбростью пажей, но если это необходимо, я вооружусь храбростью, и не будет ни

одной женщины в мире, которая обладала бы большей горячностью, чем я.

Так я решила сделать себя кокеткой. Это ремесло меня прельщает: здесь вовсе уже не так много зла; говорят даже, что в этом базаре счастья составляет особенное удовольствие быть одетой в кружева, украшать себя драгоценностями, благоухать одуряющими духами; я не люблю ходить; у меня будет коляска с лошадьми, они меня будут мчать по Елисейским полям, как м-м Лиану де Пужи. Не думайте, что это имя случайно сорвалось у меня с языка. Это было бы грубой оплошностью. Действительно, я бы вас попросила, чтобы вы меня представили прелестной Лиане, потому что она, если пожелает, подаст мне женские советы, которые, несмотря на всю вашу опытность, вы вряд ли способны мне предложить. И к тому же я питаю к этой Лиане какую-то безотчетную симпатию. Я её ревную и я её люблю; я её жалею и ей восхищаюсь. Она так обворожительна! Но мы это

увидим немного позднее; я вам об этом скажу, когда буду готова; когда я буду достойна быть представленной этому олицетворению грации, гармонии, обольстительности и великолепия.

— Ты говоришь, как по-писаному! — воскликнул мой хозяин.

— Это не трудно, — ответила девушка, — потому что я знаю, что я хочу сказать.

— Знаешь ли ты, по крайней мере, что ты очаровательна?

— Мне об этом говорили несколько раз, но я это повторяю и сама десять раз в час, чтобы мне наконец самой убедиться, что я оригинальна; я уже этому верю и потому считаю себя вполне готовой вступить в ту жизнь, о которой столько вам рассказала. Вы знаете теперь, что я хочу; скажите мне, могу ли я рассчитывать на вас?

— Но, милый чертик, тебе не нужно мое содействие для следования по тому пути,

на который толкнуло тебя твое честолюбие. Действуй самостоятельно. Ответственность за твои поступки падает на тебя.

Впрочем, я должен тебе признаться: я не люблю вторгаться в жизнь таких молоденьких девиц, как ты. Ты нежный, распускающийся цветочек. И я бы совершил ужасное святотатство, если бы одним гадким поцелуем загрязнил твою прелестную юность.

— О! вы это говорите, но совершенно не так думаете. Я пришла к вам за советами, как к искреннему другу, а вы ведете себя так, как будто перед вами маленькая девочка, которая вас ужасно интересуется. Кстати, знайте, я обладаю хорошим чутьем; я сумею отличить хорошие советы от дурных...

— А если я тебе не дам никаких? — спросил мой хозяин.

— Тогда это не опасно! — воскликнула девчурка. — Меня уверили, что вы способны вести себя так, как какое-нибудь

рыло ведет себя с женщиной, которая так же прямо как и я придет к нему с полным доверием. Существует такое о вас мнение; оно ваша порука. Вы не можете не быть тем, что вы есть.

— Но дитя, кто тебя послал?

— Я поклялась, что не открою, бесполезно настаивать. И если бы я считала, то можно было бы, вероятно, насчитать пятнадцать вопросов такого же рода. И вот сколько времени вами потеряно!

Я с удивлением слушала эту воодушевленную девчонку. Её речи меня поражали. Но забавляясь её словами, я невольно думала вот о чем.

Хотя ты и очень горячая, но уверена ли ты, моя крошка, что ты способна возбудить страсть? Мой хозяин это знает; обычно он воспламеняется лучше спички; и если судить по тому, что я читаю в его глазах, по крайней мере, по временам, он пылает не от всего. Он холоден, как глыба льда. Это

плохое предзнаменование для твоей будущей оболстительности. А ну как это не пройдет? Ты хороша, но в тебе нет ещё сопротивления! Ты хороша, но в тебе нет ещё благоухания женщины, того одуряющего благоухания, которое вызывает безумие в мозгу. Я здесь видела таких, которые недостойны тебя и которые не владеют даром предлагать себя с такой пылкостью; а между тем мой хозяин их обнимал, целовал, даже когда они были в его обществе всего несколько минут. А ты вот уже три четверти часа как болтаешь здесь...

Внезапно я насторожила слух. Девушка начала говорить ужасные вещи.

— Может быть, вы желаете меня видеть нагой? Действительно, вы должны посмотреть на мое тело, потому что это будет играть важную роль в моей будущей жизни; нужно использовать все средства, чтобы достигнуть этого...

Она уже сняла свою шляпу, в три приема расстегнула застёжки своего корсажа. Через три минуты рубашка оказалась в одной куче со всей одеждой.

Она была прямо душка. В ней сочеталось белое с розовым. Она была нежна и свежа! Вся молодость прелестной крошки вырисовывалась в немного детских и слегка покрасневших округлениях. Она походила на статую de Source или de Ruisseue, по которой прогулялась кисточка с краской.

Мой хозяин, улыбаясь и щуря глаза, рассматривал замечательные формы тела, которые тут перед ним вырисовывались. Казалось, он забавлялся исследованием грациозных очертаний, в которых скрывалось так много дивного кокетства.

Но внезапно он нахмурился; его рот искривился желчной улыбкой; он отвернул голову, тихо проговорил:

— Оденьтесь, пожалуйста, вы простудитесь.

И я увидела, как две слезы скатились из глаз на его щеки. О! я превосходно поняла всё, что творилось в мыслях моего хозяина! И так, прежде чем он сказал, мне уже было всё понятно!

Когда маленькая девочка была одета, он приблизился к ней, взял две её тоненькие ручки в свои сильные руки и сказал ей:

— Нет, милое дитя, совета, о котором вы просите, я вам не дам. Вы возбудили во мне большое сожаление. Я боюсь за вас. Жизнь не всегда оказывается приятной для тех женщин, которые мечтают быть всегда любимыми; и я полагаю, что вы не всегда будете говорить с той уверенностью, с которой говорили, благодаря вашей неопытности, в течение всего часа.

Женщина, которая вас послала ко мне, ошиблась. Я не настолько зол, как она думала, потому что я не могу без боли думать, что ваше тело, такое слабое, молодое и такое чистое, будет завтра унижено

грязными ласками и поцелуями, объятиями, непохожими на ваши красивые мечты, прикосновением мерзких людей, которые наслаются вашей красотой, не любя вас, и которых вы не будете любить. Я нравлюсь вам, я, чудовище разврата. Но я не хочу, чтобы в один прекрасный день вы меня смещали с толпой любовников, которые вас будут осаждать. Я бы хотел, чтобы вы не питали ко мне благодарности, лучше если я буду гарантирован от вашей завтрашней ненависти.

И, увлекая к двери, он выпроводил её из своей берлоги;

— Позже, как вы постареете, когда ваши глаза уже будут отуманены от пролитых слез, когда всякого рода разочарования достаточно оскорбят ваши самые чистые чувства и драгоценные мечты, вы вспомните, что я существую, вы взберетесь по лестнице, которая ведет к моему гнезду, и тогда я вас, если можно будет, утешу. Уходите, уходите, не говорите мне вашего

имени... Вы, возможно, не знаете, что ваш первый возлюбленный сделает с вами... Прощайте! Прощайте! Не возвращайтесь сюда, до тех пор, пока ваш приход не будет означать: срам, жестокую боль, отвращение, страдание, ложь. Но я вам заявляю, если все эти гадости и теперь гнездятся в вашей душе, тогда вернитесь: я вам скажу, как утешиться и как от них избавиться.

Когда мой хозяин снова вошел в комнату, она пролепетала от двери, обращаясь к нему:

— Ах, синьор, я думала совершить хорошее дело... Вспомните ли вы когда-нибудь тот день, когда вы взвешивали всю тяжесть моих будущих грехов?

И я вдруг почувствовала себя сильно взволнованной.

Есть мужья, доверие которых к своим женам прямо достойно удивления и заслуживает большей благодарности, чем та, которую они обычно получают.

В доказательство я хочу привести следующую историю.

Сегодня после полудня, около шести часов, мой хозяин возвратился домой в сопровождении молодой женщины, к которой он, по видимому, относился с большим уважением. С первых же слов я догадалась, что он её встретил на Орлеанском вокзале. Эта молодая женщина приходилась кузиной моему хозяину, даже довольно дальней кузиной, что ему, однако, не помешало заметить, что она очень красива. Довольно хорошо сложенная, одетая с той элегантно-стью, которая составляет особую гордость в провинции, Люсьенна сохранила простодушие, которое было бы уместно где-

нибудь в Туре или Блуа, но в Париже придавало лицу её довольно смешное выражение и сделало её похожей на «маленькую гусыню». Она говорила немного в нос; а её нитяные перчатки меня шокировали; её руки в них чувствовали себя так же свободно, как ноги моего хозяина в носках. Бюст у неё не пышный, но по-моему он всё-таки великоват. Мне всегда нравились, в особенности после приключений с той полногрудой женщиной, о которой я уже рассказывала, маленькие, нежные груди. Я сильно подозреваю, что мой хозяин разделяет вместе со мной эти вкусы. Тем не менее я думаю, что, когда Люсьенна скинет с себя свое прелестное праздничное платье, она будет очень аппетитна: грациозное тело, белая кожа — истинная маленькая перепелочка.

В то время, как я её рассматривала, а мой хозяин очень радушно показывал ей помещение, она с некоторым беспокойством оглядывалась на окружающие её предметы,

как будто её устрасил этот хороший прием. Большая кровать бросилась ей в глаза; в одинаковой степени заинтересовала её я; тихо прошлась она перед различными картинами, изображающими нагих женщин и более или менее запутанные сцены; она глубокими глотками, подобно тому, как пьют предательский ликер, вдыхала этот воздух, насыщенный духами и странным благоуханием, который не был похож на атмосферу её новой комнаты для молодой новобрачной.

Ясно, что молодая женщина должна была про себя подумать, что её супруг был не особенно благоразумен, доверив её на срок восемь часов парижскому кузену.

— Если вы хотите, маленькая кухня, поправить свой туалет перед обедом, то в этом кувшине горячая вода, а там холодная; вот мыло; здесь гребешки, в стороне щетки, если вам понадобится другая какая-нибудь вещь, то вы только вскиньте глазами вокруг, — все предметы будут к услугам

вашего кокетства. Запритесь в этой уборной, и я буду терпеливо ждать, пока вы приведете себя в порядок после вашего путешествия.

И наша кухня заперлась в уборной.

Когда мой хозяин остался один в комнате, он стал составлять план наступления. Решительно, это животное не знало ни к чему уважения: есть люди, совсем не имеющие родственных чувств. Сначала он унес высокомерный пуф, который празднично стоял с левой стороны кровати, затем столик с несколькими отделениями, на котором лежали книги и различные необходимые вещи, которые можно было доставать рукой, лежа в постели. Пуф и столик освободили большое пространство между кроватью и зеркальным шкафом, и я тут же догадалась, что это я должна буду его заменять.

Действительно, это было скоро исполнено. Мой хозяин, приподняв меня за передние ножки, покатил меня на моих двух колес-

ках, и я очутилась против кровати. Столик и пуф заняли в свою очередь мое место, и для посторонних глаз в нашем помещении не была нарушена гармония, если только она когда-нибудь и была у нас.

Через несколько минут кухня Люсьенна вышла из уборной; мой хозяин её ждал. Как двое влюбленных, они пошли обедать вне дома. Кроме того, нужно было дать представление кухне из Турэна о Париже во время национального праздника, потому что было уже 13 июля, а прекрасная Люсьенна приехала в Париж, чтобы посмотреть, как празднуют здесь «14 июля».

Не лишним здесь будет заметить следующее.

Люсьенна три месяца замужем за кузеном моего хозяина; мой хозяин в этом городе пользуется некоторой славой, так как там не знают об его скандальном поведении. Что же сказал сам себе его кузен, когда его молодая жена выразила желание по-

смотреть праздник? Я не могу через три месяца после свадьбы отказать своей жене в удовольствии, она хочет видеть, пусть едет. Но я не хочу туда ехать; впрочем, это и невозможно — двоим вместе оставить дом; у нас собаки, кошки, курятник, сад надо поливать, ведь и 14 июля цветы и салат будут нуждаться в поливке! Но моя жена совсем не знает Парижа! Я ни за что не могу допустить, чтобы она одна ходила по Парижу!

Вдруг он вспомнил, что имеет родственника в Париже. Он подумал о своем кузене, который с удовольствием покажет ему его дорогой половине. И потом, кто лучше его сможет её приятно развлечь? Он очень великодушен, его кузен. Он не только должен иметь входные билеты на хоры, но он также наймет для Люсьенны, чтобы ехать в Булонский лес, удобную коляску, один из тех фиакров, которые стоят недорого в обыкновенное время, но за которые

В эти дни нужно заплатить бешеные деньги.

Обладая, как все провинциалы, практическим умом, дорогой кузен, сощурился глазами, в один миг сообразил, что поездка его жены на два дня в Париж ему не будет очень дорого стоить, если такой славный родственник, как мой хозяин, поместит её у себя. Я не знаю, приходила ли ему в голову мысль, что не особенно благоразумно отпустить двадцатилетнюю женщину к господину тридцати лет, хотя бы и кузену; но, по всей вероятности, он обращал больше всего внимание на те материальные выгоды, которые ему предоставляла подобная комбинация.

Не знаю, может быть, это только мои предположения, и к тому же злорадные предположения?

Во время отсутствия моего хозяина и его кузины я старалась привыкнуть к своему новому месту. Находясь у раскрытого на-

стежь окна, я развлекалась созерцанием жизни на дворе большого парижского дома. Дни очень длинные в середине июля; лампы зажигают только около девяти часов.

Стояла страшная жара. В воздухе носилась пыль и чувствовалась гроза. Было очень трудно дышать.

Сначала я осмотрела все окна, находящиеся передо мной. Взгляда кушетки никто не боится; от неё никто не прячется, совсем напротив. Я не помню ни одного случая, при каких бы обстоятельствах это ни происходило, чтобы я могла вызвать чувство стыда у какой-нибудь дамы или господина.

Я, таким образом, увидела нашего соседа-профессора очень легко одетым, короткий халат его спускался только до колен. Колени профессора были так же голы, как и его голова; но я, улыбаясь, заметила у него над туфлями у лодыжек несколько маленьких пучков волос, подобно тому, как у

кур растут перья на лапках. Он важно курил свою трубку, и его глаза под очками как будто рассматривали колечки из дыма... Но я тут же убедилась, что он смотрел на гризетку из третьего этажа. Можно быть профессором университета и в то же время обладать довольно чувствительным сердцем. Мне кажется, что во всем доме только они двое оставались дома. Зачем же им было стесняться?

Через четверть часа, когда трубка была выкурена, что сделал профессор? Он закрыл окно почти в тот же самый момент, когда в его дверь постучали.

Это, вероятно, была маленькая гризетка.

Не правда ли, никто не станет меня уверять, что когда принимают 13 июля в восемь часов вечера в халате маленькую гризетку, которая должна очень много думать о завтрашнем дне, то совсем не для того, чтобы дать урок ей греческого или латинского языка. К чему бесполезные слова?

Немного позже я уже точно знала в чем дело, потому что когда была зажжена лампа, я ясно видела через тюлевые занавеси силуэты двух субъектов, одетых более или менее одинаково; но я должна сознаться, что сорочка барышни была длиннее халата господина. Несмотря на весь интерес этого открытия, мое внимание отвлеклось от нескромного окна, и я вмешалась в разговор, который начала между собой окружающая меня мебель. Кровать, эта надутая особа, с президентской важностью говорила, обращаясь к маленькому стулу, креслу, зеркальному шкафу и пуфу из позолоченного дерева, который там, на моем старом месте, уже не блестел из-за наступивших сумерек:

— Наш хозяин, по-видимому, исключительная натура, но едва ли он заслуживает похвалы с нравственной стороны. Действительно, мы все знаем его подругу, которую мы обожаем: он же её обманывает без всякого стеснения. Что касается меня, я стою

за верность в любви и, признаться, я очень часто краснею от стыда и негодования, когда на тех простынях, где в продолжение нескольких упоительных часов покоилось её благоухающее *vernein'*ом тело, я вижу тела куртизанок с их раздражающими духами и накрашенными волосами, развратных женщин, неловких мещанок, даже молодых девушек, которые, бедные, никогда и не знали, до какого грустного идеала их довели.

При последних словах просторной кровати маленький стул не выдержал и вскричал:

— Ты старая дура! Он поступает правильно, наш хозяин: он берет жизнь так, как она есть! И, по моему мнению, он был бы набитым дураком, если бы, когда к нему приходит хорошенькая блондиночка, он ей не показал бы рая, который она так жаждет увидеть. Конечно, ты, кровать, символ порядочной, серьезной любви, протестующей против распущенности, но я, я — символ любви легкой, вздора, ласк, которые

проникают через кружева и шумящий шёлк. Я вовсе не требую, чтобы снимали перчатки и шляпу; я не порчу прически. О! поцелуи через вуаль! я их испытал и надеюсь ещё испытать! Потом ясно, что можно обманывать женщину (я говорю это вполне серьезно), которую любят больше всего на свете, наравне с теми, которых совсем не любят. Я даже больше скажу: гораздо лучше, что он обманывает свою хозяйку при подобных условиях, чем если бы он обманул её с женщиной, которую он бы страстно желал, которую он бы любил всем сердцем, о которой он не переставал бы мечтать, и которой никак не мог овладеть. Тогда уже обманывает не тело, а сердце, ум; всё это меня побуждает сказать, что наш хозяин в действительности не обманывает свою прелестную подругу с карими глазами, несмотря на все свои похождения с утра до вечера.

При этих словах я не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть:

— Ты прав, мой дорогой, ты прав!

И я обратилась к кровати.

— Ты ворчишь, потому что ты ревнива. Впрочем, обман, при котором обманутый ничего не подозревает, не есть обман. Женщины, сознающие, что они обмануты, страдают от этого. А кому делает зло наш хозяин? Если ты хочешь знать, совсем напротив; он сеет только добро вокруг себя. Все те, которые только раз побывают здесь, думают только о том, чтобы ещё раз оказаться с ним. Здесь, моя дорогая кровать, если и плачут, то только от радости. Я вижу только счастье в этом доме, и всеми своими хорошими минутами мы обязаны нашему удивительному хозяину, который с артистическим умением побеждает как самых распутных, так и самых умных женщин. Сегодня ночью ты, вероятно, не будешь скучать; и если ты прямодушна, ты нам завтра расскажешь о своих впечатлениях, и мы увидим, будет ли протестовать

твоя дурацкая честность против тех удовольствий, которые тебе выпадут на долю.

Кровать начала притворно брюзжать, не говоря ни да, ни нет, но мы: маленький стул, шкаф, пуф, кресло и я — хором закричали: «Ура!», прославляя нашего хозяина, его бывших и будущих любовниц.

Уже после полуночи вернулись наш хозяин и его кузина.

Оба они имели очень усталый вид. Их платья были покрыты пылью. Мой хозяин должен был быть особенно недоволен, потому что он терпеть не мог суматохи и ненавидел всю эту толчею на бульварах, где теперь народ имел повод считать себя королем Парижа.

Танцевали ли они на каком-нибудь балу? Видели блестящие смешные кордионы, окружающие национальные памятники? Во всяком случае, они очень много ходили, и маленькая кузина теперь с полным основанием может хвастаться: это она заставила

моего хозяина посмотреть на обыкновенную иллюминацию, которой празднуют каждую годовщину взятия Бастилии.

— Я полагаю, Люсьенна, что вы не прочь немного почиститься. Я не знаю, насколько вас покрыла пыль, я же чувствую зуд в коленях даже через кальсоны. Парижская пыль — это необыкновенная вещь, кузина; в ней заключается множество маленьких убийственных организмов, которые служат причиной всех болезней, всех недугов...

— Микробы! — сказала она.

— Да, это они. Вы ведь не захотите лечь спать с микробами?

Она не отвечала.

— Через пять минут для вас будет готова ванна. Она уже греется. Вы полежите в теплой воде и после этого так хорошо уснете!.. Когда вы выкупаетесь, я последую вашему примеру. Я обожаю ванну утром или вечером, перед тем, как лечь в по-

стель. Мне кажется, что в ней оставляешь всю скуку и усталость. Ванна очищает тело и душу.

— О! — воскликнула она. — Я не придерживаюсь... безусловно...

— Какая вы смешная, кузина!

Мой хозяин тотчас же удалился, и я услышала, как из крана стала с силой выливаться вода в ванну. Вероятно, в продолжении обеда и прогулки мой хозяин уже достаточно познакомился со своей спутницей, чтобы действовать против неё с таким благородием и уважением. Он не привык к таким предосторожностям: я уже убедилась в его вкусах. Ах! вряд ли с ним это могло долго продолжаться!

Молодая женщина стояла, не шевелясь, в комнате, не решаясь раздеться. Я думаю, что в её душе зародились подозрения; она была не настолько глупа, чтобы не почувствовать беспокойства.

— Дорогая кузина, — сказал мой хозяин, показываясь с купальным халатом и полотенцами на руках, — всё готово. Вот белье. В то время, как вы будете брать ванну, я приготовлю себе кушетку для сна.

Она пошла в уборную, где стала с такими предосторожностями раздеваться, что я уже больше ничего не слыхала.

В это время мой хозяин накрыл меня простыней и облачился в нижнее широкое платье, как целомудренная, изнеженная женщина. Потом он закурил сигару и пошел в гостиную пробежать глазами вечернюю газету в ожидании провинциальной наяды. Через несколько минут она вышла в пеньюаре. Её волосы, подобранные кверху, придавали её лицу больше нежности; её щеки разрумянились и нужно ли продолжать? её пеньюар был ей гораздо более к лицу, чем её прелестное платье. Её бюст, не стянутый узким и вредным корсетом, изящно обрисовывался через легкую ткань; вообще вся фигура в этом широком,

ниспадающем складками одеянии была очень мила и свежа. Вдруг я услышала, как хозяин крикнул ей из гостиной, где он в это время находился:

— Теперь, кузина, вам осталось только лечь спать; закройте ваши прекрасные глазки, отдайтесь мечтам и, как прекрасное дитя, бай-бай до утра. Покойной ночи, кузина!

— Покойной ночи, кузен, — ответила она.

Немного времени спустя мой хозяин принял ванну, которую он приготовил для себя; прошло ещё несколько минут, и он, одетый в длинный халат, также вошел в спальню. Единственная лампа, стоявшая на комодке в стиле Людовика XV, бросала вокруг себя яркий свет. Она горела как-то таинственно, как будто она уже готовилась к роли соучастницы нашего веселья.

Могу с уверенностью сказать, что молодая дама не спала. Посередине кровати, под легким одеялом, колыхалось её округлое

тело. Её голова, покоившаяся на подушке, олицетворяла одновременно и ненависть и страсть.

Ах! эти женщины, которые смотрят сквозь опущенные ресницы и задаются вопросом: что произойдет?

Мой хозяин был удивительно прост. С геройским бесстрашием он скинул свое платье, в котором был так похож на Божьего ангела. Медленно натянул ночную рубашу, не бросив ни одного любопытного взгляда в сторону кухни, которая исподтишка бросала на него взгляды, желая разглядеть поразительную растительность, которой был так богат её сосед по комнате, затем он лег на меня, вытянулся, и разом натянув одеяло на нас обоих, он, казалось, хотел уснуть.

В этот момент я подумала с беспокойством, действительно ли ночь пройдет без приключений. В то же время я успокаивала себя, полагая, что если бы у моего хозяина

не было никаких задних мыслей, то он не переносил бы стола и пуфа для того, чтобы поместить меня на их место, в то время как он мог, и это было бы гораздо корректнее, лечь на диван в зале; он мог бы также очень легко достать один матрас из кровати, так как их было два, и приготовить себе ложе в соседней столовой. Не понятно, с какой стати он хотел быть так близко от кровати кухни?

Может быть, хорошо, что наша кухня не видела так далеко и что она уже спала, когда меня мучили эти мысли.

Вдруг мой хозяин, который доселе был совершенно неподвижен, чуть-чуть зашевелился, вынул руку из-под одеяла и открыл глаза; случайно он услышал монотонный вздох кухни, которая крепко спала, как сурок. Он медленно поднялся, как бы желая осмотреть лицо спящей.

Вытянувшись на спине, полуоткрыв рот, разметав волосы по подушке, она безмя-

тежно спала. Свет ночника скользил белыми и темными пятнами по её лбу и глазам; можно было подумать, право слово, что она воображала себя в спальне у своей матери.

Но у матерей, ночью, молодые женщины, которые спят одни, не получают поцелуев, подобных тем, который внезапно запечатлелся на её устах. Потом мой хозяин осторожно прикоснулся губами к глазам, лбу и волосам маленькой Люсьенны, которая не реагировала на легкое, нежное прикосновение, застигнутая, может быть, в середине сновидения, полагая, что ласкает её муж.

В жаркую летнюю ночь молодые женщины обыкновенно не натягивают одеяло до самого подбородка. Таким образом обнаружилась до самой спустившейся низко сорочки грудь Люсьенны. Её тело распространяло вокруг себя благоухание молодости; в нежном сумраке она была восхитительна. Мой хозяин затрепетал; это был не

только каприз порочного человека, пораженного красотой; это была страсть влюбленного сатира к спящей нимфе. Он впитывал в себя вздохи Люсьенны, как впитывают аромат пьянящей травы. Он упивался зрелищем этого цветущего существа, которое случайно попало к нему. В нём говорила только чувственность; он не произносил обольстительных речей, ласкающих слов, которых он так много знал и которые так чаровали женщин.

Мой хозяин наклонился над ней; его руки, до сих пор робкие, решились на первые ласки.

Действительно ли кузина Люсьенна всё время спала? Не предвидела ли она раньше и не получала ли авансом обещания наслаждения?

Я могу повторить только те слова, которые слышала, и записать только ясно выраженные впечатления. Но, увы! для меня не-

возможно описать тайные впечатления женщины, которая, кажется, спала.

В то время, как я старалась разобраться в душевном состоянии Люсьенны, мой хозяин этим мало интересовался. Он уже был на пороге небесного рая, в котором заключались наиболее сильные страсти и чувственные радости.

Вдруг Люсьенна вскрикнула. Я поняла, что у неё не было другого средства; есть жесты и ласки, до того способные вывести вас из ваших мечтаний, что внезапно становится стыдно, что вы так долго находились в мире грез. Мой хозяин закрыл ей рот поцелуем, а потом стал доказывать, что уже поздно возвращаться назад.

— Что вы делаете, кузен? — восклицала она. — Но что же вы делаете?

— Я тебя люблю, Люсьенна, — отвечал мой хозяин, — я тебя люблю, и ты это видишь...

— Это очень плохо, кузен, это очень плохо!

— Это очень хорошо, это очень хорошо, моя Люсьенна, — сказал мой хозяин, покрывая её поцелуями.

Прелестная крошка, кашлянув несколько раз, что должно было выразить её удивление и страдание, постаралась оттолкнуть своими пухленькими руками моего хозяина, но не прилагая особых усилий; в дальнейшем она прибегла к клятве, что передаст мужу, что стала жертвой насилия, против которого она резко протестовала.

Я уверена, что для моего хозяина такого рода оборона ничего не значила. Он стремился к другому. Люсьенна наверняка его одурманила; он хотел веселиться во всю ширь. Все его мысли были о радости, которая слишком скоро его охватила. Страсти клочкотали, одна перегоняя другую. Напрасно он старался их прогнать, или, по крайней мере, отсрочить их приход; напрасно он старался утишить расходившиеся чувства, которые вызывали озноб в его теле. Страсти, бушевавшие в нём, каза-

лось, придавили очаровательную Люсьенну. Сильный возглас вырвался из её воспламененных уст; слышались вздохи, полные счастья, к которым примешались смутные слова, выражающие благодарность, признательность и любовь. После сладострастной бури наступила снова тишина; я ясно услышал голос Люсьенны, тихо шептавшей:

— Ах, кузен, вы очень злы!.. Я была недовольна... Вы очень злы...

При этом милом упреке он ещё ближе наклонился к молодой женщине и ответил ей:

— Моя дорогая Люсьенна, я тебе обещаю, что ты мне простишь; в другой раз ты будешь довольна, очень довольна...

Бесполезно предоставлять здесь в подробностях четыре или пять актов этой любовной комедии. Не достаточно ли будет сказать, что потом Люсьенна вместе с жаркими поцелуями выразила моему хозяину всю радость, которую испытала благодаря сво-

ему милому кузену. Через занавеси уже давно белел рассвет. Обнявшись, ещё дрожа от страсти, любовники погрузились в глубокий сон, может быть, с единственной заботой о завтрашних радостях.

Пробуждение готовило им большой сюрприз. Когда они посмотрели на часы, они с изумлением увидели, что было уже около полудня.

— А смотр! — воскликнула Люсьенна.

— Смотр? — спросил мой хозяин. — Какой смотр?

— Смотр 14 июля!

В самом деле, должен был произойти славный, священный смотр.

— Ну, мы пойдем, — сказал он. — Мы пойдем...

— Прибудем ли мы вовремя? — спросила она с беспокойством.

— То есть как это? Нас подождут! Если нас не будет, то не будет смотра! К тому же у нас достаточно времени, и нечего торопиться!

Они совершенно не спешили. Что касается другого, то там дело шло ускоренным темпом. Он заключил её в свои объятия, приласкал её, прижал к сердцу, и его сладкие поцелуи глубоко запечатлелись на устах прекрасной кузины. Он её опьянил лаской и словами любви. Он одурманил её мозг, он овладел её натурой, рассказывая ей разного рода возбуждающие, придуманные им сказки. Слова любви её щекотали, как настоящее прикосновение.

На краю наслаждений, в полубормочном состоянии, она несопротивляющаяся, покорная рабыня, тянулась к моему хозяину, который звал её к себе. Он говорил:

— Это победное солнце... деревья побледнели от пыли... птицы больше не поют... Весна блестит миллионами разнообразий,

которые опошляются, стираются вечными прикосновениями. Посмотри вдаль — там полки кавалерии... Слышишь ли ты ржание лошадей? Удары саблей о шпоры? И там, наверху, видишь ли ты колеса ужасающей величины, которые быстро поворачиваются под страшную тяжесть стальных пушек! Но посмотри с другой стороны, смотри, коляска, которая появилась... Она окружена блестящей кавалерией, у которой железные нагрудники сверкают над лошадьми с раздувающимися ноздрями. Это глава государства и его блестящая почетная стража... Гремят пушки! Слушай, слушай... Музыка играет гимн славы. Солдаты в красных и синих мундирах двинулись шумящими волнами... Они проходят с радостными криками под палящими лучами солнца... И всё смешивается в облаках пыли. Смотри ещё... Они все ещё идут... Теперь лошади... ещё пушки... Но дрожи, дрожи вся... Смотри... Я тебя прошу!.. Всё трепещет! Ты слышишь? Ты слышишь? О! я умираю!.. Мое наслаждение божественно!.. Всё бро-

сается... Всё прыгает!.. Это радость... Это энтузиазм... Это безумие... Я дрожу... А ты? Смотри... Я тебя умоляю!.. Но приди же!.. Поспеши!.. Смотри, смотри!.. Наконец! Ты пришла? Это кавалерийская атака!..

О! Это была кавалерийская атака!

Потом, после безумств, они долго спали, обняв друг друга. Веселье их утомило. Они отдыхали в тиши, и только биение их сердец свидетельствовало, что они живы.

Наконец, к вечеру, до наступления сумерек, они проснулись. Люсьенна должна была уехать к себе в провинцию с завтрашним поездом. Она тотчас же подумала о своем отъезде и с горечью в голосе проворкотала:

— Как близок завтрашний день! Я тебя люблю!

— Я тебя тоже люблю, — сказал мой хозяин. — И я чувствую, что очень часто буду

вспоминать о тебе. А потом я пойду на тебя посмотреть.

— Ах! Да, — сказала она. — Но у нас больше не будет... смотря!

— Милая!

— Потому что ты знаешь, — возразила она, — я его видела! Я присутствовала при прохождении войск; как туча прошли эскадроны и батареи артиллерии прокатились со страшным грохотом! Я всё видела, всё!.. О! Я этим ещё до сих пор взволнована...

Они приготовились для выхода к обеду. Домой вернулись ночью, не поздно. Вместе с тем мне показалось, что маленькой кухне посчастливилось побывать ещё на одном смотре, может быть, даже на двух... Но я в этом не уверена. Если они ночью мало спали, то я с своей стороны спала, как сурок. Я была так утомлена! Волнения днем и ночью лишили меня рук и ног.

Кузина назавтра уехала. Что касается меня, то я никогда её не забуду. А сохранит ли о ней воспоминания мой хозяин?

XIV.

Сундуки были отправлены. О! нас не берут в путешествие, мы — совсем другое! К нам обращаются, когда возвращаются; к нам обращаются, когда нуждаются; нас покидают без всякой жалости...

В квартире всё как бы умерло. Окна закрыты, занавеси спущены.

Мы в ужасно неприятном положении. Оттуда, со двора, до нашего слуха не доносится ни звука. Весь дом превратился в необитаемую пустыню. Одни, опечаленные и подавленные, мы покрываемся пылью, которая Бог знает откуда берется и нам мало-

помалу начинает казаться, что мы не более чем жалкие предметы, которые облачились в траурные платья. Обнаженная постель издавала какой-то слабый запах духов, которыми были надушены тела последних женщин, любивших на ней; кресло под чехлом из красной материи, спало, как старый простофиля; маленький стульчик благочестиво, может быть, вспоминает о тех духовных песнях, к которым примешивался развратный тон; пуф — это сооружение для предварительных ласк, выпятился, как задний фронт солидной дамы, а я, далеко от моего обычного места, вспоминала мои приключения и старалась определить, какое оказалось бы наиболее забавным из них, если бы вдруг открылся такой удивительный конкурс; но каждое воспоминание имело свою смешную сторону, и я затруднилась сделать выбор. Я любила их всех!

Хозяйка пришла сегодня. Её сопровождала дочь, взрослая особа лет двадцати. Последняя, осматривая гравюры, развешан-

ные по стенам, перелистывая книги, валившиеся тут и там, уселась за маленьким столиком, за которым было написано столько лживых объяснений в любви; она открыла ящик и рылась в нём с большим любопытством, читая забытые письма и заодно — кто знает — важные тайны.

В то время как она удовлетворяла свое гадкое чувство любопытства, её мать как будто приводила комнату в порядок, однако, почему-то не тронула тех мест, куда нанесло много пыли.

...Вот уже восемь дней как наш хозяин покинул квартиру. Здесь несносная жара. Ничего нового. Всё спит. Я тоже сплю. По временам я смотрю в окно (занавеси уже подняты) — не видно ли чего-нибудь интересного у наших соседей. У соседей всё однообразно, кроме маленького «журавля» с третьего этажа, которая, чтобы убить время, играет на рояле по десяти часов в день противные упражнения, которые меня прямо-таки бесят. Она аккуратно, каждые

два дня принимает у себя любовника, но я с трудом вижу этого господина; у него, видно, есть особые причины на то, чтобы так скрываться: это может быть женатый человек... может, это тип, преследуемый полицией. В этом сезоне так много воров!

...Привратник, у которого имеется ключ от нашей квартиры, вошел сегодня после полудня, чтобы пропустить стаканчик из старой бутылки, которую хозяин хранит с большим благоговением, достаивая влагой из неё лишь тех, которые того достойны. Привратник опрокинул стаканчик так, как будто он тянул простую водку. В этихто нет ничего артистического. Они даже не понимают всего того неприличия, которое совершают.

Выходя, он столкнулся на площадке с маленькой замухрышкой, которая исполняла всякого рода обязанности у одной особого рода косоглазой женщины. Он её приветствовал. Она ему ответила. Они разговорились. Примира спрашивала о моем хозяи-

не: он отвечал довольно охотно. Потом он предложил ей рюмочку коньяка. И вот они оба у них. Ясное дело, наш привратник был прелюбодеем чистойшей воды. Даже ещё до того, как он опрокинул стаканчик коньяка, он обхватил её своими руками и чмокнул её одним из тех поцелуев, от которых несет табаком. Примира огрызнулась. Привратник ободрился, взял её в охапку, внес её в комнату и положил на матрац. Хотя я и была в восторге, что на долю кровати пришлась эта отвратительная работа, но не выражала своей радости, потому что и в моей жизни был случай, похожий на этот, при воспоминании о котором у меня начинается усиленное сердцебиение и о котором я стараюсь забыть.

Привратник для своих лет отличался замечательной быстротой при удовлетворении своей страсти. Я воздерживаюсь от описания деталей... Но эти жалкие людишки надеялись тотчас же снова начать, так как в распоряжении прислуги было полчаса.

...Во дворе стригли пуделя m-me Дри. Этот пудель смышленная собака; он аккуратно лает в тот момент, когда соседи решают идти спать. Это прелестное маленькое животное, очень потешное, знающее несколько фокусов.

Парикмахер и парикмахерша, когда дошли до хвоста Миры, — так звалась собачка, ужасно рассорились, парикмахер, рассерженный медлительностью своей жены, ударил её по лицу; та выпустила Миру, которая бросилась спасаться на улицу с нестриженным хвостом. Напрасно парикмахер и парикмахерша звали её, желая водворить на прежнее место. Мира, боявшаяся этой операции, лаяла издали и благодарно держалась от них на почтительном расстоянии.

Через полчаса парикмахер со своей женой вернулся во двор.

— Это было бы уже давно окончено, —
сказала женщина, — если бы ты не дал мне
пощечины...

— Молчи! — буркнул парикмахер. — Или я
повторю снова.

— Это не та собака, — пробурчала его же-
на.

В ту же минуту слышались удары: бац!
бац! и две руки грузно опустились с обеих
сторон на уши несчастной супруги.

Женщина угомонилась; она не произнесла
больше ни слова. Энергичные жесты лучше
всяких слов свидетельствуют, что человек
по истине царь животных и что женщина
им покорена.

А я в это время думала о Мире, которая на-
ходилась на тротуаре с плохо остриженным
хвостом.

Подобное ничтожное происшествие пре-
вращается в событие, взбудораживающее

дома Парижа. Когда вся публика бросается
к месту происшествия, тогда огромный го-
род полон пустующих квартир. Если бы вы,
уважаемый хозяин, могли понять те муки,
которые перетерпела ваша бедная кушетка
в течение летних месяцев, хватило бы у
вас мужества покинуть нас на такой долгий
срок?.. Вы никогда не узнаете моих мук, и
вы тем более не узнаете о пролитых мною
слезах.

xv.

В десять часов утра внезапно явился мой
хозяин, никого предварительно не преду-
предив. Шутка оказалась довольно пла-
чевной. Осмотрев общий вид запыленной
мебели, кровать, на которой остались сле-
ды содеянного привратником, он скривил
физиономию, которая смахивала на лицо

пастора, обнаружившего святотатство в своем храме.

— Я наказан за грехи; я должен был уведомить эту публику о своем приезде; я бы тогда нашел всё в порядке. Я хотел их застигнуть врасплох — а теперь изволь расплачиваться за разбитые горшки.

Жалкая улыбка, искривившая его рот, выражала какое-то отвращение и усталость. Он долго рассматривал сундуки, внесенные носильщиками. Я догадалась, что им овладело желание уехать тотчас же отсюда, куда-нибудь подальше, скрыть свой приезд, который перестал его занимать. Но в ту же минуту явилась хозяйка квартиры. Вероятно, привратник ей сообщил о неожиданном приезде.

— О! сударь, в каком виде вы всё застанете!.. Благополучно ли путешествовали, сударь?

— Да! Путешествие было превосходно, превосходно...

— Я не ожидала, сударь... Всё в беспорядке! Я была больна... моя дочь тоже...

— Хорошо, хорошо... Я не верю ни слову той лжи, которой вы меня встречаете. Впрочем, если бы я жаловался, это всё равно ни к чему бы не привело и, вы слышите? я не жалею. Знайте также, что я совершаю над собой усилие, чтобы не вытолкнуть вас за двери. Но другая на вашем месте была бы, возможно, ещё хуже. Итак...

Она-то в душе смеялась над ним. Ей было безразлично; её не трогали слова моего хозяина; она старалась только себя выгородить. Молчать и слушать — вот её девиз.

Мой хозяин пошел принять ванну; он позавтракал, как всегда. Он приказал женщине, чтобы её работа была окончена к двум часам пополудни.

Привратник, как только она осталась одна, поспешил её спросить о том, что произошло.

— Он меня здорово прохватил, — сказала она. — И если бы он меня вытолкал в дверь, я бы не удивилась. Но если бы вы были порядочным господином, вы бы мне помогли.

Они оба работали с необычайным усердием, и к двум часам всё было убрано, чисто, опрятно, как в казармах в день генеральского смотра.

Несколько времени спустя наши друзья, изящная дама с карими глазами и мой хозяин, были тут.

— А что ты делал в продолжение этих трех недель? — спросила она.

— Я думал о тебе.

— А ещё?

— Я употреблял остаток времени на молитвы о твоих хороших глазах, о твоих устах, которые я так люблю, о твоём добром

сердце, которое я обожаю и в котором я так гордо царю.

— И потом?

— И это всё, — сказал он, обнимая её.

— Сколько раз вы меня обманули, сударь?

— У меня было только одно желание — видеть тебя, красавица моя.

— Берегитесь! Мой мизинец мне скажет, если вы меня обманули...

— Твой мизинец тебе также скажет, что я никогда не обманывал единственную женщину в мире, которую я так люблю и для которой я дам себя разрезать на маленькие кусочки.

— Итак, ты меня любишь?

— Да, я тебя люблю. Я тебя безумно люблю. Я тебя без памяти люблю. Я тебя вечно буду любить.

Она очутилась в его объятиях, томная, нежная, миниатюрная. Она прижалась к его груди, как будто бы искала там защиты. Её шелковистые, красиво вьющиеся на лбу волосы, кидали тень на лицо, тонкие черты которого сделались ещё нежнее и мягче. Её грудь высоко вздымалась под корсажем. Страсть охватила всё её существо. Губы пылали. Поцелуи её жгли.

Растроганная искренностью любви, которую ничего не могло смутить, убежденная в простоте отношений между моим хозяином и его подругой, не слыша ни одного необдуманного слова, я смотрела на них, прижавшихся друг к другу и обвивших друг друга руками, и просила: «Можешь ли, Боже, сделать их навсегда счастливыми!»

Потом она сняла свою шляпу, корсаж, юбку и предстала в короткой юбочке и в корсете. Она походила на маленькую куклу, которых дарят восьмилетним барышням в день рождения. В наступивших сумерках я смотрела на них и думала, что они стоили

друг друга. Возможно, впрочем, что они были созданы один для другого.

Хотя у них было много тем для разговора, но раньше всего они пропели песню любви. Они отдались разом, с верой, со всем пылом своей страсти, и на мою долю выпало счастье принять на себя их обоих.

Я была счастлива, растрогана, как будто я была в крепких объятиях.

В их игре всё было так мило, нежно. Когда поцелуи прекратились, прелестная подруга моего хозяина начала машинально играть письмами, которые валялись ещё неоткрытыми на столе. Мой хозяин внезапно побледнел. Он ругал себя за глупую неосторожность. Каким образом он оставил эти письма на столе? Он, которого удивительная смелость вывозила из всех затруднительных обстоятельств, оказался робким дитятей, настигнутым при шалости, которая достойна неминуемого выговора. Он

1
1
5
— страшно сбивался, когда его подруга сказала ему:

— У тебя не явилось желание прочесть письмо? А если бы это было важное письмо?

— Я уверен, что там не было ничего интересного. И потом, есть у меня время заниматься глупостями, которые мне пишут каждый день.

— А! — протянула молодая женщина. — А ты знаешь, кто тебе присылает эти глупости?

— Нет.

— Не хочешь ли, мы их вместе рассмотрим? Это нас позабавит...

Она взяла голубой с белыми полосками конверт.

— От кого?

— От кого! Я не знаю.

— Показать тебе?

— Нет, нет! Я это увижу после...

— Да, это женские письма...

— Почему ты думаешь, что это женские письма? — спросил он.

— Потому что ты запрещаешь мне читать их.

Она поднялась, приколола шляпу, приподняла юбку своего платья.

— Что ты делаешь? — воскликнул мой хозяин.

— Я ухожу, — ответила его подруга.

— Почему же?

— Ты ещё спрашиваешь?

— Без сомнения! Потому что, наконец... Я сам не хочу читать этих писем... Они меня вовсе не интересуют.

Он сложил их все в пакет и бросил в камин, воскликнув:

— Вот что я с ними делаю, видишь? Но я, однако, не могу ничего сделать против магии глупых людей писать мне письма! Я не знаю, почему, но все мне пишут... Думают, что я должен интересоваться чужими делами. Я их сам не читаю... и в особенности не хочу, чтобы моя грациозная фея сердилась на подобные глупости.

Он её обнял и пытался целовать прекрасные карие глаза, полузакрытые веками с длинными чёрными ресницами.

Но дама, надувшись, отвернула голову, и крупные слезы покатались по её щекам. При виде дорогих глаза, полных слез, мой хозяин пришел в бешенство.

Он ругал и письма, и пославших их.

Он их послал ко всем чертям и обещал не читать совсем писем, если они не будут

написаны крупным и неровным почерком его возлюбленной.

О! Я почувствовала сильную радость. Я уверена, что он был искренен; о, нет, нет, он не лгал. Без сомнения, он хотел обмануть её; но он вовсе не желал, чтобы она страдала из-за него. Он, как ребенка, ласкал её. Какие красивые слова, воодушевленные страстью, шептали его губы! Его сердце вылилось в его голосе. Его пылкая натура трепетала! Bravo! Bravo!

А я, стоя в своем углу, дрожала и проклинала свою беспомощность. Как будто я могла, я, бедная, безумная, бесполезная, прибавить что-либо к тому, чего он заслужил. Я хотела ему передать всю любовь к этой женщине, нашей общей хозяйке, единственной, верной...

Понятно, это должно было кончиться, как это говорится в священном писании, нежной любовью, и меня охватил безумный

бред, когда мой хозяин нежно, с любовью усадил сокрушенную милашку на меня.

Он же, в то время, как я суетилась, поднял шляпу своей хозяйшки.

Скоро всё было улажено, они расстались, назначив свидание вечером: они отправятся обедать в Елисейские Поля.

— Идиот!.. Кретин!.. Безумец! Ничтожество! — восклицал мой хозяин, вернувшись в комнату. — Делай всё, что хочешь!.. Но ты не имеешь никакого права доставлять малейшую неприятность женщине, которую ты любишь и которая удостоила тебя своей любовью!

Сказав это самым убедительным тоном, он разорвал уцелевшие в ящиках стола письма на мелкие кусочки и собирался было бросить их в камин, потом передумав, сел за стол, легко собрал кусочки и с удовольствием стал читать милейшие письма. Я следила за ним внимательно: на его лице

не было и следа прежнего беспокойства; опасность миновала.

Нужно ли мне облегчить душу?

Я должна была удивляться, но я испытывала глубокое, печальное чувство. Я хотела, чтобы он успокоился. Когда я увидела, что он отвечает на эти письма, назначает свидания, я, право, испытала очень неприятные чувства: я была единственной, которая думала о ней, о той, с добрыми карими глазами.

XVI.

— Наконец! — вскричала она. — Я тебя застаю... Это счастье!

— Действительно, — сказал мой хозяин, удивленный, что молодая женщина, которой он открыл дверь, выразила такое удо-

1
1
∞

вольствие его видеть. — Действительно, моя дорогая, но я так сконфужен твоим воодушевлением и твоей радостью. Я не знаю, как выразить тебе то чувство гордости, которое я испытываю... Большинство женщин не отрешилось ещё от чувства благодарности...

— Какой благодарности?..

— Моя маленькая Лолотта! Ты ведь очень хорошо знаешь, что я к тебе питаю самую нежную привязанность; и с того незабываемого дня, когда ты очутилась в моих объятиях...

— Это ничего не значит, — прервала она.
— Именно поэтому я хочу с тобой поговорить.

— Ага! Но почему у тебя такой странный тон? Ты как будто сердисься за то воспоминание, которое для меня так приятно.

— Ещё бы, мне кажется есть за что! — воскликнула она.

— Как же так?

— Ты морда! Ты кляча! Ты можешь похвастаться тем, что похож на верблюда!

— За что ты меня бранишь? Ты меня беспокоишь...

— Я беременна... И это от тебя!

При таких словах мой хозяин начал от всего сердца смеяться. Я ещё ни разу не видала, чтобы он так хохотал. Он бросился в кресло, и слезы показались у него на глазах.

Остолбеневшая Лолотта бессмысленно глядела, как он задыхался от смеха, не будучи в состоянии произнести ни одного слова, чтобы прекратить этот припадок веселости.

— Ах! моя Лолотта... Я тебя прошу!.. Когда преподносят такие вещи человеку, то его предупреждают по крайней мере накануне... Как?.. ты... ты беременна!.. ты, ты...

— Это необыкновенно... Что же это за животное, которое наградило тебя этим?

— Это животное — ты! — воскликнула Лолотта.

— Я? — спросил мой хозяин, прерывая свой безумный смех. — Я?.. Ах! Как это смешно... Я себя поздравляю! Мне впервые женщина говорит об этом подобным образом...

Он бросился к молодой женщине, схватил её в свои объятия, наклонился к ней и стал осыпать её поцелуями. Когда поцелуи были окончены, он посадил её к себе на колени и обвил её шею руками.

— Милашка, — сказал он, — я тебя умоляю! Ты мне должна это рассказать!

— Это очень просто и вполне возможно, — сказала Лолотта. — Прошло три месяца с тех пор, как ты был у меня.

— Благословенный день, когда твой опозоренный любовник предоставил в наше распоряжение весь день.

— Да!

— День, когда этот бесчестный хозяин всей твоей прелести позволил наставить себе рога, которые, хотя и не видны, но всё же рога. Так, моя крошка?..

— Да...

— Этот день — счастливейший день в моей жизни. Ты была так хороша, моя крошка; твои длинные русые волосы падали на твои белые плечи! Твои груди были нежно-розового цвета. Твое перламутровое горлышко говорило о твоей пылкости и страстности. Твоя спина вздрагивала при прикосновении моих уст, и я чувствовал, как по ней пробежала дрожь, когда я пощекотал её усами. Твои тоненькие ручки охватили мою шею так крепко, так крепко, что моя душа ушла в твой поцелуй. Свое признание ты вымолвила таким страстным го-

лосом, что мне поныне слышится эта чудная, незабвенная песнь. Крошка Лолотта, грациозное олицетворение вечной любви, маленькая фея, источник наслаждений, я тебя обожаю!

Лолотта опустила глаза, и несколько слез скатились на её румяные щеки.

— О! — сказал мой хозяин, — зачем плакать? Какое горе смутило твое прекрасное сердце, твое детское сердце, которое Всемилостивый Творец отлил из куска золота и усыпал его драгоценными камнями, рубинами, алмазами, чтобы сотворить из него величайшую драгоценность мира?

— Я сердита... на тебя, — пробормотала она.

— И почему, Лолотточка?

— Я хотела тебя выругать; я хотела быть злой... И теперь я чувствую, что больше не могу...

— Да, да, моя милая, нужно быть рассудительной.

— Ты меня так уверял, что нет никакой опасности, что это не может быть... Зачем ты мне лгал?

— Но, Лолотта, я тебе не лгал! Я уверяю тебя, что мне чужда страсть к... к воспроизведению потомства, даже вместе с той особой, которую я больше всего люблю, вследствие моей скотской и идиотской природы: комичный случай — и вдруг! способность стать папой, никогда...

— Ну, а я-то? — воскликнула она.

— Небывалый феномен, дорогая... Твой любовник сделался виновником ужасного преступления, которое, я того мнения, достойно наказания, и... я на твоём месте отомстил бы.

— Итак, вполне правильно, что ты, ты не можешь?

— Лучшее доказательство: уже прошло с тех пор шесть месяцев, как молодая женщина, обладательница всего лучшего, чем владеют замужние женщины, пришла, чтобы видеть меня: она мне сказала, не проронив ни единого лишнего слова: «Сударь, я замужем вот уже три года, а у меня нет и не было детей; в моих интересах иметь хотя бы одного ребенка, чтобы упрочить свое положение в семье моего мужа, и поэтому я решила отдаться вам». Что я ей ответил, Лолотта? «Мадам, со смелостью, характеризующей меня, я обязан вам признаться, что не смогу оправдать ваших надежд. Я бы вам посоветовал обратиться к моему соседу, профессору университета; я вас могу представить ему». Я предложил даме руку и повел её к профессору.

— Ну и что произошло? — спросила Лолотта.

— Она добилась своего.

— А что же теперь?

— Мой сосед выбрал имя ребенку; его называли Антуаном, по имени того, кто не был его отцом.

Лолотта посмотрела моему хозяину в глаза и чистосердечно призналась:

— Мне теперь будет очень трудно. Я сначала сердилась... Видишь ли ты, когда я думаю, что мой будущий сын будет похож на моего возлюбленного, я себя чувствую несчастной, но мне так хочется мечтать о тебе! Я бы хотела, чтобы он имел твои глаза, твой рот, твой нос, твой лоб, твои маленькие уши, руки, сильные, как твои... Я хочу, чтобы он был весь ты, даже с твоими недостатками...

Когда он вырастет, ты его выучишь, как говорить с женщинами? Ты ему покажешь то, что нужно знать человеку для того, чтобы привлечь в свои объятия маленьких женщин? Не правда ли, ты это сделаешь для него?

— Но тогда, милая Лолотта, я не буду сам знать всего этого. С годами искусство обольщать забывается. Может быть, когда твой сын будет большим, лет двадцати, я буду уже добродетельным господином, депутатом, защитником благонравия, старым дураком, который больше ничего знать не знает... Но это будет не скоро, а пока в ожидании хорошего, ангел моего сердца, мы можем всё время думать о наших удовольствиях, прежде чем задумываться об удовольствиях твоего ребенка. Чувствовать в продолжение почти месяца твою теплоту, созерцать твою красоту, ощущать дыхание молодости и музыку твоего голоса... Я чувствую, что я окончательно влюблен в тебя. Твои уста так сильно впивались в мои, что я и до сих пор опьянен твоим первым поцелуем. Я в каком-то бреде и мои стремления необъятны. Не являешься ли ты тем маленьким перлом, который испускает вокруг себя такой нежный свет, что у меня является желание иметь тебя в колье, окружающим мою шею. Я тебя безумно люб-

лю. Когда ты явилась предо мною в первый раз, это было какое-то затмение; сегодня ты во всем блеске своей грации, и твои глаза светятся божественными огоньками. Полюбим же друг друга так, как любили некогда! Дай же моему пылу то опьянение, которое заставляет забыть все обманутые надежды и которое на минуты возвышает человека до Бога.

Тихие поцелуи говорили о нежных чувствах, робкие ласки быстро дурманили...

— Спусти занавеси, — сказала она.

Ее голос звучал уже не так, но он был ещё прелестнее.

XVII.

В тот вечер мы пережили одно из разочарований, которые в жизни считаются ужас-

ными: мы ждали посещения одной дамы, для которой в доме, как кажется, было много приготовлено, и вдруг никто не пришел.

«Это дрянная шутка», как говорила одна из подруг моего хозяина, которая целый день только тем и занималась, что строила один план глупее другого.

Это обстоятельство сильно расстроило моего хозяина. Он даже произнес по адресу прекрасной дамы, мне ещё неизвестной, такие эпитеты, которые лучше было бы припрятать. Я в глубине души издевалась над ним; мне доставляло удовольствие видеть моего хозяина в роли брюзги; ведь у него так мало случаев, чтобы поворчать. Он прождал до полуночи, прежде чем принять какое-либо решение. Потом он стремительно поднялся с кресла, в котором сидел съежившись, сдерживая свою злобу; он взял почтовую бумагу, свою знаменитую голубоватую бумагу, которую он пускал в ход в особенно важных случаях; он сел за

маленький столик; он опустил абажур так, чтобы свет не резал ему глаз, и вот письмо, которое он написал. Я могу его тут привести, несмотря на то, что я не имела возможности его прочесть; я узнала его содержание, когда он медленно прочитывал письмо вслух, разбирая каждое слово так, как будто другой кто-либо — о бедный мой хозяин! — был в состоянии читать, как он, любовное письмо.

«Я вас ждал, сударыня, с благоговением. Вы не пришли. Мои страдания так же велики, как те чудные надежды, которые наполняли мою душу. Прошу прощения. Действительно, до сих пор мне было непонятно всё величие, вся доброта вашей души. Я только теперь вижу, сколько искусного великодушия и смелой ласки в вашем удивительном характере и сколько вы вообще знаете способов любить и доводить до сильнейших моментов любви. Если бы вы явились на это первое свидание, которое обещало так много блаженства!.. Могу ли я

рассчитывать удостоиться счастья видеть вас у себя завтра в это же время, ждать вас с тем же волнением, которое довело меня сегодня в продолжение трех часов до экзальтации? Я вам буду навеки признателен, что вы мне дали возможность понять более реальное наслаждение, чем то, наивное, которое я доселе знал.

Один в этом гнездышке, где мы мечтали жадно примкнуть друг к другу, наедине с своими мыслями; опьяненный предчувствием будущего возмездия, которое таится в храме вашей красоты, я льщу себя надеждой, что вы так же одиноки, как я, и что вы страстно ловите те слова, которые произносят мои уста, и что вы нежно шепчете, что ваши уста не воспротивятся поцелую, который соединит наши уста так же, как позже любовь соединит наши судьбы.

Ваши золотистые волосы похожи на утреннюю зарю; в ваших светлых глазах я вижу голубое небо; ваше благоухание порождает самые пышные иллюзии и мечты, все

мои надежды исходят от вас, вы возбуждаете во мне высшие духовные радости.

Еще совсем маленького, меня обожала старая некрасивая бабушка. Посадив меня к себе на колени и проводя дрожащими руками по моим спутанным кудрям, она говорила: у тебя глаза со временем сделаются очень нежными; тебе не будет стоять много труда лгать; твой рот будет чувственным; я бы желала, чтобы он всегда стремился целовать только один ротик; у тебя хорошее сердце: так как у тебя гордая душа, ты тогда подумаешь о сладости счастливых слез, когда ты попробуешь вызвать в других горькие слезы. Никогда не забывай, мой милый мальчуган, что истинно счастлив ты будешь только сообразно с тем, что ты даешь другим. По мере того, как я подрастал и мужал, я всё лучше и лучше помнил советы доброй феи; и я ещё не согрешил, потому что всегда им следовал. Также благочестиво я построил себе идеал женщины, к которой я сохранил всю

нежность моего сердца, всё могущество моей любви.

В ваших глазах я нашел те глаза, которые искал, я нашел в вас родственную душу, у вас такая же сильная натура, как и у меня, вы прекрасны, как мой идеал, но ваш голос гораздо гармоничнее. Вы богато одарены такими человеческими достоинствами, о которых я и мечтать не могу.

Я вас люблю.

Ваше очарование имеет свежесть утренних роз. Вы прихотливы, как тихая симфония. Всё звучит музыкой вокруг вас. Вы — кокетливая нимфа, наклонившаяся над ручьем и любующаяся изображением своей молодости в водяном зеркале.

Я вас люблю.

Когда вы приходите, вы сеете одно наслаждение, вы возбуждаете желанья, ваша походка напоминает танцующих наяд. Как

же мне было не стыдно сделаться безумным!

Я вас люблю.

Мои руки, обнимая вас, становятся слабыми.

Своей страстью я сумею возбудить вашу, от моих желаний снова возобновятся ваши, и мы вместе забудемся в чувственных наслаждениях.

Я вас люблю.

Мое послание близится к концу, я чувствую, как покидает меня рассудок, я, изнывая, предвкушаю близкое ощущение сладострастного чувства; экстаз мною овладевает, мои губы тянутся к вашим, мое безумие покоряет ваш слабый рассудок, мои страсти взывают к вашим, я плачу, как голодное дитя. Я голоден, я жажду вас, дайте часть, часть, часть, часть вашей...

Я люблю вас».

— Ловко! — воскликнул мой хозяин, окончив чтение своего длинного послания. — Если ты завтра не придешь, ты окажешься славной клячей! Или же я ужасно ошибся насчет твоей персоны! Это ужасно — приходится выдумывать такие выражения, которые способны подействовать на чувства этих женщин. Ведь всё это можно было бы резюмировать так: ты мне подстроила свинью, я зол, но если придешь завтра — я забуду, и всё пойдет по-старому. Так было бы яснее, короче, и я был бы час тому назад уже в постели.

Он готов был уже начать раздеваться, как вдруг его осенила такого рода мысль:

— Так как я одет, то это было бы не бесполезной жертвой — пойти опустить письмо в почтовый ящик. Она получит его в восемь часов утра. Это ей будет приятно. Но нужно пометить на письме: «три часа утра». Ещё нет двух, но сойдет. Она способна поверить, что я не ложился. Разве спят, когда любят?

Он пошел на почту, а ещё через полчаса уже спал ангельским сном.

На следующий день в десять часов утра дом был разбужен ужасным звонком. Мой хозяин вскочил и вскрикнул взволнованным голосом:

— Боже! Если это она!.. Это злая шутка... У меня неприличный вид... И её любовь падет так же, как падает вода из душа...

Удар звонка. Дрринь!

— Если она! А если я не открою... она подумает, что я ночевал не у себя. Пойду!

Это мальчишка посыльный с голубенькой бумажкой.

Десять строчек размашистым почерком:

«Я смущена теми страданиями, которые вам доставила, я проклинала трусость, которая меня остановила и не дала возможности сдержать данного вам слова. Ждите меня сегодня вечером; в девять часов я

буду у вас. Моя душа в вашем распоряжении, сделайте с ней, что хотите. Я вами увлеклась, я вам принадлежу, потому что я уверена, что вы меня любите так, как я этого хочу.

Маргарита».

— Хорошо, — сказал мой хозяин, укладываясь на кровати. — Я смогу спать до полудня, без перерыва. Спокойной ночи, Маргарита.

Как хорошо он спал!

Мы приготовились к большой игре с прекрасной Маргаритой. Но прежде чем входить в подробности, я нахожу нужным описать красавицу.

Сильная брюнетка высокого роста, с глазами, которые очень редко встречаются, Маргарита вполне подходила под определение прекрасной женщины. Насчет этого не могло быть другого мнения. Её фигура была просто великолепна! Говорили, что

это юное и свежее тело имело полное право находиться в Лувре.

С тех пор, как я услышала о Венере Милосской, я мечтала о ней составить понятие; да, милая Венера, ты должна пасовать, стоя рядом с Маргаритой.

Имею ли я право говорить, с моими двумя колесиками, что руки и ноги этой принцессы были вполне достойны божества? А кожа, эта белая тонкая кожа, которую не так скоро сыщешь! А её голос! её глубокий, спокойный, симпатичный голос — настоящий музыкальный инструмент.

Когда она вошла, я остолбенела, и вся мебель вместе со мной. Мы все разинули рты от удивления. Маленький стул сделал несколько поклонов, пуф смешно надулся, и весь вид его, словно говорил: только для ваших обворожительных форм; кресло попробовало кашлянуть раз, как те люди, которых не скоро замечают и которые хотят напомнить о своем существовании. Кровать

важно выставила себя, готовая на всё, бесполовая дура, похожая на всех толстых людей: кровать может быть полна, она может иметь всё, только ума у неё не будет.

Не думайте, что я это говорю потому, что Маргарита по времени предпочитала растянуться на постели и не проводить ночи на мне, я это говорю потому, что так думаю, потому что кровать лишена нервов, чувствительности, нежности; к слову сказать, кровать не знает тех ужасных сотрясений, к которым я так чувствительна; кровать, бесспорно, полезна для некоторых влюбленных, но для влюбленных, ищущих оттенков... Но я повторяю, я не могу ничего лишнего сказать о постели, чтобы не подумали, будто я зла и завистлива; я возвращаюсь к моему хозяину.

— Право, — сказала Маргарита, — вы сильно страдали? Ваше письмо меня тронуло...

— У меня просто явилось желание пустить себе пулю в лоб. И я не знаю, чем бы это кончилось, если бы вы сегодня не явились...

— Мой бедный друг! — сказала она.

— А! Вы жалеете меня; я много выстрадал.

Он говорил удрученным, страдальческим голосом. Если бы я не так хорошо знала моего хозяина, я бы, пожалуй, поверила.

— Я вас люблю, — сказал он просто. — Я вас люблю, жажду и вместе с тем боюсь. Ещё недавно я жил, как птица; теперь меня окружает очаровательная атмосфера, которая царит вокруг вас, и я уже не чувствую себя свободным и одиноким; я тряпка, всецело зависящая от ваших капризов; я ваш раб, ваша вещь. Жизнь моя начинается с того момента, как я вам послал воздушный поцелуй; она кончается... когда вы того пожелаете.

— Как хорошо, как приятно слышать, когда мужчина произносит слова любви с такой верой и искренностью! — воскликнула она.

Она бросилась в его объятия с той нежностью и грацией, которые так подходят солидным дамам.

— Снимите вашу шляпу, перчатки, — сказал мой хозяин. — В полночь мы поужинаем... Не хотите ли пока, в ожидании ужина, выпить бокал шампанского?

Она согласилась.

— Я думаю, что страсть любви возбуждает жажду, — сказала она, омочив губы в золотом вине.

Она села на меня; мой хозяин, присев возле неё на корточках, гладил своими нервными руками её колени, целовал её руки, длинные белые пальцы которых изобиловали кольцами.

— Кто бы мог когда-либо подумать, чтобы я на восьмой день знакомства пришла к вам в десять часов вечера и позволила бы себя так ласкать? Зачем вы за мной ухаживали?

— Потому что какой-то голос мне велел идти прямо к вам, к вашей красоте и к счастью!

Прямо-таки с неприличным хладнокровием он высказал отвратительные общие места, избитые банальные фразы. Несмотря на то, что такому прелестному созданию наверняка приходилось уже часто слышать подобные тирады, он не отказался прибегнуть к тому же средству. Отчего же? Он так решил, и он уловил этот верный тон той песни, которую следовало напевать этой даме. Понятно, чтобы сохранить верный тон, он должен был в оба следить за собой и наблюдать за своей любовью к многословию.

Есть женщины, которым показывать свою пылкость есть безумие: они остерегаются. Маргарита принадлежала к их числу.

Впрочем, потом, благодаря шампанскому, её язык развязался, и она так быстро и легко заговорила, что моему хозяину не было никакой возможности вставить слово.

Они очаровательны, женщины подобного рода. Когда мужчина сидит с ними, он должен напрягать свой ум, чтобы внимать. Для них составляет страдание молча слушать кого-нибудь.

Маргарита рассказала о всей своей жизни:

— Разведясь с мужем, после целого месяца одиночества, я поняла, что мне необходимо иметь друга. Вы понимаете?.. Один богатый человек, который давно уже интересовался моей особой, предстал передо мною в один из скучных дней, и я была очень счастлива от этого посещения. Вы понимаете? Он сделался моим любовником. В моем положении, имея только мелкие

ренты, я себя дала без труда победить тому, кто был мне полезен. Вы понимаете?..

Всякую фразу она удлиняла этим «Вы понимаете?», произносимым беспокойным тоном. Она нас принимала как будто за идиотов? Почему она думала, что мы это не могли понять?

Она продолжала:

— Он меня поддерживал в продолжение двух лет. Я жила с ним. Наконец, я нашла его компанию для себя недостаточной. Вы понимаете? Поэтому я была в восторге, когда вы мне сделали ваше признание в любви. Вы понимаете?.. Я всегда мечтала иметь ещё друга при моем любовнике. Я вас слушала, вы мне понравились, и я бы пришла в отчаяние, если бы вы на меня злились, что я не пришла вчера... потому что... вы понимаете?.. я свободна эту ночь. Моего любовника по субботам нет в Париже. Он вернется только в воскресенье вечером. Таким образом, по субботам я буду

приходить к вам и буду у вас проводить ночи. Вы понимаете?..

Я думаю, мы понимаем!

— Вы восхитительны, — повторил мой хозяин.

— Почти всегда после полудня я также свободна, — продолжала она. — Я буду приходить каждый день в три или четыре часа между завтраком и обедом. Мы будем разговаривать. Вы мне будете рассказывать интересные вещи. Мы будем развлекаться. Вы понимаете?..

Да, да, да, поняли! Боже! О чем ты думал в тот день, когда вставил этот припев в разговор молодой прелестной девушки?

Я наблюдала за моим хозяином. Ему предлагали регулярную программу, которая была вовсе не в его натуре.

— Такой друг, как вы, — сказала Маргарита, — это моя настоящая мечта!

Он скорчил гримасу, которой как бы хотел сказать «Вы понимаете?». Гримаса вышла невольная, ибо обдуманно он этого не сделал бы. Но ему эта история уже надоела. Нет, никогда в жизни он не согласился бы на такое ежедневное распределение дня и на эти еженедельные ночные свидания! В этот момент он пустил в ход всё возможное.

— Твоей добротой, — воскликнул он, — ты меня делаешь несчастнейшим человеком в мире! Как так! Ты у меня была в эту ночь, и я тебя лишусь в ближайшую? Забываешь ли ты, что я тебя безумно люблю? Я буду твоим любовником, а ты обзаведешься другим! Но я его задушю, этого соперника, который со мной будет разделять обаяние твоего тела и поцелуи твоих жгучих уст! Маргарита, ты принадлежишь мне, мне одному! Что ты подумаешь обо мне, если завтра я сделаю такой же ужасный расчет? Ты меня будешь презирать, и ты будешь права! Нет, нет, нет! Этому не бывать!

Он схватил её за руки и продолжал:

— Твоя жизнь — это моя жизнь; моя жизнь — будет твоею. Мы будем жить вместе, как два тела, имеющие одну душу. Твой любовник богат; ты предпочитаешь мою веселую бедность его несметным богатствам. Что значит золото, когда любят друг друга так, как мы любим? Разве богатство приближает или удаляет нас от идеала счастья?..

— Но... — прервала она.

— Счастье составляется из тоски и страстей...

— Но...

— Счастье, чтобы расти, требует росы из слез...

— Но...

— Счастье рождается в мучительной лихорадке...

— Но...

— Сердце бьется гораздо спокойнее, когда предвидишь все скотские слабости...

— Но...

— Ты будешь сестрой той богемы, которая, я всегда знал, расцветет вокруг меня...

— Но...

— И если когда-нибудь мы избавимся от некоторых неприятностей, мы вместе поедем туда, в область грез, в область восторгов, в другое царство, где смерть соединяет истинных влюбленных, которые завоевали себе счастье ценою страшных страданий.

— Но...

— О! Я хочу до конца своей жизни наслаждаться твоей красотой! Слушай: у меня есть яд, который тела и души через ад чувственных эксцессов ведет туда! Достаточно несколько глотков, и мы, не успевши ис-

пустить последнего вздоха, будем там, на небесах... Да, мы переживем лучшие мечты, к которым только может стремиться человек... и потом, однажды, ты выпьешь несколько спасительных глотков, которые нас ведут к высшему блаженству. Скажи мне, что ты согласна и что ты исполнишь всё, что я захочу!

— Но я не могу оставить всё то, чего я достигла усилиями двух годов, — сказала она наконец. — Без сомнения, я не люблю своего любовника, но я чувствую благодарность к нему и даже привязанность... Это было бы очень плохо с моей стороны поступить так, как вы мне советуете...

— Он! Он большего не стоит! Я тебя люблю!

— Но я люблю роскошь, я обожаю беспечное житье... Мне кажется, что я была бы несчастна, если мне бы пришлось заниматься тысячью мелочей, на которые натыкаешься при бедности и безденежье. Я вас

умоляю. Рассудите немного. Пораздумайте. Зачем вы требуете всё это?

— Потому, что я тебя люблю, я теряю рассудок и не могу больше рассуждать. Твоя красота делает меня безумным, я чувствую, что ты для меня всё...

— Но...

— Приди, приди, приди! Я тебя люблю!

Он схватил её и сильно сжал в своих объятиях. Ловкими пальцами он расстегнул все крючки, и платье наполовину спустилось, обнажив восхитительнейший в мире бюст.

— О, загасите огонь, я вас умоляю! — просила она. — Я сгораю от стыда!

Он повиновался.

Увы! Уже ничего нельзя было увидеть. Но зато я слышала.

Через два часа были зажжены свечи, лампы снова горели. Мой хозяин принес на

маленьком столике ужин. Ужинали они в рубашках. Маргарита уже больше не стеснялась света.

Тем не менее лоб молодой женщины был нахмурен. О чем же она думала? О будущем своей любви? Никогда в жизни! Но это будет определенно известно только завтра.

Я не хочу описывать того, что произошло ночью. Я сделалась очень нервна, в особенности за последнее время. У меня нет никакого удовольствия рассказывать о некоторых вещах: это мне доставляет страдание.

Пожелаем им всего лучшего, по крайней мере, короны из цветов! Это очень красиво, я вам говорю!

Два часа спустя после того, как красавица покинула моего хозяина, он получил следующее письмо:

«Я в восторге от той ночи, что провела с тобой, мой дорогой; я уверена, что сохра-

ню воспоминание, которое никогда не изгладится из моей памяти. Я тебе говорю об этом не для того, чтобы польстить твоей радости — мужчины так любят, чтобы их любовницы делали им признания подобного рода, — но потому что это чистая правда. Пишу тебе с удрученной душой, так как должна тебе сейчас сообщить очень неприятную новость. Но прежде я тебе хочу опять подтвердить, что ещё никто никогда не доставлял мне столько радости в любви, сколько ты со своей страстью. С первого же раза я поняла тебя и твою натуру, и я не удивилась, что ты себя считаешь вправе объявить, чего ты желаешь. Тем не менее я тебя умоляю не бранить меня; я у тебя заранее прошу прощения; я тебе обязана отказать в том, о чем ты пламенно просил меня.

Нет, мой дорогой, я не могу за тобой последовать. Я с таким трудом упрочила свое положение, это было бы безумием всё это бросить только за одно обещание блажен-

ства. Если бы ты был ещё очень богат, я бы не говорила... Но случаю угодно, чтобы для тебя было невозможно исполнить самые легкие мои капризы; конечно, это не твоя вина, но я уверена, что я с моими привычками не смогла бы жить в такой богеме, где ты можешь быть так счастлив один и где мы будем так несчастливы вдвоем. Нет, я не покину моего содержателя.

Я не вправе причинить ему это огорчение. В общем, этот человек сделал с своей стороны всё возможное, чтобы мне понравиться. Он стар уже, и я должна его щадить. Почему ты ревнуешь? Я не могу его покинуть без внушительной причины; я не могу заставить его страдать, так как я знаю, что это может свести его в могилу. Чего желаешь ты? Я не жестокосердна... и к тому же я всегда думала о будущем; я ужасно боюсь бедности. Мне кажется, что я наложу на себя руки, если у меня не будет больше средств удовлетворить те страстные желания и намерения, к которым я привыкла.

Твоя гордость не желает делить моего тела; ты хочешь видеть свою меня всю; я тронута той покорностью, которую изъясляет мне твоя любовь, но во имя всех доводов, которые я сделала, во имя всего, что я чувствую, но не могу выразить, я тебя умоляю — останемся друзьями, останемся влюбленными навсегда.

Я буду так мила! Открой мне ещё раз дверь твоей медвежьей берлоги, где ты так чудно поешь о любви. Ты хочешь обладать мною всецело? Каждый день, клянусь тебе, ты будешь наслаждаться мною. Я часто буду приходить тебя будить; у нас даже хватит времени до завтрака любить друг друга и снова засыпать; так что тебе будет казаться, что мы всю ночь спали вместе. Я посвящу тебе больше свободных дней. По мере возможности я буду предоставлять в твое распоряжение целые ночи, подобные той, которую мы провели вчера и которая доставила мне так много наслаждений, так

много безумных минут, что я в эти часы вся изменилась и готова вечно любить тебя.

Твои ласки бросают в дрожь, а поцелуи твои проникают уста каким-то страшным ядом. Сегодня я тебя люблю, я хочу, чтобы ты меня любил так, как я того желаю... Поскучай несколько часов, которые мне необходимы, чтобы обеспечить себе средства к существованию.

Хочешь ли ты меня осчастливить, как ты мне обещал? Или ты хочешь вернуться к своему грубому решению?

Я тебя умоляю! Твоя Маргарита припадает к твоим ногам, чтобы ты исполнил её просьбу: мой прекрасный медведь, будь мил, и я сделаю всё, что ты захочешь.

Отвечай мне скорее. Если ты меня хочешь сегодня вечером, я сделаю всё, чтобы соединиться с тобой. Ты увидишь, я готова совершать даже неблагоприятные поступки, только чтобы тебя больше увлечь. Я тебя люблю, я тебя люблю! Я не отдаюсь

совсем, а только почти; и если я тебе отказываю, то тому виной те плохие задатки, которые вложил Бог в мою душу. Я тебя безумно люблю!

Маргарита».

— Ясно, это было что-то роковое! — сказал мой хозяин, вкладывая обратно в конверт сложенное письмо. — Все эти женщины прямо удивительны. Они отдаляются от своих содержателей только лишь за тем, чтобы ухватиться за того, кто может сделать их «дорогим и любимым». Ты видишь, красота моя, каким высокомерным я сделался.

Он тут же сел за маленький столик, взял бумаги, обмакнул перо и написал:

«Любовь моя, твое письмо надорвало мне душу. Я так и думал, что такая гордая и благородная женщина, как ты, должна принести себя в жертву. Тем хуже для нас обоих.

Я тебя больше никогда не увижу.

Я надеялся на счастье только с тобой. Я обманулся. Не нужно мне было так поддаваться иллюзиям. Никогда, никогда я не соглашусь владеть тобой сообщая ещё с кем-нибудь. Всё или ничего! Ты соглашаешься предоставить мне только отрывок из твоей жизни, а этого недостаточно для такой любви, как моя. Я тебя не смогу видеть сегодня, потому что я покину Париж. Я в таком удрученном состоянии, что не могу оставаться в Париже. Я бегу от тебя. Я ещё не знаю, где я попробую утолить свою печаль; но я охотно надеюсь, что потом я разыщу женщину, немного похожую на тебя, у которой будут некоторые твои достоинства и которая мне отдаст всю свою жизнь, подобно тому, как я решил отдать ей свою.

Прощай, Марго! Ты могла быть счастливейшей женщиной и сделать меня счастливейшим мужчиной; ты этого не пожелала. То, что должно было нас соединить, должно, таким образом, послужить нашей раз-

луке. Прощай, прощай! Постарайся не скоро забыть обо мне; я боюсь, что не забуду тебя никогда, несмотря на желание ослабить действие твоей жгучей страсти на мое бедное сердце».

Он заклеил письмо и отнес его на почту.

— Посмотрим, — сказал он потом, — теперь четыре часа... У меня свидание в Frocadero с женой этого идиота инженера; у меня также свидание здесь с красоткой, которая торгует шампанским и любовью. Ну так которая из двух? Я к ним одинаково равнодушен.

Он взял из кармана монету и бросил её в воздух, крикнув:

— Лицевая сторона — инженер!..

Затем поднял монету: обратная.

— Пусть так! Девушка придет к тебе. Кончится тем, что мне выцарапает глаза эта

тигрица из Frocadero! Я назначаю это свидание уже в четвертый раз...

Он расположился в кресле, закурил папиросу, взял журнал, швырнул его и проворчал:

— Какая потешная жизнь! Я устал, надорван... И при этом я жду женщину, которой нужно будет показывать чудеса храбрости. Я ведь не хочу поколебать моей доброй славы и потому умру! Идиотство... Может, пора отдохнуть на природе?.. Деревня, маленький садик с турецкими бобами, земляничкой, деревьями, покрытыми листвой... туда прилетят птицы, которые будут щебетать с оглушительным шумом, они мне сделают пи-пи и каки на голову... Как это будет мило! Вокруг меня будут цвести розы, и когда я пойду их обнюхивать, меня укусит оса или большая зелёная муха. Я пойду гулять по деревне, на поля, в леса: тут сердитая корова боднет меня рогами; там змея ужалит меня в ногу, или большая жаба, на которую я наступлю, обрызгает мои

ботинки липкой грязью... Так забавно в деревне!.. А! Нет, лучше уж позволить себе тысячу раз трястись в лихорадке, жаловаться на ломоту в суставах, чем отправиться в тень лесов в маленький несносный домишко, где никто ко мне не будет приходить и где я принужден буду в один прекрасный день наложить на себя руки в отчаянии от тех прискорбных дум, которые будут вечно отравлять мое существование...

Дринь!.. Дринь!..

— Это она и есть. Два удара!.. Замечательно!.. Вставай, старье. Ну-ка! Смелей!.. Или тебе захотелось в деревню?..

Он пошел к дверям.

XVIII.

Тихо, без всякого шума, вернулся мой хозяин, пробыв вне дома пятнадцать дней. Я, вполне понятно, не буду говорить подробно о том убийственно скучном времени, которое мне пришлось провести в его отсутствие. Привратник являлся каждый раз, когда хозяйка квартиры намеревалась стирать пыль или выколачивать мебель; об этом может кое-что поведать кровать. В последнюю субботу эта пародия на кавалера, запутавшегося в юбке хозяйской дочери; только тогда хозяйка сообразила, что её дочь далеко не дитя в вопросе об уходе за собой; но эта «неосторожность» не повлекла за собой серьезных последствий; это произошло по ту сторону кровати. Я здесь воздерживаюсь от описания неприятности этой публики; я обожаю ровные стежки, надушенные юбки, приятный запах, а виденные мною в течение пятнадцати дней рубашки были не первой свежести и чистоты. О! А нижние юбки, ставшие серыми от стирки, грязи, воздуха! Меня тош-

нит от них. Но я, любознательная кушетка, всё же решилась осмотреть это...

Мой хозяин страшно утомлен. Круги под глазами, лицо печальное, лоб нахмурен. Молчит. Усталым взглядом он осматривает вещи, разбросанные в нашей комнате. Воспоминания не веселят его. Понятно, я страшно взволнована и не предчувствую ничего доброго от его задумчивости.

Он сел за маленький столик, на котором было написано так много милых писем; черкнул несколько слов на разных листочках бумаги, поставил печать и отнес на почту.

В течение нескольких минут все мы: мебель, щетки и другие предметы — печально переглядывались. Такое выражение лица бывает у молодых людей, решивших покончить с собой, когда они пишут последнее письмо родителям о принятом ими ужасном решении.

Не прошло получаса с момента его возвращения с почты, как в дверях раздался звонок.

— Женщина! — подумала я.

Нет, это был мужчина, изящный господин лет тридцати семи-восьми, блондин с красивыми усами, шикарно одетый.

— Ну вот! — воскликнул мой хозяин, крепко пожимая ему руку.

Последний не спешил ответить. Очевидно, новость не из приятных. Наконец он решился сказать:

— Послушай приятель, ты должен быть мужественнее.

— А! — воскликнул мой хозяин, — она отказывается!.. Хорошо. Я знаю, что мне теперь осталось сделать...

— Я тебя уверяю, что ты влюблен, — сказал господин.

— Нет, нет, не думай так. Это невозможно, о чем ты говоришь... Видишь ли ты, не все в этом положении смогут перенести эту муку...

— Без сомнения, но у тебя есть энергия, ты это доказывал много раз.

— У меня нет энергии; в эти моменты люди теряют энергию.

— Тем не менее, рассуждая...

— О! Я тебя прошу!.. У меня нет рассудка, я не могу рассуждать. Я хочу совершить важный поступок, который послужил бы уроком тем, которые принуждены будут подражать Симон. Это гадко, мерзко, то, что она делает. Не покидают умирающего человека, не сказав ему последнего прости...

— А! pardon, она не отказывает в свидании; напротив, она желает тебя видеть, говорить с тобой, утешать тебя, вдохнуть в

тебя прежние силы; она хочет, чтобы ты принял её, я говорю тебе.

— Тогда!.. если бы я её позвал, обещая ей всё, что она потребует...

— Она придет.

— Ты полагаешь? — спросил мой хозяин, и в его глазах блеснул луч надежды.

— Я в этом уверен! Она мне сама объявила, что, если бы она знала, что своим приходом она тебе окажет добро, ничто бы её не остановило.

— А ты ей сказал, чтобы она пришла?

— Нет.

— Почему? — вскричал мой хозяин.

— Потому что я полагал, что гораздо благоразумнее предупредить тебя, что, по моему мнению, она не будет твоей любовницей и что было лучше для тебя не видеть её. Когда она уйдет, у тебя будет такой

взрыв отчаяния, что это превысит даже твои теперешние страдания.

— Я хочу её видеть! Ты слышишь? Я хочу её видеть! Она должна прийти. Я обещаю всё, что хочешь, но я желаю, я желаю её видеть!

Он положил руки на плечи друга.

— Хочешь быть хорошим? — спросил он.

— Да, — ответил друг.

— Пойди скажи ей, что я её жду. Иди скажи ей, что если она не придет сегодня, сейчас, то ты ни за что не отвечаешь. Иди, я тебя умоляю! Ты мне окажешь такую услугу!

— А ты мне обещаешь быть благоразумным, очень благоразумным?

— Я тебе обещаю... Я сделаю всё, что смогу, чтобы быть благоразумным.

— Она внизу, в экипаже. Я иду...

— Как?.. Здесь?.. И ты мне не сказал?.. О! Я тебя ненавижу! Я тебя презираю!.. Ты мне больше не друг... Я отрекаюсь от тебя!.. Я отрекаюсь от тебя!..

Он вытолкнул его вназад, и я издали слышала, как он ему сказал:

— Мерси, ты мил...

Графиня Симон де Р... прелестная женщина, блондинка высокого роста, одетая элегантно, с некоторой небрежностью. О! Эта женщина не олицетворение храбрости и отваги. Напротив, в ней воплотилось всё противоположное. Да будет мне прощено сравнение... она немного смахивает на улитку. Это, может быть, зависит от её близорукости. Когда плохо видят, тогда всегда опасаются наткнуться на стену или край стола.

Меня крайне удивило, что мой хозяин перед ней чувствовал себя маленьким мальчиком. Ни на грош задора! Он, побивающий рекорд по части обращения, лепетал,

как новичок, нес вздор и никак не мог сказать того, что хотел.

— Я пришла, — отвечала она, — так как сочла своей обязанностью ответить вам визитом. Положение затруднительное. Я принимаю во внимание ваше подавленное состояние. Незачем отталкивать людей, которым необходимо некоторое утешение.

— Я вам благодарен, Симон, — сказал мой хозяин. — Я очень доволен.

— Я не хочу быть вашей любовницей. Я порядочная женщина. Я ни к чему не прибегла для того, чтобы вас увлечь; я никогда не поощряла ваших желаний. Должна ли я сойти с ума только потому, что вы сумасшедший? Я хочу быть благоразумной за двоих. Вместо любви я вам предлагаю свою привязанность, свои симпатии и свою дружбу. Мне так сильно хотелось бы вас исцелить, как будто и не я причина ваших терзаний. Если я должна быть вашей старшей сестрой, я буду ею, и с помощью ласк,

забот, ухаживания я надеюсь вернуть чудную дружбу прежних дней в прелестной компании; я сохранила, мой друг, воспоминание о некоторых проведенных в вашем обществе часах как о лучших, незабвенных минутах моей жизни.

— Ах! Симон, зачем я вас люблю? — воскликнул мой хозяин. — Не моя в том вина, что я в таком состоянии... Я не могу больше жить. Мои мысли путаются. Я испытываю ужасные муки. Это глупо, безумно, гадко; но меня наполняет одно желание — владеть вами, иметь вас... Мне кажется, что если бы вы стали моей любовницей, я был бы тотчас исцелен... я также уверен, что потом полюбил бы вас ещё сильнее. Вы видите, я чистосердечен, искренен. Я сознаю мое плачевное положение и знаю, что меня может спасти; я не могу предвидеть, что будет потом... Но, Симон, я несчастен!

— Да, друг мой, вы очень несчастны, и я вам сочувствую от всего сердца. Сколько зла приносит любовь!

— Вы никогда не испытывали этих страданий? — спросил мой хозяин.

— Нет. И я их страшусь. Я делаю всё, чтобы не знать их...

— Они разбивают, разрывают на части, сжигают... Кажется, что тысячи животных царапают, кусают твой мозг... Лихорадка меня убивает!.. Я думаю, Симон, что было лучше всего покончить самоубийством. Это значит сразу отделаться от всего...

— Вы меня не любите, если хотите мне причинить такое горе? — прошептала Симон. — И я приду к вам, не имея надежды быть вам полезной? Вы не найдете большей признательности. Какая благодарность... Знайте, что если я и не буду вашей любовницей, то я себя скомпрометирую так, как будто я буду ею.

— Я вас люблю! Я желаю вас поцеловать,
— сказал он.

Она подставила ему щеку.

— Целуйте. Я очень довольна, что вы меня целуете... Я вас очень люблю.

Она села около него на меня, ничуть не страшась ужасной кушетки, ставшей роковой для стольких добродетелей. Она взяла его руки, ласкала его, как ребенка, и начала говорить с ним материнским или, скорее, братским тоном:

— Я очень люблю моего друга, потому что он большой безумец. Я хочу, чтобы он был счастлив, и со временем он меня сам поблагодарит за то, что я была рассудительнее его. Мы бы утратили все сокровища нашей дружбы, если бы мы совершили этот грубый акт. Мы бы потом очень сожалели. Мы были бы очень несчастны. Мы бы не встречались с такой радостью. У нас были бы такие сильные угрызения совести, что мы бы не могли радоваться этому стремлению друг к другу. Я тронута; я вас люблю; но я требую, чтобы наша любовь была чиста; я отдаю свою душу, свое сердце, всю свою нежность; но я сохраняю свое тело,

которое ничего не стоит в той любви, какой я хочу видеть нашу. Я вас так же люблю, как и вы меня; если вы мне не ответите на мою привязанность, я останусь одна. Я хочу вас увлечь за собой. Мы будем очаровательно проводить время. Мало-помалу вы забудете, что я женщина. Мы будем друзьями, которые стоят выше этой плотской грязной любви. Напротив, вы потом будете ещё больше уважать меня, и вы найдете во мне то, чего вам не могла дать ни одна женщина. Не смешивайте меня с теми женщинами, которые так быстро уступают вам. Вы их не узнали бы, если бы даже встретили... Вы любите мои губы: они уже были вашими; это соединение, надеюсь, не послужит нашей разлуке; мы не расстанемся никогда. Я непременно должна отклонить вашу просьбу быть вашей любовницей, чтобы сохранить для вас в моем лице друга, вечного друга!

Она целовала его в лоб, щеки, губы и шею. Она была божественно мила, нежна, лю-

безна, ласкова. И все эти ласки и поцелуи, казалось, действовали очень благотворно на моего хозяина, его лихорадочное состояние переходило во всё более и более спокойное; он, чудовище, позволял себя ласкать так, как будто он был специально создан для подобных ласк.

На самом же деле расточаемые ласки на него совсем не действовали.

И действительно, как только Симон покинула нашу квартиру, обещав посетить нас на будущей неделе, мой хозяин бросился к маленькому столику и принялся писать:

«Милая маленькая Берта, я вернулся из поездки; моя первая мысль была о тебе. Я буду счастливейшим из мужчин, если завтра, в четверг, к двум часам ты придешь ко мне поболтать. Я тебя жду и... и покрою твои уста прелестными поцелуями.

Твой Волк».

— Одной, — сказал он.

«Привет тебе, Пуизетта; ты меня, вероятно, забыла, так как от тебя нет никаких известий. Я вернулся в Париж. Хотел тебя видеть: мне необходимо ощущать твое дыхание и целовать твой миленький носик. Можешь ли выбраться в пятницу? Я тебе буду вечно благодарен. Целую тебя в носик! Приходи в добрый час.

Твой Медведь».

— И второй!

«Крошка Марта, если бы журналы в своих ежедневных похвалах не убеждали бы меня, что ты жива, я бы считал тебя умершей. По субботам ты всегда свободна. Приди же ко мне хоть повидаться. В награ-

ду я тебе кое-что покажу. Я тебя обожаю!
Целую куда только можно!
Медвежонок».

— И третьей!

«Сударыня докторша, ваша щепетильность, по всей вероятности, задета. Очень глупо с вашей стороны дуться, вместо того чтобы прийти и сделать мне выговор. В наказание я готов исполнить всё, что вам заблагорассудится. В воскресенье днем я вас жду. Добро пожаловать, несносный характер. Вы меня случайно видели беседующим с двумя кокетками. Приходите же скорей, в воскресенье, всё искуплю. Жду вас, ваши нервы и ваше злопамятство.

Господин, который доказал вам по крайней мере два раза, что вы к нему равнодушны».

«Моя дорогая Жанна, я уже несколько дней в Париже. Я себе не представляю большего удовольствия, чем целовать твой обворожительный ротик. Приходи же в понедельник вечером пообедать со мной. Мы будем вдвоем, только вдвоем. Понимаешь ли ты, что утверждение «только вдвоем» обещает наслаждения? Умоляю сообщить, если ты будешь занята. В ожидании ответа целует тебя твой Старый сосед».

— Ещё два... Пять! Кому?.. Я имею ещё одну Жанну... «Обожаемая Жанна, вторник ли ещё твой любимый день?

Если да, то приходи в ближайший вторник ко мне пить шампанское. Мы попытаемся доставить себе много развлечений; о! королева страсти! Уже довольно давно мы не чокались с тобой! Я рассчитываю на тебя, или предупреди меня как можно скорее письмом, чтобы я мог распорядиться тем

временем. Целую твои порочные глаза.

Твой медвежонок».

— И седьмой! ещё одной Жанне!..

«Моя крошка Жанна, дева порочная, не перестающая возбуждать мое любопытство, в ближайшую среду, когда ты пойдешь на урок пения к профессору — я трепещу, что он преподает тебе не свое искусство — ты проведешь в моей берлоге около двух часов, по крайней мере, если ты не предпочтешь позавтракать со мной; тогда это будет в полдень. Возможно ли это, мадемуазель? Клянусь тебе головой моего при- вратника, что я не буду больше лгать о твоей добродетели и я сделаю вид, что верю, будто ты порядочная женщина. Целую твой канальский носик и утверждаю, что я пробуду в Париже всего несколько недель, так что ты поступишь очень глупо, если не воспользуешься случаем.

Твой профессор вздохов».

— Теперь всё! Вот и вся неделя распределена. Если вдруг возникнет непредвиденный отдых, то можно будет подставить других, как в театре: например, m-me Берта, будучи нездоровой, может быть заменена m-lle Марго, которая в роли влюбленной заслуживает самой живой благодарности; эта юная артистка действительно богато одарена.

Да, да, с удовольствием я вспоминаю всех моих маленьких любовниц, этих милых чертенят, с которыми так незаметно летит мое драгоценное время. Симон, ты уязвила мое самолюбие! Однако, моя дорогая графиня, только два часа у меня продолжалось отчаяние; но это уже кончилось. В один прекрасный день, если к тому представится случай, я тебе скажу, что я отказываюсь посвятить тебе и десять минут мучений и двадцать минут счастья. Я становлюсь низким, когда добродетель сопротивляется, я снимаю тогда осаду.

Есть, моя дорогая, города, которые не так разукрашены, как твой, и в котором люди друг другу совершенно не надоедают.

Во всех случаях они меня утешают, и я себе всё время твержу: «Если тебе иногда нужно было скрыть маленькую мерзость, косматые ноги, мягкую грудь, живот в красных полосках, какие-нибудь грустные недостатки или тайные нарывы, ты не был никогда так стыдлив». И к тому же, мне неприятны женщины, которые думают о своих мужьях, когда влюбленный усам щекочет их губы. Эти красавицы слишком зелены. Но как вам понравится, если я в течение семи лет буду ждать, пока они расцветут, когда всего лишь в двух шагах можно собрать так много красивого, зрелого, сладкого винограда? Они сегодня слишком зелены? Я их вновь увижу через семь лет. Может быть, они к тому времени уже созреют?

Он запечатал конверты.

— Как глупы, когда любят! Я содрогаюсь при одной мысли, что если бы у меня был характер иной, чем тот, которым меня наделила природа, я был бы, может быть, несчастен! Она хочет быть моей сестрой? Почему бы не теткой?

Он закурил папиросу, взял перчатки, надел легкое пальто, пригладил усы, повернулся и вышел.

Не смею утверждать наверняка, но думаю, что в это время графиня Р..., беспечная Симон, так же мало беспокоилась о своей любви, как и мой хозяин.

Возможно, что упорные люди, борцы не на жизнь, а на смерть, должны быть очень интересны, но они не менее достойны удивления, чем те, которые очень скоро утешаются, когда враг, т. е. женщина, решилась сопротивляться. Мой хозяин, был ли он влюблен? Нет, он был только ветреный любовник, который срывает направо и налево цветы удовольствия, подобно пчеле,

собирающей мед. Он таков, как он есть. Зачем же ему нужно перемениться, если он счастлив, будучи таким, и зачем же другие хотят, чтобы он изменился? И потом, действительное или кажущееся равнодушие дает иногда поразительные результаты. Скольких кокеток я видела, которые стыдились приподнять до колен юбку, когда мой хозяин их умолял и которые сами обнажались, когда он их ни о чем не просил!

...Полночь. Стенные часы бросили в вечность свои двенадцать ударов, когда дверь открылась.

— Осторожнее, — слышался голос моего хозяина. — Я разыщу спички... Где лампа? Ах, вот она... Войдите, прошу вас. Я сейчас зажгу огонь.

Молодая женщина среднего роста, очень бледная, с большими глазами, которые казались чёрными, появилась на пороге комнаты. Она оглядела всё наши вещи так,

будто должна была отдать о них отчет хозяину дома.

Пока она быстрым взглядом пробежала по комнате, он зажигал лампы и свечи.

— Мы у себя. Освоились ли вы уже с моей квартиркой? Представляю вам кровать — важная особа, с которой, я надеюсь, вы скоро познакомитесь; вот кушетка — послеобеденное поле битвы: это чудесная соучастница, которая мне часто доставляла много удовольствий; я чуть не позабыл маленького стульчика, хорошего товарища, который всегда готов к исполнению своих обязанностей. Остальных же не стоит представлять.

— У вас мило, — сказала молодая женщина. — Уютно и со вкусом, мне нравится: подбор цветов, форм и вещей.

— О! будем говорить о другом; поговорим о вас. Я счастлив, что случай свел нас на жизненном пути. Знаете ли, вы хороши!

Она это, очевидно, знала... Можно пройти мимо всего в женщине, но когда она хороша...

— Вы любите шампанское? У меня есть превосходное...

— Я предпочитаю сладкое.

— Я вас прошу, не бойтесь отдаться веселью. Снимите шляпу, платье, корсет. Вы — царица вечера!

Дама была очень хорошо сложена, честное слово! Красивый бюст, матовая кожа, изящные линии. Она должна была быть лучше в простом платье, чем в этом напудренном.

Когда возвратился мой хозяин с шампанским и стаканами, она поспешно бросилась к нему и, как будто бы хотела отделаться от скучной, тяжелой работы, спросила:

— Вы будете милы со мной? Мне скучно об этом говорить с вами, но правда ли?..

— Я с тобой поступлю очень благородно! Ты будешь иметь это счастье! — ответил мой хозяин.

И он пригласил её сделать свой туалет; затем он с вниманием врача осмотрел её всю, но ничего подозрительного не нашел. Взгляд был ясен, белые зубы, казалось, никогда не нуждались в косметике, ногти сияли чистотой.

Когда они улеглись, он сказал:

— Расскажи мне твою историю. Это всегда очень интересно, жизнь женщины.

— О! — сказала она, — моя жизнь не настолько забавна: мои родители, которые меня очень мало любили; больная мать; отец, который меня двенадцатилетнюю пытался изнасиловать и сделал это, когда мне было шестнадцать лет. Три месяца спустя я уже пошла по торной дорожке.

Я стала содержанкой моего отца, который бил меня, если я не выполняла его требо-

ваний. Потом меня взял один молодой человек. Я с ним прожила десять месяцев. Когда я забеременела, он скрылся. Я родила мальчугана; он на воспитании. Потом у меня было много любовников... Среди них были добряки; в большинстве случаев любовь длилась два месяца. У меня теперь есть любовник, которому не минуло ещё восемнадцати лет; он делает для меня всё, что может. В течение последних восьми дней я его редко вижу; он сидит около своей больной матери. Иногда, по вечерам, когда мне скучно станет сидеть дома, я выхожу, прогуливаюсь. Я никогда не иду к мужчинам... Я не знаю, почему я за вами последовала... Я не думала ложиться... Вы мне понравились... В вашем голосе и в ваших глазах есть что-то доброе, чего нет в других глазах и голосах. К тому же вы так мило со мной говорили! Это бывает очень редко.

— Правда? — спросил мой хозяин. — Как тебя зовут?

— Елена. Но это не мое имя; мое настоящее имя Августина.

— Хочешь ли ты спать?

— Нет. Я иду спать всегда очень поздно...

— Потому что, крошка, если хочешь спать, то незачем тебя стеснять. Мне будет неприятно, если ты будешь чувствовать себя стесненно... Ты, может быть, устала...

— Вы злюка. Почему? Я любительница любви. Любовь меня не утомляет. Я воспитана вкусами моего отца.

— Страстная?

— О! очень страстная. Это меня делает больной, бледной, слепой. Я слишком много отдаюсь. Это сильнее меня!

Разговор утих...

На следующее утро мой хозяин всунул в кошелек Елены несколько луидоров; она ушла очень довольная, так как, по-

видимому, не привыкла к подобной щедрости.

Бедная гризеточка! Она меня заинтересовала. Она была так робка, так мила! Жаль, что я её больше никогда не увижу.

После её ухода мой хозяин написал графине несколько слов на голубой бумаге:

«Дорогая Симон, я провел ночь, которая успокоила мое разыгравшееся воображение и избавила меня от всяких благоглупостей. Вы правы. Будем вечными друзьями. Я не люблю вас больше той любовью, которой любил вчера. Я ваш брат, а вы моя сестра. Если вы сумеете мне уделить несколько минут, я буду счастлив. Не забывайте меня. Целую ваши пальчики».

Он не подписался; это благоразумно, когда пишут к замужним женщинам.

XIX.

Сильный звонок в дверь. Часы в этот момент пробили девять.

— Кто там? — спросила Жанна тихим голосом.

Мой хозяин, сильно уставший от бессонной ночи, что-то пробормотал.

— Милый, звонили, — сказала ещё раз Жанна.

— А! ты полагаешь?.. Ну и хорошо! Пусть звонят... Давай спать, милашка, будем спать...

Раздались ещё два звонка.

— Верблюд! — сказал мой хозяин. — Он не хочет оставить меня.

— Может быть, письмо? — сказала она.

Мой хозяин рассмеялся. Он взглянул на хорошенькую девочку, лицо которой, об-

рамленное светлыми волосами, было восхитительно, и сказал с сожалением:

— Письмо! Неужели твоя догадка заключает в себе лучшее, что ты желала бы, для своего сна?

Два сильных звонка прервали их разговор.

— Черт подери это животное! — выругался мой хозяин, подсакивая на кровати.

Он натянул кальсоны, накинул халат и крикнул изо всей силы:

— Кто бы ты ни был, что бы тебя ни привело, каков бы ни был твой возраст, твоя профессия, твое знание, будь ты проклят за то, что без жалости дерешь этот медный ободок, который необходимость заставляет вешать у дверей!

Он обул туфли и всю дорогу от кровати в прихожую продолжал свою брань.

Когда он открыл дверь, слышался очень любезный голос:

— Извините меня, сударь. Я М. Сусебрик, судебный пристав; пришел к вам, чтобы наложить арест сообразно приговору суда, сделанному против вас по милости М. Таписта, портного...

— Нахал! — прервал мой хозяин.

— Мой клиент... — возразил пристав.

— Неряха! — продолжал мой хозяин.

М. Сусебрик очень любезно улыбнулся, а мой хозяин тотчас же сказал:

— Вы смеетесь! Насмехаетесь надо мной! Это не мешает мне предпочитать лучше видеть ваше смешное лицо, чем иметь такую грязную голову, как у вас, но входите же и принимайтесь за свое недостойное ремесло.

— Сударь, вы забываете, что мое звание заслуживает уважения...

— Я смеюсь над этим... Вытрите сначала ноги. У меня очень дорогие ковры, и я не

позволю запачкать их вашими грубыми сапогами...

— Сударь...

— Я также попрошу ваших спутников отряхнуть свои лохмотья в передней, а то, я боюсь, они мне разнесут насекомых по всему залу.

— Вы ужасны по отношению к этим людям, сударь!

— А от вас, М. Сусебрик, несет табаком. Когда вы разговариваете со мной, я требую, чтобы между нами было не менее метра расстояния. Между прочим, я должен вам заметить, что вы пришли сюда наложить арест, а не надоедать мне вашими разговорами, а посему исполните вашу обязанность, получите, что вам следует, и закройте ваш дурацкий рот. Я боюсь, чтобы вы... и ваши спутники не стянули некоторых драгоценных вещей, и потому буду следовать за вами. Если я замечу что-нибудь подобное, я вас спущу с лестницы...

Они были в маленькой гостиной. Судебный пристав диктовал своему секретарю и в то же время сам записывал:

— Стол чёрного дерева...

— С двумя ящиками, — сказал мой хозяин, — которых я вам не открою, хотя у меня есть ключ. Они полны золота. Если вы хотите заглянуть в них, то есть слесарь на улице Daumednil a Vincennes; туда всего только тридцать минут езды...

— Диван...

— Широкий и низкий, на котором, мой милый Сусебрик, я обнимал женщин, один локон которых стоит больше всей вашей особы...

— Карточный стол чёрного дерева в итальянском вкусе...

— На котором я восемь дней тому назад выиграл в экарте ночь любви с такой женщиной, к которой, я надеюсь, вы никогда

не будете иметь удовольствие даже прикоснуться.

— Кресло... три стула... стенные часы из фарфора...

— Вы говорите абсурд! Это из фаянса! Вам ещё нужно объяснять это? — вскричал мой хозяин. — Фарфор, животное вы, просвечивает, фаянс же непрозрачен, как ты сам...

— О! сударь... пожалуйста, перейдем в соседнюю комнату.

— Это в столовую. Вы там увидите шесть стульев, стол, буфет, швейцарскую кушетку, персидские и китайские блюда... Но, ради Бога, не накладывайте ареста на остаток холодного филея, который мне будет к завтраку. Я обожаю холодный филей... а вы?

— Я...

— Очень мне нужно знать, любите ли вы его! Неужели вы думаете, что я интересуюсь вашими вкусами? Я знал в Нормандии одного наглеца, который имел вашу дурацкую вялую походку, я бы не удивился, если бы это были вы. Вы очень похожи на него.

— Сударь, мы идем дальше...

— А! Я вас там ждал... Это спальня... Там на кровати под одеялом лежит изящная женщина... Поставщик царского гарема дал бы за неё солидную сумму. Не забудьте её отметить в вашей описи. Её тоже можно продать с молотка...

Пристав Сусебрик и его два спутника вошли в спальню. Действительно, у него была мерзкая голова, у этого пристава. Я впервые видала такого. Высокого роста, худой, бледный, с обыкновенным глупым и злым лицом, с чёрными усами, большими ногами...

— Шкаф, — диктовал он.

— Полный шитой золотом и украшенной жемчугом одеждой...

— Библиотека...

— С редкими книгами. Там есть такие старые негодные книги, которые стоят около трех су, слышите ли вы? Там есть и другие, которые стоят дороже. Но за этими книгами высокого достоинства следуют уже имеющие ценности только для разносчика... Записали ли вы даму на кровати?..

— Кушетка...

— А! Это славная мебель! — воскликнул мой хозяин. — Эта кушетка была поверенной стольких прекрасных признаний...

— Комод красного дерева в стиле Людовика XV...

— Не забывайте в особенности бронзу, это самое модное теперь...

Пристав сложил свои бумаги.

— Вы не продолжаете больше? — спросил мой хозяин. — А этот старый ковер вы забыли? В продолжение семи лет мои ноги им добросовестно пользовались... Может быть, он станет потом дороже, если вы объявите, что на этом ковре королева Rapano окончила свое последнее произведение...

— Теперь сударь, вы знаете, какой срок между описью и продажей. Если вы согласны вступить в сделку с моим клиентом...

— С этим гулякой!

— Или со мной...

— Вы мерзки, я вас видеть не хочу.

— Мы в вашем распоряжении, — закончил пристав.

Последние формальности исполнены. М-е Сусебрик и его помощники, оскорбленные и взбешенные, удалились. Мой хозяин проводил их до двери, которую громко за

ними захлопнул. Потом он спокойно улегся, как будто ничего особенного не случилось.

Они не сразу заснули. Жанна сочла нужным сказать ему несколько слов в утешение. Она это очень мило сделала.

Что же касается меня, то я, очень обеспокоенная, нахмурилась в своем углу и как старая пустомеля тихо время от времени повторяла:

— Неужели меня продадут?.. Неужели меня продадут?..

Ах! если бы у кушеток могло биться сердце!.. Я клянусь, что почти ощущала его.

XX.

Вчера наложение ареста, сегодня положение адюльтера. Это так же плохо, как и возможно. Я опасаясь ещё большей катастрофы. Вчера у нас сажа загорелась... Это, должно быть, очень неприятно, когда горят. Всё-таки я бы лучше хотела сгореть в огне, чем быть отправленной на продажу в магазин.

В три часа пополудни хорошенькая женщина с робким и порочным видом бросилась на шею к моему хозяину, который, вероятно, ждал её, потому что был только в нижнем белье из тонкого полотна, в желтых шёлковых носках и в лакированных туфлях. Он был, впрочем, очень хорош. Мужчины, подобно женщинам, в неодетом виде бывают особенно интересны. Его широкая волосатая грудь, выдающаяся вперед; его могучие руки и ноги, с крепкими, как канат, мускулами, его плоский живот, бычья шея, на которой мускулы натягивались как если бы они были из стали — всё это вместе составляло замечательную фи-

гуру, действительно способную увлечь такую хрупкую и простенькую женщину, как Валентина.

Я всё больше и больше обожала хозяина. Его богемское существование меня бесконечно забавляло. Красивая дама с карими глазами уже давно не была у нас, и всю мою привязанность, всю мою любовь к ней я перенесла на своего хозяина.

Прошло уже около часу, как они с Валентиной болтали всякий вздор, тот вздор, который служит прелюдией к более серьезным вещам, как вдруг раздался звонок.

Я забыла сказать, что Валентина была одета немногим лучше его — на ней были только рубашка, чулки и ботинки — ботинки всегда снимаются в последний момент. Ах! если бы не было ботинок, честное слово, дамы были бы всегда нагими.

Как бы предчувствуя, Валентина воскликнула:

— Мой муж!

— Ты шутишь! — сказал мой хозяин. — Почему это может быть твой муж? Разве он был настолько любезен, что предупредил тебя?

— Я уверена, что это мой муж, — возразила Валентина. — Я погибла, погибла! Ах! Боже мой! Где мне спрятаться?

Мой хозяин бросил наполеоновский взгляд на Валентину и оценил её состояние.

— Иди сюда, — сказал он.

У двери ещё раз позвонили. И почти тотчас же раздался голос:

— Именем закона, отворите!

Тем временем Валентина, присев на корточки, поместилась под креслом, сократившись там, насколько могла. Это было неплохо; до сих пор я видала женщин, которые никак не могли уместиться на таком

тесном пространстве. Красная бахрома опустилась так, что ничего не было видно.

— Не шевелись! — прошептал мой хозяин. Он свернул в один пакет шляпу и одежду и запихнул всё это в деревянный ящик, почти в тот самый момент, когда отмыкали дверь. Затем он взял газету.

В прихожей раздались быстрые и в то же время осторожные шаги.

Мой хозяин сидел на мне в своем странном костюме, придвинув ноги к огню, и как будто читал газету.

Как стая диких зверей, ворвались в комнату несколько человек.

Муж, бледный от волнения, от ужасного волнения рогоносца, сопровождаемый полицейским комиссаром, испускал какое-то рыканье...

— Ах! Несчастные! Я им покажу!.. Где ты, недостойная женщина?

— Ты скоро кончишь? — хладнокровно спросил мой хозяин, решившись наконец встать. — Где это ты получил воспитание? Мой старый Альберт, ты меня очень удивляешь! Я полагал, что ты воспитаннее...

Тот продолжал кричать:

— Где моя жена?

— Твоя жена? Твоя жена! Но ты с ума сошел! её нет здесь, твоей жены! Зачем ей быть здесь?

— Она здесь! Она меня обманывает! Я её проследил! Ты её любовник!

И он повернулся к комиссару с налившимися кровью глазами, из которых, однако, капались слезы.

— Найдите её, господин комиссар! Я её убью...

— Спокойнее, сударь, спокойнее! Мы будем искать, и, если m-те Люрси здесь, мы её найдем. Нет ли у вас женщины, сударь?

— Я её не вижу, — отвечал мой хозяин. — Но я не поручусь, что под мужской одеждой этого слесаря не скрывается женщина.

— Нам не до шуток теперь, сударь. Нас сюда пригласил М. Люрси, один из ваших друзей, чтобы застать у вас на месте преступления неверную жену.

— Люрси с ума сошел, господин комиссар. Это мой друг детства, я его очень хорошо знаю; семи лет от роду он очень важно говорил: «Я женюсь, но буду рогоносцем». Он женился, и ему хочется быть рогоносцем. Ему только этого недостает для полного счастья. Я очень сожалею, что не могу доставить ему такого удовольствия. Я люблю м-ме Люрси; она очень изящная женщина; я к ней чувствую большую симпатию; но я вам клянусь, что она не моя любовница.

В общем, мой хозяин не лгал: Валентина действительно не была его любовницей; они ещё не имели для этого времени.

Пока они разговаривали, агенты, осматривавшие помещение, подошли к комиссару:

— Здесь нет этой женщины, — сказали они.

— Тьфу, пропасть! — воскликнул мой хозяин.

— Почему вы не открывали нам, сударь? — очень любезно спросил его комиссар.

— Потому что не был предупрежден о вашем визите, я его не предчувствовал; я думал, что это какая-то рожа пришла. Я не знаю, кто из вас звонил, но я полагал, что это брильщик...

— Нас было несколько, — сказал, смеясь, комиссар.

Один агент, присев на корточки, смотрел под кровать; другой ощупывал самую кровать.

— Не хотите ли вы, господин агент, заглянуть в футляр моих часов?

— Но, однако, она вошла сюда! — вопил обманутый муж, взбешенный тем, что ещё не уверился в своем несчастье.

— Ты глуп, Люрси, — сказал мой хозяин. — Ты полагал, что тебе наставили рога; теперь ты имеешь доказательство, что этого нет, и вместо того, чтобы быть в восторге, ты продолжаешь ныть. Тебе уже, видно, очень хочется, чтобы это было.

— Я видал, как Валентина вошла в этот дом.

— Здесь около сорока квартир; почему же ты хочешь, чтобы она была у меня? Не представляешь ли ты себе, что я единственный мужчина после тебя, который может нравиться твоей жене? Это мне очень льстит. Господа, я думаю, что ваша миссия окончена. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы согласились удалиться. Я сегодня не дома обедаю; уже половина пятого, а я очень долго одеваюсь... Мне нужно хо-

рошенько принарядиться, я обедаю у одной графини.

— Извините меня, сударь, — сказал комиссар, — если я причинил вам неприятности. Обязанность заставляет должностных лиц повиноваться мужьям в опасности.

— Я понимаю и вполне вам сочувствую, господин комиссар. Что же касается тебя, Люрси, то остерегайся, я тебя ненавижу, я тебя презираю, ты ещё услышишь обо мне.

Он проводил их до двери, но вдруг какая-то идея пришла ему вдруг в голову.

Все уже почти спустились по лестнице, когда он позвал:

— Господин комиссар, подымитесь, пожалуйста, ещё раз по этой лестнице. Я бы вам хотел рассказать о покушении на кражу, жертвой которой я недавно сделался по милости судебного пристава Сусебрика. На две минуты только.

Комиссар вернулся один.

— Стаканчик портвейну, господин комиссар? И поговорим по-дружески. Вы прекрасный человек, я вас очень уважаю.

Перед ними стояло три стакана портвейна.

— Как вы думаете, ведь мой друг Люрси заслуживает того, чтобы я его сделал ро-гоносцем?

— О! конечно! — воскликнул любезный комиссар.

— Ну и хорошо, что вы так посоветовали: если Бог, т. е. Валентина, этого захочет, то это будет. Ты хочешь, Валентина? — крикнул он.

— Да, — раздался из-под кресла голос.

Комиссар вскочил.

— Позвольте мне представить вас очаровательнейшей в мире женщине, — сказал мой

хозяин. — Но закройте глаза, не смотрите. Не пытайтесь открыть моего тайного места.

Комиссар не сплеховал.

Мой хозяин приподнял кресло; из-под него показалась во всем блеске своей помятой красоты Валентина.

— О! У меня судороги в ногах, — просто сказала она.

Мой хозяин представил их друг другу.

— Откуда вы пришли, madame? — воскликнул комиссар.

— Ах, сударь, и не говорите об этом. Это мой секрет. Но если мой супруг прибегнет ещё раз к вашей помощи, то действуйте быстрее. Что было бы, если бы у меня судороги начались на пять минут раньше!..

Комиссар поклялся всеми святыми, что в следующий раз он постарается.

Когда он ушел, Люрси тут же стал рогоносцем. А мой хозяин и Валентина были очень счастливы по этому поводу.

XXI.

Сочельник. Около полуночи мой хозяин и его милая подруга, красивая дама с карими глазами, вернулись из театра. Холодный ужин дожидался их в столовой.

Говорят, что когда люди устают лгать, они начинают особенно задирать нос, говоря правду. У моего хозяина разгладились морщины на лбу, бороздившие его в продолжение нескольких недель. Его дорогая подруга напевала арию из оперетки и с изящной неловкостью старалась изобразить па из балета, теряя шпильки, которыми держалась шляпа на её длинных шелковистых волосах. Занавеси были на всех

окнах спущены. Какая-то благотворная связь существовала между ними и согревалась, подобно нам, огнем, горевшим в камине.

В то время, как мой хозяин заканчивал последние приготовления к ужину, его подруга облачилась в пеньюар и распустила по плечам волосы. Она была счастлива ужинать в том же самом костюме, что и девять лет тому назад. Этот ужин был своего рода празднованием годовщины. Десятый год их связи начался несколько недель тому назад... Девять лет!

Они сели за стол. Весело вылетела пробка из бутылки с шампанским.

— Я так довольна, что мы решили здесь ужинать, скачала она. — Здесь хорошо, в этой труппе. И потом, я так счастлива, что ни одна женщина не переступила этого порога и что эта святыня не была никем осквернена; я здесь постоянно вдыхаю свои духи, запах, который я оставила в

этой комнате с первого же раза, как вошла сюда... Ах! Вознаградит ли моя любовь в достаточной степени всю твою верность, всё уважение, питаемое тобой к женщине, которую ты называешь «твоей феей с карими глазами»?

Конечно, я не могла знать, что почувствовал мой хозяин при этих словах, но я бы не удивилась, если бы тайные рыдания потрясли всё его могучее тело.

Но она не дала ему времени долго останавливаться на сожалениях.

— Я тебя люблю всем сердцем. Я хочу быть связана с тобой в продолжение всей моей жизни. Если бы ты знал, как велика моя благодарность! Начиная с нашего первого поцелуя, ты мне не доставил ни одной неприятности, даже самой пустой. Всегда ты любезен, услужлив, предупредителен и добр. Ты меня сделал счастливейшей из женщин. Я тебя люблю всей душой! Если злые завистники и пытались убедить меня,

что не существует мужчин, не обманывающих своих любовниц, то я не хотела верить им.

Если другие советовали мне шпионить за тобой, я не хотела внимать их мерзким советам. Я доверяю тебе и всегда хочу доверять тебе.

Она поднялась с бокалом шампанского в руках:

— Я пью за нашу любовь и даю обет до конца своей жизни ужинать под Рождество только с тобой вдвоем!

Затем я услышала поцелуи, поцелуи и ещё поцелуи...

— Я хочу опьянеть! — сказала очаровательная женщина. — Да, я хочу опьянеть, чтобы у меня вскружилась голова, чтобы на меня напало безумие! В эту ночь я готова удовлетворить все капризы моего возлюбленного. Всё будет прекрасно!

Некоторое время спустя, поддерживаемая под руку моим хозяином, она вошла в комнату. Она смеялась, она была пьяна. Тихо он раздел её, снял ботинки, чёрные шёлковые чулки, а она напевала. Он уложил её в постель; она всё напевала. Вдруг она потребовала, чтобы её ботинки были спрятаны в камин и туда был положен рождественский подарок. Мой хозяин повиновался ей.

Он вложил в один башмак футляр с браслетом, украшенным жемчугом и драгоценными камнями, а потом возвратился к своей подруге, которая уже заснула, как маленькая девочка, которая очень много смеялась, пела, плясала, болтала и вконец утомилась.

Она слегка приподнялась.

— Я сплю, — прошептала она. — Это всё шампанское... Дай мне заснуть на десять минут... А потом... После это пройдет... Я сплю... Поцелуй меня.

Она протянула ему губы и положила на плечо друга свою красивую головку с распущенными волосами, выделяющуюся из массы кружев и батиста.

Однако они не так скоро заснули. Я в своем углу долго слышала вздохи, поцелуи, нежности, где всё перемешалось — и радость, и счастье, и страсть.

Проснувшись на другой день Рождества, дама с карими глазами нашла в своем башмаке браслет, который принес ей маленький Дух, и, после целого потока ласковых слов, она ушла. Она не могла оставаться у моего хозяина целый день, так как должна была посвятить его семье.

Было ясно, что мой хозяин чем-то озабочен. Я не знала его забот: никто не поверит своих дел кушетке. Тем не менее я его настолько хорошо знала, что догадывалась, что нужно ждать сюрприза.

Около трех часов, когда уже стало темнеть — дни на Рождество очень коротки, — при-

слуга ввела посетительницу, лицо которой было покрыто густой вуалью. Я её раньше не видела. Хозяин предложил ей маленький стул поближе к огню. Она села.

— Несколько минут мы будем не одни. Постарайтесь согреть немного ваши озябшие ножки. Впрочем, я пойду предупредить прислугу, чтобы она ушла...

Молодая женщина не отвечала.

Через некоторое время он возвратился в комнату.

— Я к вашим услугам, — сказал он.

Тогда дама приподняла вуаль, сбросила с себя на кровать свое богатое меховое манти и, обратив к нему свое гневное лицо, заговорила:

— Вы меня недостойным образом обманули! Я решила отомстить вам. Вы могли сделать меня своей любовницей, но я не из тех, которых надувают. Отвечайте! Я вас

так же люблю, как и ненавижу; согласитесь ли вы бросить для меня ваших прежних любовниц? Вы мне клялись, что вы свободны! Согласны ли вы быть свободным для меня?

— Никогда в жизни! — воскликнул мой хозяин.

— Берегитесь! — закричала она, скрежеща зубами.

— Дорогая Габи, — сказал спокойно мой хозяин, — ты появилась в моей жизни как раз в тот момент, когда я так нуждался в такой женщине, как ты. В продолжение десяти или двенадцати лет я вел безобразную жизнь; мне теперь уже тридцать два года, и я обладал женщинами, которых больше всего желал; в моих объятиях были и такие, которых я вовсе не желал! Как много их было!.. Я уже разбит; я уже пресыщен. У меня большое отвращение к своему существованию. До сих пор я обманывал женщин, которые смеялись над моей

ложью. Я в восторге, что ты являешься с идеей мести. Я тебя только тогда желал, только тогда любил, когда ты ещё не была моей; как только я добился того, чего желал, я стал меньше любить тебя. Так уже я устроен. Если ты хочешь мстить мне, я тебя не стесню. Ты мне этим окажешь большую услугу. Если я принужден соединиться с тобой, то я лучше предпочитаю, чтобы ты убила меня. Это будет гораздо лучше. И потом, этот конец мне очень нравится. Я всегда любил романы. После того, как я столько прочел их, почему бы мне и не устроить один? Это будет так занимательно для хроники завтрашних газет. Я разорен; на мою мебель наложен арест на той неделе; я жду, что её продадут; если ты пришла прекратить мою драгоценную жизнь, то я умру, унося с собой в могилу самые лучшие воспоминания о тебе. Есть у тебя револьвер?

— Да, есть, — сказала Габи.

— Хорошо! А серьезное ли это оружие? Женщины не особенно хорошо знакомы с ним. Я не хочу, чтобы ты не попала в меня... Я хочу, чтобы ты меня наповал убила... Покажи свой револьвер...

— Он в кармане моего мантио.

— Можно мне осмотреть его?

— Да.

Мой хозяин достал револьвер. Это был маленький женский револьвер с перламутровой ручкой с серебряными инкрустациями и с маленькими гильзами.

— Как, вот этим ты мне хочешь мстить? Несчастливая, ты рискуешь натереть руки. Не был ли я прав, не доверяя тебе. Нужно было бы на всю жизнь заключить в тюрьму тех оружейников, которые имеют дерзость... — Он вложил револьвер в карман её мантио и взял с ночного столика свой.

— Я хочу предложить тебе свой, Габи. Это в твоих интересах. Смотри.

И он показал ей гильзы.

— Вот это серьезные гильзы. К тому же его удобнее держать. Ты увидишь, что ты его тоже удержишь; ты помещаешь указательный палец на курок; прицеливаешься в висок или в лоб, нажимаешь курок, раздастся бум! и я буду мертв...

— Умер! — воскликнула она.

— Ах! Совершенно мертв! О! эти пули, когда попадают, не дают спуску...

— Но это ужасно, о чем вы говорите!

— Напротив. Я делаю это из эгоистических побуждений. Лучше уж убить начисто, чем поранить в ухо или же нанести какую-нибудь безобразящую рану... Посмотри-ка... Но, прости, позволяешь ли ты мне кое-что тебе предложить? Хочешь ли?.. Кубок шампанского?.. Выпей немного, милая Га-

би; это подкрепит тебя, отчасти и успокоит... Ах! моя дорогая, ты мне окажешь огромную услугу!

Он раскупорил шампанское и разлил его в большие бокалы.

— А ты себя чувствуешь хорошо? — спросила она. — Ты был немного не в духе во время нашего последнего свидания... Почему тебя не было в этом году на юге? У тебя легкие слабые, сырость тебе не вредна?.. Что ты подделываешь в Париже? Ты неразумен...

Он сел за маленький столик и написал.

— Что ты там делаешь? — спросила Габи.

— О! Ничего особенного... Подожди меня несколько секунд... это для тебя важно...

Она тихо встала и без малейшего шороха платья приблизилась к нему настолько близко, что могла прочесть через голову моего хозяина следующее:

«Господин комиссар, из личных побуждений, которые никого не касаются, я решил пустить себе пулю в лоб. Я прошу не делать вскрытия моего тела. Но прошу отправить его лучшим путем на родину. Кладбище расположено недалеко от церкви, где меня крестили; на нём обитают разного рода пернатые; среди них, вероятно, найдутся мне ровесники; мне будет приятно слышать их пение».

Он сложил письмо, вложил его в конверт, на котором написал: «Господину полицейскому комиссару».

— Кончено! Теперь я, милая, готов на всё.

Почему это его грустный голос так нежно звучал?

Когда он повернулся к молодой даме, он, к своему удивлению, заметил на её глазах слезы.

— Почему ты плачешь? — воскликнул мой хозяин. — Зачем текут слезы из твоих пре-

красных глаз? Я тебе запрещаю плакать. Ты слышишь? Остайся недостойной женщиной, которую я обманул... Слушай, Габи, слушай... Когда я тебе говорил, что я тебя люблю, я этого не думал. Я тебя обманывал, говорю тебе! Я обманывал... Когда я тебя умолял позволить прикоснуться к твоим устами, когда я сравнивал их свежесть с розами, я лгал, я лгал!.. Когда твои глаза были полны нежности и я клялся, что их глубина похожа на весеннее небо, я опять лгал! Я всё время лгал... Я хотел только унижить тебя в твоих же собственных глазах, покрыть тебя всей своей грязью, сделать тебя женщиной, подобной тем, которые так часто отдаются мне и которые выходят из моего жилища с разбитым сердцем... Я тебя никогда не любил, никогда, никогда... Я не только легкомысленный человек, я чудовище...

— Это неправда, это неправда! — воскликнула Габи. — Когда ты мне говорил, что ты

любишь меня, ты меня любил!.. Я в этом уверена!

— Нет, нет, нет! Зablуждение! Я лгал ещё больше. Ну, пора, возьми этот револьвер, прицелься и выстрели. Будь безжалостна. Жалел ли я тебя для себя?

— Ах! У меня нет мужества...

— Как, ты со мной сыграешь эту подлую штуку?.. И ты даже не будешь в состоянии отомстить? А! Но, нет! Я хочу, чтобы ты исполнила то, что клялась совершить, когда сюда приходила. Я не позволю тебе изменить своего намерения. Я готов. Буду ли я завтра тем же? Убей!.. Убей! Убей!.. И, может быть, я тебя люблю...

— Я тебя ненавижу! Я не могу... Я более не в силах!..

— Если ты меня ненавидишь... Ты должна меня ненавидеть... Вспомни: я тебя уверил, что любил только тебя... Я клялся головой, что буду тебя вечно любить... За это ли ты

отдалась?.. Сегодня ты расстроена... Ужасный грех точит твою совесть... Твоя жизнь разбита... Если у тебя не будет утешения в отщениии, вся твоя жизнь будет страшным отчаянием. Вот, возьми это оружие... Положи один палец вверх, а другой сюда вниз... Нажми... И кончено! Сделай, я тебя умоляю!..

Габи плакала. Она оттолкнула моего хозяина. Потом устремила на него свой взор. Через минуту, наконец, она пришла в себя и сказала громко:

— Ты огорчаешься. Выскажи мне свое горе. Я к тебе равнодушна. Я тебя прощаю, тем более, что я не оправдываю своего гнева... Бедный друг... У тебя больное сердце, твой мозг потрясен... Я твой друг. Хочешь? Я буду тебя утешать, слушать тебя. Я разделю с тобой все твои горести. Я, может быть, тоже буду нуждаться в наперстнике. Мы постараемся взаимно утолять печали друг друга... От этой частой связи, в которой главное место займет дружба, мы

получим, кто знает? такую светлую радость, которая искупит всю нашу жизнь, по временам такую глупую и чувственную...

Она ласкала его, целовала его глаза; прильнувши своими губами к его губам, она оставалась несколько мгновений в таком положении. Она гладила его волосы и затылок и тесно прижималась к нему. О! как походили эти недавние враги на возлюбленных! И как они были прекрасны! Я, как дура, страдала в своем углу; я никак не могу покорить свою чувствительность.

Габи увлекла его ко мне и села, близко наклонившись к нему.

— Говори со мной, — сказала она. — Говори со мной! Попробуй мне рассказать историю твоего сердца. Я ведь не обыкновенная женщина для тебя.

Я друг, я поверенная в твоих делах; для тебя я готова на всё. Скажи мне, могу ли я за тобой последовать. Поступай со мной так, как будто я была не менее уважаема

тобою. Я не женщина, у меня нет больше прежней красоты, я уже не приманка, у меня уже нет больше женственности, и я люблю... Очень! Перемени тон, говори ласковее, пусть твой голос ласкает меня. Говори совсем тихо, оттеняя созвучие слов... ведь ты умеешь так мило говорить, мой обожаемый, когда хочешь!

— Я болен, милашка Габи; у меня болезнь, о которой я никому никогда не расскажу. Эта болезнь отравляет мою жизнь. О! моя жизнь! Как я её возненавидел... С двадцати лет вся моя жизнь — сплошной флирт! У меня было более тысячи содержанок!.. О! Что за жизнь! И я не могу заставить себя переменить мой образ жизни!.. Ты видишь, Габи, я был бы верным мужем, преданным, очень надежным... Я люблю флирт... Да, я знаю нескольких женщин... Но это было невозможно. Семейная жизнь, как я её понимаю, требует детей. Ну, у меня не может быть детей...

— Ах! — воскликнула Габи.

— Я не могу. Это мой порок. Как! это тебя удивляет, что животное такое солидное, как я, с такими могучими плечами, громадными руками, геркулесовской грудью, является таким бесполезным. Всё же это правда. И это меня мучит. Я бы хотел иметь ребёночка, мальчишку, с вьющимися волосиками, невинными глазёнками, безумными шалостями; он будет моим, в нём будет течь моя кровь, он будем моею частью.

Я уже давно полагал, что наступит день, когда я пожалею об этом... недуге. Я смеялся над ним, но в глубине души я надеялся, что это пройдет, что я опять воскресну. Мои надежды не оправдались...

— Почему?

— Мертвецы не воскресают.

— Однако...

— Нельзя доверять наружности... Я стараюсь, я уже на самой верхней ступени своей

жизненной лестницы. Я уже достиг максимума моего физического могущества. Дальше идти некуда. Мне уже нужно малопомалу спускаться. И, дорогая, у меня не будет этой радости, видеть около себя ребенка, маленького ребенка... Иметь детей, как это очаровательно! Сначала дитя такое маленькое, слабое и нежное. Оно подобно дереву: один порыв ветра может погубить побег, но если он устоял, этот побег, то он поднимется, это уже куст или прекрасный отросток юного дерева и, наконец, это дерево. Я же теперь бесполезный пень; на мне уже не вырастут новые побеги. Увы! чем я сделаюсь! Я ужасно боюсь будущего. Видишь ли ты этих жалких стариков, с которыми грубо обходится сварливая прислуга, которая хорошо знает, что её не прогонят, так как в ней нуждаются. И я не буду иметь около себя друга — женщину, с которой у меня были бы общие воспоминания, совместные путешествия, труды, добрые дела. У меня не будет женщины, с ко-

торой я бы мог смеяться над своими любовными историями. Это ужасно!

— Нет ли у тебя других... забот?

— Каких, дорогая моя?

— Только что ты мне сказал, что у тебя был судебный пристав...

— А! да, я тебе говорил об этом... Да, это верно... Но это преходящее, я смеюсь над этим. Это не больше, как шутка; если я захочу, у меня завтра будет состояние.

— Ну, а если продадут твою мебель?

— Но я только этого и желаю; я хочу, чтобы её продали. Мне уже надоело смотреть на эти вещи, и к тому же они вызывают во мне столько воспоминаний, — здесь меня посетило столько очаровательных женщин, которых я уже не видел больше... Всякая вещь здесь была моей соучастницей во лжи...

Зюка! А того он не сказал, что мы были в одинаковой степени соучастницами и его радости!

— Почему бы тебе не предпринять продолжительного путешествия? — спросила Габриэлла.

— Потому что я один, всегда один.

— А между тем у тебя есть друзья! Я знаю людей...

— Которые кажутся моими друзьями, — прервал мой хозяин. — Менее лицемерные, более ревнивые и имеют ещё меньше поводов называться моими истинными друзьями. Кроме того, мне не интересно путешествовать с женщиной.

— А со мной ты бы хотел?

— С тобой?

— Да, я была бы счастлива уехать с тобой на край света...

— Ты не знаешь, о чем ты говоришь... А твой муж?

— Не беспокойся о моем муже...

— Ты хочешь бросить своего мужа? — воскликнул мой хозяин.

— Почему же нет?

— О, это смешно! И ты бы бросила мужа, чтобы сопровождать меня — такого, каков я есть...

— Я была бы твоим другом, а не твоей любовницей. Я бы не ревновала тебя.

— Ты говоришь вздор. Мы были бы возлюбленными, и это было бы сумасшествием.

— Нет, не возлюбленными...

— Что ты говоришь? Но, дорогая кокетка; даже в эту самую минуту ты готова сделаться моей любовницей. Твои уста жаждут моих поцелуев... У тебя только одно жела-

ние — очутиться в моих объятиях... Мы бы не были возлюбленными? О! какое безумие! Но я, я бы сделал тебя своей любовницей! И в доказательство того, что ты ошибаешься, я тебе скажу, что, исполни я свое желание, я тут же получил бы благодарность.

— Нет, нет, нет... Я не хочу!

— Ты этого страстно желаешь! Не лги!

— Я не хочу!

Он приблизил свои губы к её губам.

— Ты не хочешь? А я чувствую, что ты хочешь!..

Ах! Бедная Габи, она не хотела!

Но что бы это было, если бы она хотела?

Она была действительно прекрасна, любовь этих безумных... Я не осмеливаюсь описать эти поцелуи, эти ласки. Закройте ваши глаза и, если вы сможете, вообразите

себе то, что вы считаете самым замечательным.

Часом позже Габи ушла; она умоляла его позволить ей прийти ещё хоть раз.

— Всегда один! — сказал мой хозяин, когда дверь захлопнулась за Габи. — Всегда один!

Он растянулся на мне, взял книгу и задремал; об обеде же он совершенно забыл. Мой неблагодарный хозяин был в моих объятиях, и я была счастлива, как влюбленная, ощущающая вблизи себя дорогого её сердцу любовника.

XXII.

В день Нового года хозяин отсутствовал. Он вернулся через два дня. Вчера утром он представил судебному следователю, явив-

шемуся с разного рода примирительными комбинациями, доказательства поранений. Днем он пригласил красивую даму, бывшую актрисой в каком-то, мне неизвестном, театре; вечером он в течение четырех часов писал, большей частью пожелания счастливого года. Затем, полежав несколько минут, он вскочил с постели, снова зажег лампу и написал ещё одно письмо.

Очевидно, это было серьезное письмо, так как закончив писать, он посвятил ему значительное время. Написав, он прочел его очень внимательно вслух.

Вот дословно это письмо:

«Mademoiselle, я не воспользовался данной мне вами возможностью написать вам признание в любви; вы вправе были его ожидать, если вспомнить наш последний разговор. Я устал ломать комедию. Я решил исправить свое поведение и повиноваться, наконец, моему искреннему чувству. Я ду-

маю, что светской девушке будет приятно начать интригу с таким развратником, как я, и повести её к тому же так, чтобы она завершилась высшим блаженством! без сомнения, гораздо скучнее проводить время в обществе какого-нибудь неопытного или робкого принца, чем щекотать нервы распутника; молодая девушка может смело, закрыв глаза, вверить мне судьбу приключения; я руководитель её во всех затруднительных положениях. Ну-с, хватит с меня наставлять молодых девушек для какого-нибудь господина X! Я считаю крайне несправедливым брать на себя неблагодарный труд посвящения в тайны; теперь я хочу воспитать девушку с тем условием, чтобы, возмужав, поняв всю науку, она разделяла бы мое общество.

Я позволю себе, *mademoiselle*, просить вашей руки.

Такое предложение избавляет вас от всяких объяснений в любви, не правда ли?

Вполне вероятно, что если бы я вас не любил, я бы вам не предложил руки; после нашего недавнего разговора я в достаточной степени могу быть уверен, что вы, не заикаясь ни о каких гражданских или религиозных обрядах, согласитесь провести со мной в постели по крайней мере один день.

Но я вас люблю, это бесспорно. Я предполагаю, и это вполне естественно, что буду вам верен; у меня очень мало желания, и я даже не предполагаю возможности его появления.

Как только я получу ваш ответ, — я думаю, что он будет благоприятным, — я пойду к вашей матери, которая, как я думаю, начнет хохотать при первых же моих словах; потому что это невозможно, чтобы мать, имея взрослую дочь, оставалась серьезной при таком изумительном предложении. Действительно, гожусь ли я в мужья? Ваша мать, дорогая *mademoiselle*, не настолько мещански заносчива, как это кажется с

первого раза. Я успел в различных обстоятельствах оценить её качества и, удивительная вещь, я не нахожу, что она будет невозможной тещей.

Таким образом, хотя и без энтузиазма, я могу принять вашу мать как тещу.

Не хвастаясь, скажу, что очень трудно будет найти в Париже или в провинции мужа, который бы мог вам больше моего понравиться. Я вас поцеловал не менее двенадцати раз, и этого для вас достаточно, чтобы сложить более или менее определенное мнение о моем характере. Когда мы гуляли с вами в толпе, вам должно было льстить, что вы опираетесь на руку господина, который был любимцем такого значительного количества женщин, что можно было бы принять за хвастовство, если бы я стал рассказывать об этом.

Вот это всё, что я могу вам предложить взамен вашей молодости, вашей красоты и вашего приданого, которое, я надеюсь,

очень важно и для меня, и для вас. Насчет этого предмета, если вы меня послушаете, нам будет очень легко убедить вашу мать; я знаю очень хороший способ, я сделаю вас своей соучастницей.

Завтра, во вторник, около двенадцати часов, вы получите письмо; если вы его прочтете после завтрака, то будет половина первого; у вас будет время долго и серьезно поразмыслить об этом. Не забывайте, что от ваших размышлений зависит всё счастье вашей жизни; в три часа вы придете ко мне и сами принесете ваш ответ, вместо того, чтобы побежать в мастерскую, которая вам ни к чему, так как вы не настолько одарены, чтобы заниматься живописью. Впрочем, когда мы будем женаты, я самым добросовестным образом сожгу всё то, что вы намарали карандашом и красками; это слишком гадко и неартистично; дорогая mademoiselle, у вас нет ни малейшего понятия об искусстве и красоте; у вас ужасный вкус; но, чтобы моя откровен-

ность вас не приводила в отчаяние, я вас возведу в культ красоты; это будет очень забавно.

До завтра, mademoiselle; я полагаю, что сумею оправдать ваше доверие, подобно тому, как и вы можете гордиться тем уважением, которое я питаю к вам.

Целует вас ваш будущий супруг.

Кстати, вчера, когда я вас укусил за шею позади уха, почему это вы приняли такой глупый вид? Моя дорогая, ваша физиономия был в тот момент так же смешна, как у того господина, у которого зонтик гнется под дождем и который спрашивает себя, что будет с ним, когда ещё один порыв ветра вырвет зонтик из его рук. И знайте, моя дорогая, если всякий раз, как я вас укушу, вы будете принимать такой вид, мы не скоро надоедим друг другу».

Три часа.

Она вошла в тот момент, когда пробила кукушка. Эти часы ничем не напоминают старого друга моего хозяина — теперь следует всегда говорить «старый» — который систематически опаздывает на час на все свидания. Видите ли, неаккуратные молодые люди всегда случайно опаздывают на четверть часа или на пять минут. Настоящий зяблик. Бегает, болтает, танцует. И хорошо!..

— Я в невменяемом состоянии с той минуты, как прочла ваше письмо... Как я смеялась!.. Знаете, это довольно вольное предложение! Но какая же вы кляча! Вы хотели, вышучивая, обольстить меня. И будь я злопамятной, я бы не пришла... Но не могу я быть злопамятной. Поцелуйте меня в шею, укусите, и вы всё увидите.

И она, мило и весело поднявшись на цыпочки, наклонила головку с задорным мальчишеским видом.

Мой хозяин её поцеловал, укусил её, о! и ещё сколько раз!

Она мило ухмылялась и щурила глазки.

— Ну-с, теперь вы мне доказали, что...

— Что я могла бы иметь покровителем не только того господина, у которого гнется дождевой зонтик, — прервала она.

— Скажите мне, милая Ивонна, на чем же вы порешили?

— Что?

— Вспоминаете? — спросил мой хозяин.

— Разве это серьезно? — воскликнула молодая девушка.

— Самым серьезным образом, — ответил мой хозяин.

— Нет!.. Вы, наверно, ошибаетесь? Это было серьезно?.. Я думала, что это шутка... Я совершенно не думала... Но подождите...

Она нахмурила брови, приняла наполеоновскую позу, потом, спустя двадцать секунд, она сказала:

— Ну что ж, я согласна. Я не вижу причины почему бы... Хотя вы немного потрепаны... Но нельзя не устать после стольких победоносных сражений в течение десяти лет! Я согласна, вы будете моим супругом, если моя мать даст свое согласие.

Мой хозяин заключил Ивонну в свои объятия и нежно прижал к груди. Он прильнул губами к её белому лбу и долго держал её так.

— Я вас люблю, Ивонна, — сказал он, — и я хочу всю свою жизнь посвятить для счастья нашей жизни; я уж позабочусь о том, чтобы защитить вашу молодость и красоту, которые вы мне дарите, от всего, что их может омрачить и что им может повредить. Даю вам мое честное слово, что я сделаю всё невозможное, чтобы вы не переставали смеяться; я вас приведу в восторг, я вам

дам такие наслаждения, о которых вы даже не подозревали в своих мечтах. Теперь я хочу вас отослать. Вернитесь к себе. Вам нельзя дольше оставаться у своего жениха, потому что тело так слабо, а желания так сильны; и Ивонна не должна быть любовницей прежде, чем сделается женой. Если я не считал необходимым уважать тех, которые становятся женами других, то я хочу уважать мою невесту, очаровательное дитя, которое скоро будет моей женой; потом, о! потом её тоже не будут уважать. Идите, Ивонна, идите, любимая моя; вернитесь к своей маман. Скоро четыре часа... Через некоторое время я буду вас и попрошу у вашей уважаемой маман вашу маленькую ручку.

Тихо они направились к двери; их глаза были наполнены нежностью; их походка была преисполнена важности... А я — я давала обеты...

...Эта милая дама с карими глазами. Лицо её было покрыто вуалеткой, но всё-таки

множество маленьких чёрных мушек не могли скрыть, что её глаза заплаканы.

— Я получила твое письмо, — сказала она моему хозяину, — и я тебе очень благодарна, что ты предупредил меня. Я была бы гораздо больше огорчена, если бы узнала о твоей женитьбе от других... Несмотря на то, что это очень тяжелый удар для меня, я тебя не порицаю за твой поступок. Не правда ли? Мы так долго любили друг друга, что мне казалось, что это будет всегда продолжаться... Я была эгоисткой. Я думала только о себе... И я понимаю теперь, что человек, подобный тебе, должен иначе устроить свою жизнь, чем иметь такую случайную странную связь, какой представляется наша.

— Я был убежден, моя дорогая, нежная подруга, что ты такова, какую я тебя знаю. Только ты не думай, что я перестал тебя любить. Я тебя люблю от всего сердца. Моя привязанность к тебе не знает границ.

— Ты любишь Ивонну?.. Она хороша... Она достойна твоей любви...

— Благодаря тебе я полюблю её ещё сильнее, — сказал он.

— Как только... ты женишься... И я...

— Я сказал Ивонне, как я тебя люблю. Я ей говорил о нашем прошлом так страстно, что она пожелала узнать женщину, которая произвела на меня такое впечатление.

— Это невысказано! — воскликнула прекрасная дама с карими глазами. — Потом она меня возненавидит... она будет ревновать!

— И я тебе покажу, что она верит в твою искреннюю доброту и твое благородство. Я тебя умоляю быть нашей подругой. Нам суждено не расставаться; жизнь требует, чтобы ты дополняла во мне то, чего не может дополнить Ивонна; ни я, ни она не совершенны. Ты не можешь выйти за меня замуж; мы останемся влюбленными, кото-

рые навеки сохраняют свою любовь. Мы будем только друзьями. Ты мне часто говорила, что хочешь быть моей сестрой; будь на самом деле моей сестрой; будем братом и сестрой.

— Возможно ли это?.. Я огорчена...

— Согласна ли ты, моя милая, дорогая сестра, чтобы мы больше не виделись? Завтра Ивонна пойдет к тебе; она попросит у тебя разрешения любить тебя.

— Она! Она придет ко мне?

— Она явится совершенно одна; она хочет, чтобы не было свидетелей при этой первой встрече. Она горда, смела и прямодушна.

— А когда свадьба? — спросила милая дама.

— При первой возможности, через несколько недель, — ответил мой хозяин.

— Ах! Как глупа жизнь мужчин и женщин! Я должна была выйти за тебя замуж!

— Но это невозможно, невозможно...

— Действительно, это невозможно. Нельзя сдвинуть гору или засыпать море... Это совершенно невозможно! Представились такие препятствия, которых мы даже и не предполагали!.. И всё же я никогда не думала, чтобы ты мог жениться!

Он прижал её к груди, поцеловал её прелестные глаза, лоб, потом он поцеловал её внезапно побледневшие губы. И оба разом пролепетали со страхом:

— Последний поцелуй!..

И они, обняв друг друга, залилась горячими слезами.

Их связь порвалась одним словом: «последний поцелуй». Они сказали: «последний поцелуй».

Влюбленные были свободны!

Милая дама с карими глазами, плача, удалилась. Они не обменялись ни словом...

Я не увижу её больше никогда. Прощай!
Прощай! Прощай!

Мой хозяин позвал привратника и сказал ему:

— Начиная с сегодняшнего дня я не принимаю ни одной женщины.

— Хорошо, сударь.

— Исключая только двух: этой молодой девушки и её матери, которая была на этих днях...

— Да, невесты вашей, сударь.

— Разве вы знаете?

— Да, я был на лестнице и слышал из-за двери, что господин ей говорил.

— Хорошо, хорошо... Только их двух. Больше никого.

Это ужасно, сколько прощальных писем написал мой хозяин в продолжение сорока восьми часов! Он хотел быть вежливым по

отношению к своим подругам. Каждой на свой лад. Он благодарил. Он сожалел, что не может пригласить их на свадьбу. Он смеялся здесь, шутил там. Он писал так, как будто надеялся, что какой-нибудь любитель соберет все его послания, чтобы в один прекрасный день опубликовать их под заглавием «Последнее прости приговоренного».

Он написал также матери своей невесты.

Он даже имел дерзость сказать ей, что у неё прекрасный рот.

Решительно, я больше не узнаю любовь. Этот приказ строго соблюдается. У нас больше нет никаких женщин. Я себя развлекаю перелистыванием моих «Мемуаров»; я искала таких, которые мне были более симпатичны, таких, которые во мне вызывают больше волнений; и я их нашла разбросанными в моих воспоминаниях, как будто бы я перелистывала фотографический альбом.

Я ли их не видела, этих женщин? Я ли не слышала вздохов, восклицаний радости? Мои пружины ещё помнили всех этих счастливых и безумных дам. Сознаюсь, я жалела, что мой хозяин не подождал ещё немного... По моему мнению, он слишком поторопился.

Я себя часто осматриваю и вообще очень интересуюсь собой. Я уже давно открыла в себе кокетство! Если мои пружины устали, это ещё не так удивительно; они должны были ещё больше устать; на моей вышивке то здесь, то там появились пятна, но это не так важно; я ещё достаточно чиста. Мои краски слиняли; и я имею вид совсем пожилой. У меня всего два колеса и голова на ногах.

Да, у меня ноги на голове, и у этих ног есть колесики. Я знаю многих, которые не могли бы их так показать. Осматривая себя, я замечаю, что у меня недостает нескольких гвоздиков — но это тоже не важно. В общем, несмотря на мою усиленную

работу, я очень мало потеряла в цене, и приказчик, который меня продал даме с карими глазами, не лгал, говоря, что мебель, подобную мне, можно покупать со спокойной душой.

Все же я страшно взволнована. Что он будет делать со мной? Я знаю, что кровать, маленький стульчик, пуф, кресло, стол, комод должны задаваться теми же мучительными, наводящими страх вопросами; но над ними я смеюсь. Во мне пробуждаются эгоистические инстинкты — я интересуюсь только собой.

Ну что же? Что будет со мной завтра?

Уверяю вас, есть о чем подумать при такой рези в желудке! К счастью, у кушеток нет желудка; его присутствие сильно отравляло бы вам жизнь.

Но тем не менее, я чувствую себя так, как будто меня разрезали на тридцать шесть тысяч миллионов маленьких кусочков; напрасно я стараюсь собрать все обрывки,

чтобы хоть отчасти восстановить свой образ... в перспективе я не вижу ничего, ничего, ничего, кроме здания аукциона. Это ужасно!

XXIII.

С этого утра началась моя Голгофа. Судебный пристав Сусебрик сделал проверку тех предметов, на которые он наложил арест. Кресло, пуф, шкаф, стол, библиотека, рамы, зеркала, умывальник и я, мы все помещены в большую повозку, которая дурно пахла. Я лежала на боку, и мрамор умывальника немного порвал материю, покрывавшую мои пружины. Мы все были молчаливы, печальны, потрясены, и слова утешения как-то не срывались с языка. Кто будут наши хозяева? В какие дома мы попадем? Ясно, что мы начинали с хорошего житья; что нас теперь ожидает?

Прибыли к зданию аукциона. Когда меня выносили из коляски, мне сломали ножку. Печально мы стояли на мостовой, стуча зубами от волнения и робости; холод проникал до мозга костей. Ужасный запах издавала окружающая нас жалкая мебель, тоже предназначенная к аукциону. Напрасно мы искали в наших складках и изгибах следы vervein'a; окружающее зловоние прямо ударяло в ноздри, и в первый раз в жизни я себя чувствовала так плохо.

Вновь подъезжающие повозки выгружали всё больше и больше мебели. В сером влажном тумане эти ненавистные испарения, казалось, ещё больше приближались к нам, и становилось совсем трудно дышать.

Внезапно около полудня решетки распахнулись, и толпа такая же жалкая, как и эта погода, бросилась через груды мебели; грязные ноги оставляли на нас пятна; большие сапоги толкали кресла, грубые руки ощупывали, дергали, драли. Можно

было подумать, что толпа диких людей превратит всё в порошок.

Но с приходом комиссара-оценщика наступила всеобщая тишина; вокруг него образовалась группа, и началась торопливая, равнодушная отдача с торгов: конечно, бесполезно было тратить столько времени на такие жалкие товары.

Мы образовали четвертую группу, и наша группа была не хуже той, что составила из соседней мебели. У меня уже не было сил интересоваться тем, что стало с третьим выигрышем; дело, наконец, дошло до нас. Я была внизу; меня сложили в кучу вместе с другими маловажными предметами. Я, ощущавшая ещё недавно на себе нежных влюбленных, должна была поддерживать всякие невзрачные предметы! Это меня мучило...

Стеклянный шкаф был продан за пятьдесят восемь франков одному торговцу мебели; пуф пошел за двадцать четыре франка де-

сять су; кресло за шестьдесят франков; маленький столик, милый дорогой столик, на котором лежало так много прелестных, милых записок, с трудом прошел за тридцать семь франков. Увы! в его ящике оставалось несколько любовных писем. Комод в стиле Людовика XV с бронзовыми каймами был куплен одним господином за восемьдесят франков; вся столовая была оценена в восемьдесят девять франков. Кокотка шестого класса дотянула цену биде до трех франков, и ей уступили. Потом продали рамы за несколько франков. Наконец, дошла очередь до меня; у меня было только одно колесико, потрескалась одна нога, обивка некрасиво оттопыривалась, можно было подумать, что у меня был вскрыт живот и вынуты внутренности. Я не думала оказать даже малейшего сопротивления. Я решила терпеливо выдерживать все страшнейшие удары судьбы.

— Тридцать франков, — предложил оценщик.

Раздался взрыв смеха; никто за меня не дал бы и су.

— Есть охотник за десять франков, — снова заявил оценщик.

— Двенадцать франков! — послышался голос женщины, которую я не могла разглядеть.

— Тринадцать франков, — перебил человек, бывший, вероятно, мелким почтовым чиновником или служащим в министерстве.

— Четырнадцать.

— Четырнадцать, сударыни; это стоит гораздо больше.

— Семнадцать...

— Девятнадцать!

— Двадцать...

— Двадцать франков! Стучу... Никто не даст больше?

— Двадцать один!

Это было печально. Двадцать один франк! Я вся вскипела от негодования. Я погрузилась в размышления, из которых меня вывел удар молотка. Я была присуждена. Кому? Этого я не знала. Меня отодвинули в сторону. Старая дама подошла ко мне; она меня очень внимательно осмотрела; без сомнения, она была в восторге от своего приобретения. Спустя десять минут меня вынесли на руках к повозке, и я ещё слышала на ходу, как за двенадцать франков был продан маленький стул проститутке из Монмартра. Для какого дела его теперь предназначат? Около часа понадобилось для того, чтобы пробраться до своего нового жилища. Мы проехали большую часть Парижа; я в первый раз увидела Сену и вспомнила об этих «восхищенных берегах», о которых говорит, я не знаю точно, какая, поэтесса. Я прочитала на плакате: «Boulevard Sant-Michel». Мы поехали по Boulevard Sant-Michel. Наконец, повозка

остановилась на улице Gay-Zussac. Дом был из самых старых на этой улице. Комиссионер взвалил меня на спину и понес во второй этаж по тесной и темной лестнице. Там меня поставили в спальне.

Какая ужасная атмосфера! Пахло чем-то затхлым — лекарствами и ещё другими вещами, которые не имеют привилегии восхищать обоняние.

Я всегда как бы предчувствовала, что окончу свои дни у какого-нибудь старика, и мои предчувствия не обманули меня. Боже! Я попала к восьмидесятилетнему господину, глухому, постоянно беспокоящему свою жену, которая день и ночь молила Бога, чтобы он избавил её от бесполезного супруга.

Она сама вычистила меня щеткой, между тем как горничная зашила разорванную материю; удар молотка заставил отскочить мое последнее колесико, которое меня делало хромой. Немного времени спустя как

бы для того, чтобы посмотреть, какую картину мы представим — старик и я — он лег на меня. Почти тотчас же я ощутила, что меня залили кипятком, который проник в мою обивку, полился вдоль рессор и совершенно покрыл меня сверху. Старая свинья — простите за выражение — забыл совершенно про учтивость и вежливость.

На что мне оставалось надеяться? В такой обстановке, когда вещь страдает от всевозможных оскорблений, остается только преклонить колена перед суровой судьбой.

Я и так была надушена комнатным воздухом. Увы! Бедная я! Мне предстояло пропитаться ещё лучшим запахом. Не удовлетворяясь тем, что он меня снабжал своей отвратительной мочой, старый хрен постоянно достаивал меня самой отвратительной... помадой. Так что, после стольких дорогих незабвенных лет, проведенных у моего любимого хозяина, хотя он расстался со мной без всякой жалости, не сказав ни единого доброго слова, где я испытывала

почти ежедневно тончайшие сладострастные чувства, я должна теперь ежедневно принимать на себя несчастную развалину с развинченными нервами.

Вот это апофеоз!

Я не хочу продолжать своих «Мемуаров». Я чувствую, что нечего будет больше сказать. Жизнь моя кончена. Она началась в царстве солнца, а кончается так позорно.

Какой запах! Какой запах!

Напрасно я стараюсь вспомнить прежнее веселье; напрасно я повторяю имена прелестных женщин, которые боролись на мне со своими страстными чувствами. О, Жанна, блондинка, с прелестными золотистыми волосами! О, Берта, брюнетка, твое лицо и линии тела напоминали ту прелестную Лиану, которую безумно любил мой хозяин! А ты, Марта, такая любительница ласкомств и поцелуев! И ты также, Андре, чудная и изящная *dame d'amour*! Жанна, Жанна, все Жанны, Мери, Марии, Маноны,

Клотильды, Матильды... и ты, Луизетта, и ты, Маргарита, и все вы — из провинции, из всех городов Европы и Америки, веселые, свежие, разбитные женщины, покинувшие своих несносных мужей, распутные, удовлетворяющие до пресыщения свои сладострастные чувства, очаровательные кокотки, женщины полусвета...

О! я вас умоляю, вернитесь все, как видения, принесите какое-либо утешение несчастной кушетке! Я была предназначена служить вашим прихотям; я не спала ночей напролет, записывая ваши похождения, вы у меня в долгу. Дайте же мне возможность вновь зажечь прежними мечтами. Я обращаюсь к вам, как к последней надежде на спасение. Если вас больше не будет со мной, я не выживу!

О, бедная! Мой хрыч заставил меня принять третью по счету ванну!

Горничная это заметила.

— Старая свинья! — воскликнула она. — Кроме как пить, он обо всем забывает!

Она в это время натирала паркет.

Здесь натирают паркет; но никогда не сменяют старику белья. Как это грустно, состариться таким образом!

Говорила ли я, что горничная грубая замарашка? Прежде всего, она некрасива; она дурно провела свою молодость.

Сегодня, после полудня, пришел к нам племянник моих новых хозяев, служащий в одном большом магазине. Тетки его не было дома; она по воскресеньям ходит к вечерне.

Ожидая её, он стал заигрывать с горничной, так как не мог же он разговаривать со своим дядей, который не только не говорил, но и не понимал ничего. Та ничего не имела против, наоборот, она была очень довольна. Я не уверена, произошло ли то, чего они хотели, потому что они ушли в

столовую или, может быть, в гостиную, а оттуда я уже ничего не могла слышать.

Мой старик в это время утешался вполне.

...Прошло девять дней; ничего нового. Моя жизнь, как и жизнь всех окружающих, протекает вяло и однообразно. Я не в силах больше так жить. Я задуюсь. Я, сказав последнее прости, наложу на себя руки. Я сделаю сверток из всех листов бумаги, которые я исписала чернилами, и пусть, кому заблагорассудится, возьмет их. Так моряк, чувствуя, что корабль идет ко дну, бросает в море бутылку.

Прощайте, маленькие девочки, так страстно льнущие к мальчикам; среди вас я провела такие счастливые годы; прощай, узкий и тёмный двор — царство тишины и тайн; прощай, бедная мебель; не знаю, куда тебя судьба забросила, а, может быть, ты, как и я, в этот момент стонешь и сожалешь о прошлом; прощайте, прелестные женщины, девицы, полудевы, услаждавшие

песнями мой слух и заполнявшие мою тоску такими чудными звуками; прощайте, сударыни; прощай, прелестная дама с карими глазами, которую я любила от всей души; прощай, милашка Андре; тебе мой хозяин уделял много сокровищ своей души и кое-что ещё; прощай, дорогая Ивонна, ставшая законной супругой моего хозяина; не делай его рогоносцем, он тебе доверяет, и к тому же бесполезно обманывать такого супруга, как он; прощай, мой любимый хозяин, которого могучее туловище, покрытое волосами, приближало к доисторическим людям, к первым потомкам медведя или обезьяны, обладателям мускулистых солидных рук; его уста так много дали и в таком обилии приняли поцелуи; его нервная сила была так поразительна; и я убеждена, что он мог удовлетворить всех женщин мира и даже негритянок! Прощай, прощай славная, прелестная жизнь, пышно расцветавшая, и этот тернистый путь, по которому, обнявшись, проходило столько влюбленных пар; прощайте, вздохи, ласки,

крики восторга, возгласы, мольбы... ещё!..
Ещё!.. Ещё!.. Прощай, маленький стул, мой
соперник и соучастник; прощай, большая
кровать, к которой я ревновала, ты единст-
венная непроданная, ты, может быть, и по-
ныне служишь прихотям моего дорогого
хозяина и обожаемой им Ивонны; прощай,
старое тяжелое мещанское кресло; про-
щай, неудобный пуф; прощай, перо; про-
щай, чернильница; прощай, бумага, я мог-
ла бы записать ещё много интересных эпи-
зодов, если бы не этот злосчастный слу-
чай...

Я плачу, я рыдаю, мои нервы взвинчены, я
не вижу, я не слышу больше, я как бы па-
рализована... Я, кажется, становлюсь хры-
чом, похожим на моего старого хозяина... я
перестая узнавать... Я немею... Вот мои по-
следние слезы... Я плачу... Я смеюсь... Я
схожу с ума! Я сумасшедшая! Ах! Ах! Ах! Я
сумасшедшая... безумная! Я... безумная... Я
плачу...

КОНЕЦ.

oo o oo

СНОСКИ:

1 Лино — тонкое полотно.

oo oo

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Викторьен Соссэ.	1
ДНЕВНИК КУШЕТКИ.	1
СОДЕРЖАНИЕ:	1
I.	2
II.	12
III.	26
IV.	34
V.	40
VI.	44
VII.	51
VIII.	58
IX.	67
X.	72
XI.	78
XII.	86
XIII.	93
XIV.	108
XV.	111
XVI.	117
XVII.	122
XVIII.	138

XIX.	152
XX.	157
XXI.	163
XXII.	175
XXIII.	184
СНОСКИ:	191
ОГЛАВЛЕНИЕ:	192

o o o